

Р-61

Родоначальники Позитивизма.

Выпускъ четвертый.

Огюстъ Контъ.

Переводъ И. А. ШАПИРО.

Подъ редакціей Э. Л. РАДЛОВА.

Цена 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1912.

== НОВОЕ ИЗДАНИЕ ==

Акц. Общ. БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ. СПБ., Прачешный пер., 6.

При участіи профессоръ М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Н. И. КАРЪЕВА.

СЕРІЯ ИЗЪ ПЯТИ ВЫПУСКОВЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РОДОНАЧАЛЬНИКИ ПОЗИТИВИЗМА.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомить читателей съ первоисточниками и постепеннымъ развитіемъ позитивизма. Сюда вошли впервые появляющіяся на русскомъ языкѣ, наиболѣе выдающіяся произведенія, разрабатывающія позитивныя идеи, начиная отъ Тюрго до Огюста Конта включительно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Выпускъ I. Предисловіе проф. М. М. Ковалевскаго.

- I. Иммануиль Кантъ, «Идея всеобщей исторіи».
- II. Его же, «Предполагаемое начало исторіи человѣчества».
- III. Тюрго, «Послѣдовательные успѣхи человѣческаго разума».
- IV. Его же, «Разсужденіе о всеобщей исторіи».
- V. Д'Аламберъ, «Очеркъ происхожденія и развитія наукъ».

Выпускъ II. Сень-Симонъ, «Катехизисъ промышленниковъ» (3-я часть написана Огюстомъ Контомъ).

Выпускъ III. 1) Сень-Симонъ, «Очеркъ науки о человѣкѣ». 2) Сень-Симонъ и Огюстенъ Тъери, «О преобразованіи европейскаго общества или о необходимости и средствахъ объединить всѣ европейскіе народы въ одно политическое тѣло, сохраняя каждому его національную независимость».

Выпускъ IV. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма». 1) «Курсъ позитивной философіи» (двѣ вступительныя лекціи). 2) «Общій обзоръ позитивизма»: часть 1-ая, «Основной духъ позитивизма»; часть 2-ая, «Соціальное назначеніе позитивизма, согласно его необходимому соотношенію съ совокупностью великой западной революціи».

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Выпускъ V. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма»: часть 3-ья, «Значеніе позитивизма для народа»; часть 4-ая, «Отношеніе позитивизма къ женщинѣ»; часть 5-ая, «Эстетическая способность позитивизма». Общее заключеніе: «Религія Человѣчества».

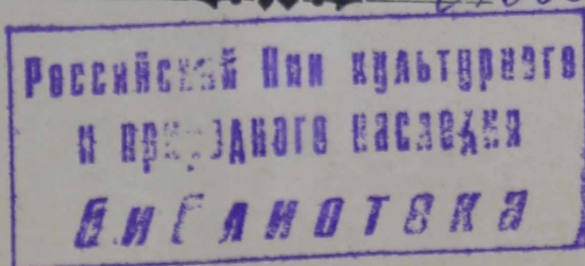
Родоначалъники
ПОЗИТИВИЗМА.

Выпускъ четвертый.

Огюстъ Контъ.

Переводъ I. А. ШАПИРО.

Подъ редакціей Э. Л. РАДЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1912.

28330

~~01503~~

К

I

Курсъ позитивной философіи ¹⁾.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изложеніе цѣли этого курса, или общія соображенія о природѣ и значеніи позитивной философіи.

Въ этой первой лекціи я имѣю въ виду ясно изложить цѣль этого курса, т.-е. точно опредѣлить духъ, въ которомъ будутъ разсматриваться различныя основныя отрасли естественной философіи, указанныя въ представленной мною вамъ краткой программѣ.

Безъ сомнѣнія, характеръ этого курса можетъ быть вполне понятъ, настолько, чтобы составить себѣ о немъ окончательное мнѣніе, только послѣ того, когда его отдѣльныя части будутъ послѣдовательно развиты. Таково обыкновенно неудобство опредѣленій, относящихся къ очень обширнымъ системамъ идей, когда они предшествуютъ изложенію. Но общія положенія можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: либо какъ общій взглядъ на подлежащее доказательству ученіе, либо какъ выводъ изъ установленнаго уже ученія. Хотя эти положенія пріобрѣтаютъ всю цѣнность только тогда, когда они разсматриваются со второй точки зрѣнія, но и при первой точкѣ зрѣнія они имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ опредѣляютъ съ самаго начала предметъ изслѣдованія. Общее ограниченіе поля нашихъ изслѣдованій, произведенное со всей возможной строгостью, является, по нашему мнѣнію, вступленіемъ, въ особенности необходимымъ для столь обширнаго и до сихъ поръ столь мало опредѣленнаго труда, какъ тотъ, къ которому мы теперь приступаемъ. Именно вслѣдствіе этой логической необходимости я считаю нужнымъ теперь же указать вамъ рядъ основныхъ соображеній, которыя обусловили появленіе этого новаго курса и которыя впослѣдствіи будутъ развиты съ той подробностью, какую заслуживаетъ чрезвычайная важность cadaго изъ нихъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ объяснить истинную природу и особый характеръ позитивной философіи, необходимо прежде всего бросить общій взглядъ на поступа-

¹⁾ Въ своемъ «Общемъ обзорѣ позитивизма» («Discours sur l'ensemble du positivisme»), который составитъ IV и V вып. нашей серіи, Контъ часто ссылается на свой шеститомный «Курсъ позитивной философіи». Чтобы ознакомить читателя съ этимъ капитальнымъ трудомъ и чтобы пополнить «Общій обзоръ», мы сочли необходимымъ помѣстить здѣсь двѣ вступительныя лекціи этого «Курса». *Пер.*

тельный ходъ человѣческаго разума, рассматривая его во всей совокупности, ибо никакая идея не можетъ быть хорошо повята безъ знакомства съ ея исторіей.

Изучая, такимъ образомъ, весь ходъ развитія человѣческаго ума, въ различныхъ областяхъ его дѣятельности, отъ его первоначальнаго проявленія до нашихъ дней, я, какъ мнѣ кажется, открылъ великій основной законъ, которому это развитіе въ силу неизмѣнной необходимости подчинено, и который можетъ быть твердо установленъ либо путемъ раціональныхъ доказательствъ, доставляемыхъ познаніемъ нашего организма, либо посредствомъ историческихъ данныхъ, извлекаемыхъ при внимательномъ изученіи прошлаго. Этотъ законъ заключается въ томъ, что каждая изъ нашихъ главныхъ концепцій, каждая отрасль нашихъ знаній послѣдовательно проходитъ три различныхъ теоретическихъ состоянія: состояніе теологическое или фиктивное; состояніе метафизическое или отвлеченное; состояніе научное или позитивное. Другими словами, человѣческой разумъ, въ силу своей природы, въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій пользуется послѣдовательно тремя методами мышленія, характеръ которыхъ существенно различенъ и даже прямо противоположенъ: сначала методомъ теологическимъ, затѣмъ метафизическимъ и, наконецъ, позитивнымъ. Отсюда возникаютъ три взаимно исключаютельныхъ другъ друга вида философіи, или три общія системы воззрѣній на совокупность явленій; первая есть необходимый отправной пунктъ человѣческаго ума; третья—его опредѣленное и окончательное состояніе; вторая предназначена служить только переходной ступенью.

Въ теологическомъ состояніи, человѣческой умъ, направляя свои изслѣдованія, главнымъ образомъ, на внутреннюю природу вещей, на первыя и конечныя причины всѣхъ поражающихъ его явленій, стремясь, однимъ словомъ, къ абсолютному знанію, рассматриваетъ явленія, какъ продукты прямого и непрерывнаго воздѣйствія болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъестественныхъ факторовъ, произвольное вмѣшательство которыхъ объясняетъ всѣ кажушіяся аномаліи міра.

Въ метафизическомъ состояніи, которое въ дѣйствительности не что иное, какъ общее видоизмѣненіе теологическаго состоянія, сверхъестественные факторы замѣнены отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракціями), нераздѣльно связанными съ различными предметами, которымъ приписывается способность самостоятельно порождать всѣ наблюдаемыя явленія, а объясненіе явленій сводится къ опредѣленію соответствующей ему сущности.

Наконецъ, въ позитивномъ состояніи, человѣческой разумъ, признавъ невозможность достигнуть абсолютныхъ знаній, отказывается отъ изслѣдованія происхожденія и назначенія вселенной и отъ познанія внутреннихъ причинъ явленій и всецѣло сосредоточивается, правильно комбинируя разсужденіе и наблюденіе, на изученіи ихъ дѣйствительныхъ законовъ, т.-е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и пособія. Объясненіе фактовъ, приведенное къ его дѣйствительнымъ предѣламъ, является отнынѣ только установленіемъ связи между различными частными явленіями и нѣкоторыми общими фактами, число которыхъ уменьшается все болѣе и болѣе по мѣрѣ прогресса науки.

Теологическая система достигла наивысшей степени доступнаго ей совершенства, когда она поставила провиденціальное дѣйствіе единого существа на мѣсто разнородныхъ вмѣшательствъ многочисленныхъ, не зависящихъ другъ отъ друга божествъ,

существованіе которыхъ первоначально предполагалось. Точно также и крайній предѣлъ метафизической системы состоитъ въ замѣнѣ различныхъ частныхъ сущностей одной общей великой сущностью, природою, рассматриваемой какъ единственный источникъ всѣхъ явленій. Равнымъ образомъ, совершенство, къ которому постоянно, хотя, весьма вѣроятно, безуспѣшно, стремится позитивная система, заключается въ возможности представить всѣ наблюдаемыя явленія какъ частные случаи одного общаго факта, какъ, на примѣръ, тяготѣніе.

Здѣсь не мѣсто подробно доказывать этотъ основной законъ развитія человѣческаго разума и выводить наиболѣе важныя его слѣдствія. Мы рассмотримъ его съ надлежащей полнотой въ той части нашего курса, которая посвящена изученію социаль-ныхъ явленій ¹⁾. Я говорю о немъ теперь только для того, чтобы точно опредѣлить истинный характеръ позитивной философіи, сопоставляя ее съ двумя другими философскими системами, которыя до послѣдняго времени господствовали послѣдовательно надъ всей нашей умственной дѣятельностью. Но, чтобы не оставлять совершенно безъ доказательства столь важный законъ, который часто придется примѣнять въ этомъ курсѣ, я ограничусь здѣсь бѣглымъ указаніемъ на самыя общія и очевидныя соображенія, доказывающія его справедливость.

Во-первыхъ, достаточно, мнѣ кажется, провозгласить такой законъ, чтобы его справедливость была тотчасъ же проверена всѣми, кто нѣсколько глубже знакомъ съ общей исторіей наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной науки, достигшей въ настоящее время позитивнаго состоянія, которую въ прошломъ нельзя было бы себѣ легко представить, состоящей преимущественно изъ метафизическихъ отвлеченій, а въ болѣе отдаленныя эпохи даже и находящейся всецѣло подъ вліяніемъ теологическихъ понятій. Въ различныхъ частяхъ этого курса, мы, къ сожалѣнію, не разъ должны будемъ признать, что даже наиболѣе совершенныя науки сохраняютъ еще теперь нѣкоторыя весьма замѣтные слѣды этихъ двухъ первоначальныхъ состояній.

Это общее измѣненіе человѣческаго разума можетъ быть теперь легко установлено весьма осязательнымъ, хотя и косвеннымъ путемъ, а именно рассматривая развитіе индивидуальнаго ума. Такъ какъ въ развитіи отдѣльной личности и цѣлаго вида отправной пунктъ необходимо долженъ быть одинъ и тотъ же, то главныя фазы перваго должны представлять основныя эпохи втораго. И не вспомнить ли каждый изъ насъ, оглянувшись на свое собственное прошлое, что онъ по отношенію къ своимъ важнѣйшимъ понятіямъ былъ теологомъ въ дѣтствѣ, метафизикомъ—въ юности и физикомъ—въ зрѣломъ возрастѣ? Такая повѣрка доступна теперь всѣмъ людямъ, стоящимъ на уровнѣ своего вѣка.

Но кромѣ общаго или индивидуальнаго прямого наблюденія, доказывающаго справедливость этого закона, я долженъ въ этомъ краткомъ обзорѣ особенно указать еще на теоретическія соображенія, заставляющія чувствовать его необходимость.

Наиболѣе важное изъ этихъ соображеній, почерпнутое въ самой природѣ предмета, заключается въ томъ, что во всякую эпоху необходимо имѣть какую-нибудь

¹⁾ Подробности объ этомъ законѣ читатель найдетъ во второмъ выпускѣ настоящей серіи («Катехизисъ промышленниковъ», 3-я тетрадь).

теорію, которая связывала бы отдѣльные факты, создавать же теоріи на основаніи наблюденій было, очевидно, невозможно для человѣческаго разума въ его первоначальномъ состояніи.

Всѣ здравомыслящіе люди повторяютъ со времени Бэкона, что только тѣ знанія истинны, которыя опираются на наблюденія. Это основное положеніе, очевидно, безспорно, если его примѣнять, какъ это и слѣдуетъ дѣлать, къ зрѣлому состоянію нашего ума. Но относительно образованія нашихъ знаній не менѣе очевидно, что человѣческій разумъ первоначально не могъ и не долженъ былъ мыслить такимъ образомъ. Ибо, если, съ одной стороны, всякая позитивная теорія необходимо должна быть основана на наблюденіяхъ, то, съ другой—для того, чтобы заниматься наблюденіемъ, нашъ умъ нуждается уже въ какой-нибудь теоріи. Если бы созерцающія явленія, мы не связывали ихъ съ какими-нибудь принципами, то для насъ было бы совершенно невозможно не только сочетать эти разрозненные наблюденія и, слѣдовательно, извлекать изъ нихъ какую-либо пользу, но даже и запоминать ихъ; и чаще всего факты оставались бы незамѣченными нами.

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ, съ одной стороны, необходимости дѣлать наблюденія для образованія истинныхъ теорій, а съ другой—не менѣе повелительной необходимости создавать себѣ какія-нибудь теоріи для того, чтобы имѣть возможность заниматься послѣдовательнымъ наблюденіемъ, человѣческій разумъ долженъ былъ оказаться съ момента своего рожденія въ заколдованномъ кругу, изъ котораго онъ никогда не выбрался бы, если бы ему, къ счастью, не открылся естественный выходъ благодаря самопроизвольному развитію теологическихъ понятій, объединившихъ его усилія и давшихъ пищу его дѣятельности. Таково, независимо отъ связанныхъ съ нимъ важныхъ социальныхъ соображеній, которыхъ я не могу теперь касаться, основное положеніе, доказывающее логическую необходимость чисто-теологическаго характера первоначальной философіи.

Эта необходимость становится еще болѣе осязательной, если обратить вниманіе на полное соотвѣтствіе теологической философіи съ самой природой тѣхъ изслѣдованій, на которыхъ человѣческій разумъ въ своемъ младенчествѣ преимущественно сосредоточиваетъ свою дѣятельность.

Въ самомъ дѣлѣ, весьма замѣчательно, что нашъ умъ въ этомъ первоначальномъ состояніи ставитъ себѣ настойчивѣе всего именно наиболѣе недоступные нашимъ познавательнымъ средствамъ вопросы, какъ-то: о внутренней природѣ вещей, о происхожденіи и цѣли всѣхъ явленій, между тѣмъ какъ всѣ дѣйствительно разрѣшимыя проблемы считаются почти недостойными серьезныхъ размышленій. Причину этого явленія легко понять: ибо только благодаря опыту мы могли познать размѣръ нашихъ силъ; и если бы человѣкъ въ началѣ не имѣлъ о нихъ преувеличеннаго мнѣнія, онъ никогда не могли бы достигнуть всего того развитія, къ которому онъ способенъ. Этого требуетъ наша организація. Какъ бы то ни было, представимъ себѣ, насколько это возможно, такое всеобщее и такъ рѣзко выраженное настроеніе умовъ, и зададимся вопросомъ, какой приѣмъ встрѣтила бы въ ту эпоху позитивная философія,—предполагая, что она могла бы тогда образоваться—высшая цѣль которой состоитъ въ отысканіи законовъ явленій и главная характеристическая черта которой заключается именно въ признаніи недоступными для человѣческаго разума всѣхъ воз-

вышнихъ тайнъ, удивительно просто и легко объясняемыхъ до малѣйшихъ подробностей теологической философіей?

То же самое можно сказать, разсматривая съ практической точки зрѣнія природу изслѣдованій, занимающихъ первоначально человѣческой умъ. Въ этомъ отношеніи они сильно привлекаютъ человѣка перспективой неограниченной власти надъ внѣшнимъ міромъ, какъ бы всецѣло предназначеннымъ для нашего пользованія и находящимся во всѣхъ своихъ явленіяхъ въ тѣсныхъ и непрерывныхъ отношеніяхъ съ нашимъ существованіемъ. Всѣ эти несбыточные надежды, всѣ эти преувеличенныя представленія о значеніи человѣка во вселенной, которыя порождаетъ теологическая философія и которыя падаютъ при первомъ прикосновеніи позитивной философіи, являются въ началѣ тѣмъ необходимымъ стимуломъ, безъ котораго совершенно нельзя было бы понять первоначальную рѣшимость человѣческаго разума взяться за трудныя изслѣдованія.

Мы теперь такъ далеки отъ этихъ первичныхъ настроеній, по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству явленій, что намъ трудно ясно представить себѣ силу и необходимость подобныхъ соображеній. Человѣческой разсудокъ теперь настолько созрѣлъ, что мы предпринимаемъ трудныя научныя изысканія, не имѣя въ виду никакой посторонней цѣли, способной сильно дѣйствовать на воображеніе, въ родѣ той, которой задавались астрологи или алхимики. Наша умственная дѣятельность въ достаточной степени возбуждается одной надеждой открыть законы явленій, простымъ желаніемъ подтвердить или опровергнуть какую-нибудь теорію. Но такъ не могло быть въ младенческомъ состояніи человѣческаго разума. Безъ увлекательныхъ химеръ астрологіи, безъ могущественныхъ обмановъ алхиміи, гдѣ, напримѣръ, почерпнули бы мы постоянство и усердіе, необходимыя для длиннаго ряда наблюденій и опытовъ, которые позже послужили фундаментомъ для первыхъ позитивныхъ теорій того и другого класса явленій.

Это условіе нашего умственного развитія для астрономіи давно уже ясно почувствовалъ Кеплеръ, а для химіи справедливо оцѣнилъ въ наше время Бертоле.

* * *

Всѣ эти соображенія, такимъ образомъ, показываютъ, что хотя позитивная философія дѣйствительно представляетъ собой окончательное состояніе человѣческаго ума, къ которому онъ неизмѣнно все сильнѣе и сильнѣе стремился, она, тѣмъ не менѣе, необходимо должна была въ началѣ и притомъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ пользоваться то какъ предварительнымъ методомъ, то какъ предварительной теоріей, теологической философіей, отличительной чертой которой является ея самопроизвольность, въ силу которой она сначала была единственно возможной и также единственно способной достаточно заинтересовать нашъ рождающійся умъ. Теперь очень легко понять, что для перехода отъ этой предварительной философіи къ окончательной человѣческой разумъ естественно долженъ былъ усвоить, въ качествѣ посредствующей философіи, метафизическіе методы и доктрины. Это послѣднее соображеніе необходимо для пополненія общаго обзора указаннаго мною великаго закона.

Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, понять, что нашъ умъ, вынужденный двигаться

съ почти незамѣтной постепенностью, не могъ перейти вдругъ и непосредственно отъ теологической философіи къ позитивной. Теологія и физика такъ глубоко несовмѣстимы, ихъ понятія настолько противорѣчатъ другу другу, что прежде чѣмъ отказаться отъ однихъ, чтобы пользоваться исключительно другими, человѣческой умъ долженъ былъ прибѣгать къ посредствующимъ концепціямъ, имѣющимъ смѣшанный характеръ и способнымъ въ силу этого содѣйствовать постепенному переходу. Таково естественное назначеніе метафизическихъ понятій: они не приносятъ никакой иной дѣйствительной пользы. Замѣняя при изученіи явленій сверхъестественное направляющее дѣйствіе соотвѣтственной и нераздѣльной сущностью, разсматриваемую сначала только какъ эманация первой, человѣкъ мало-по-малу научился обращать вниманіе на самые факты, понятія же о метафизическихъ причинахъ постепенно утончались до тѣхъ поръ, пока не превратились у всѣхъ здравомыслящихъ людей просто въ отвлеченныя наименованія явленій. Невозможно представить себѣ какимъ инымъ путемъ нашъ умъ могъ бы перейти отъ явно сверхъестественныхъ къ чисто естественнымъ соображеніямъ, отъ теологическаго къ позитивному образу мышленія.

Установивъ, такимъ образомъ, поскольку я могъ это сдѣлать, не вдаваясь въ неумѣстныя здѣсь подробныя разсужденія, общій законъ развитія человѣческаго разума, какъ я его понимаю, намъ легко будетъ сейчасъ же точно опредѣлить истинную природу позитивной философіи, что составляетъ главную задачу настоящей лекціи.

Изъ предшествовавшаго мы видимъ, что основной характеръ позитивной философіи выражается въ признаніи всѣхъ явленій подчиненными неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, открытіе и сведеніе числа которыхъ до минимума и составляетъ цѣль всѣхъ нашихъ усилій, причемъ мы считаемъ безусловно недоступнымъ и безсмысленнымъ исканіе такъ называемыхъ причинъ какъ первичныхъ, такъ и конечныхъ. Безполезно долго распространяться о принципѣ, который теперь хорошо извѣстенъ всякому, кто сколько-нибудь глубже изучалъ науки наблюденія. Дѣйствительно, всякій знаетъ, что въ нашихъ позитивныхъ объясненіяхъ, даже наиболѣе совершенныхъ, мы не стремимся указывать причины, производящія явленія, такъ какъ, такимъ образомъ, мы только отдаляли бы затрудненія; но мы ограничиваемся тѣмъ, что точно анализируемъ условія, въ которыхъ явленія происходятъ, и связываемъ ихъ другъ съ другомъ естественными отношеніями послѣдовательности и подобія.

Такъ,—я привожу наиболѣе замѣчательный примѣръ—мы говоримъ, что общія міровыя явленія объясняются, насколько это возможно, ньютонскимъ закономъ тяготѣнія, ибо, съ одной стороны, эта прекрасная теорія намъ показываетъ, что все неисчислимое разнообразіе астрономическихъ явленій представляетъ одинъ и тотъ же фактъ, разсматриваемый съ различныхъ точекъ зрѣнія: постоянное стремленіе частицъ другъ къ другу пропорціонально ихъ массамъ и обратно пропорціонально квадрату разстоянія между ними; съ другой же стороны, этотъ общій фактъ намъ представляется какъ простое обобщеніе чрезвычайно знакомаго намъ явленія, разсматриваемаго нами въ силу этого какъ вполне извѣстное, именно, тяжести тѣлъ на земной поверхности. Что касается опредѣленія того, что такое сами

по себѣ притяженіе и тяжесть, каковы ихъ причины, то эти вопросы мы считаемъ неразрѣшимыми и лежащими внѣ сферы позитивной философи, предоставляя ихъ теологамъ и метафизикамъ. Невозможность разрѣшенія этихъ вопросовъ доказывается тѣмъ, что всякій разъ, когда самые великіе умы пытались сказать относительно этого предмета нѣчто дѣйствительно раціональное, они могли только опредѣлять эти два принципа одинъ посредствомъ другого, говоря, что притяженіе не что иное какъ всеобщая тяжесть и что тяжесть состоитъ просто въ земномъ притяженіи. Такія объясненія, вызывающія улыбку, когда они предъявляютъ притязаніе на знаніе внутренней природы вещей и способа возникновенія явленій, составляютъ, однако, все, наиболѣе удовлетворительное, что мы можемъ имѣть, такъ какъ показываютъ намъ тожество двухъ родовъ явленій, которыя долгое время считались независимыми другъ отъ друга. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не ищетъ теперь дальнѣйшихъ объясненій.

Было бы легко увеличить число примѣровъ, которые на протяжении этого курса встрѣтятся въ большемъ количествѣ; ибо таково нынѣ направленіе, господствующее во всѣхъ важныхъ умственныхъ построеніяхъ. Чтобы ограничиться здѣсь указаніемъ одной изъ современныхъ работъ, я выберу рядъ прекрасныхъ изслѣдованій Фурье по теоріи теплоты. Онъ даетъ намъ весьма яркое подтвержденіе предшествовавшихъ общихъ замѣчаній. Дѣйствительно, въ этомъ трудѣ, философскій характеръ котораго столь очевидно позитивенъ, раскрыты наиболѣе важные и наиболѣе точные законы тепловыхъ явленій, и между тѣмъ авторъ ни разу не задается вопросомъ о внутренней природѣ вещей и упоминаетъ о горячемъ спорѣ между сторонниками тепловой матеріи и физиками, объясняющими происхожденіе теплоты колебаніемъ ээира, только для того, чтобы показать его безсодержательность. И, тѣмъ не менѣе, въ этомъ трудѣ разсматриваются самые важные вопросы, изъ которыхъ нѣкоторые поставлены впервые,—ясное доказательство того, что человѣчскій разумъ можетъ найти неисчерпаемую пищу для самой глубокой своей дѣятельности, не берясь за недоступныя ему проблемы, а ограничивая свои изслѣдованія исключительно позитивными вопросами.

Охарактеризовавъ съ точностью — поскольку я могъ это сдѣлать въ этомъ общемъ обзорѣ—духъ позитивной философи, развитію которой посвящается весь этотъ курсъ, я долженъ теперь изслѣдовать, въ какомъ состояніи она находится въ настоящее время и что еще остается сдѣлать, чтобы завершить ея построеніе.

Для этого нужно прежде всего принять во вниманіе, что различныя отрасли нашихъ знаній не могли съ одинаковой быстротой пройти три вышеуказанныя главныя стадіи своего развитія и, слѣдовательно, не могли одновременно достигнуть позитивнаго состоянія. Въ этомъ отношеніи существуетъ неизмѣнный и необходимый порядокъ, которому слѣдовали и должны были слѣдовать въ своемъ поступательномъ движеніи различныя виды нашихъ понятій и подробное разсмотрѣніе котораго составляетъ необходимое дополненіе высказаннаго выше основнаго закона. Этому разсмотрѣнію будетъ всецѣло посвящена слѣдующая лекція. Теперь же намъ достаточно знать, что этотъ порядокъ соотвѣтствуетъ разнообразной природѣ явленій и опредѣляется степенью ихъ общности, простоты и взаимной независимости,—тремя условіями, ведущими, несмотря на свое различіе, къ одной и той же цѣли. Такъ,

къ позитивнымъ теоріямъ приведены были сначала астрономическія явленія, какъ наиболѣе общія, наиболѣе простыя и наиболѣе независимыя отъ всѣхъ другихъ, затѣмъ въ послѣдовательности, зависящей отъ тѣхъ же причинъ, явленія земной физики въ собственномъ смыслѣ, химіи, и, наконецъ, физиологіи.

Невозможно указать точно начало этого переворота; ибо о немъ, какъ о всѣхъ другихъ великихъ событіяхъ въ жизни человѣчества, можно сказать, что онъ совершался постепенно и непрерывно, въ особенности со времени появленія трудовъ Аристотеля и александрійской школы, и затѣмъ, съ момента введенія арабами естественныхъ наукъ въ Западную Европу

Однако, такъ какъ во избѣжаніе неясности идей умѣстно точно опредѣлить эпоху зарожденія позитивизма, я укажу на эпоху сильнаго подъема человѣческаго разума, вызваннаго два вѣка тому назадъ соединеннымъ вліяніемъ правилъ Бэкона, идей Декарта и открытій Галилея, какъ на моментъ, когда духъ позитивной философіи сталъ проявляться какъ очевидное противоположеніе теологическимъ и метафизическимъ воззрѣніямъ. Именно тогда позитивныя понятія окончательно освободились отъ примѣси суевѣрія и схоластики, которая болѣе или менѣе искажала истинный характеръ всѣхъ предыдущихъ работъ.

Начиная съ этой памятной эпохи, поступательное движеніе позитивной философіи и паденіе философій теологической и метафизической опредѣлились чрезвычайно ясно. Это положеніе вещей стало, наконецъ, столь очевиднымъ, что теперь каждый понимающій духъ времени наблюдатель долженъ признать, что человѣческій умъ предназначенъ для позитивныхъ изслѣдованій и что онъ отнынь безповоротно отказался отъ тѣхъ бессмысленныхъ ученій и предварительныхъ методовъ, которые могли его удовлетворять на первой ступени его развитія. Такимъ образомъ, этотъ основной переворотъ долженъ необходимо совершиться во всемъ своемъ объемѣ. И если позитивизму еще остается сдѣлать какое-либо крупное завоеваніе, если не всѣ области умственной дѣятельности имъ захвачены, то можно быть увѣреннымъ, что и тамъ преобразование совершится, какъ оно совершилось во всѣхъ другихъ областяхъ. Ибо было бы очевиднымъ противорѣчіемъ предположить, что человѣческій разумъ, столь расположенный къ единству метода, сохранить навсегда для одного рода явленій свой первоначальный способъ разсужденія, когда во всемъ остальномъ онъ принялъ новое философское направленіе, прямо противоположнаго характера.

Такимъ образомъ, все сводится къ простому вопросу: обнимаетъ ли теперь позитивная философія, постепенно получившая за послѣдніе два вѣка столь широкое распространеніе, всѣ виды явленій? На это безспорно приходится отвѣтить отрицательно. Поэтому, чтобы сообщить позитивной философіи характеръ всеобщности, необходимой для ея окончательнаго построенія, предстоитъ еще выполнить большую научную работу

Въ самомъ дѣлѣ, въ только что названныхъ главныхъ категоріяхъ естественныхъ явленій: астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и физиологическихъ замѣчается существенный пробѣлъ, а именно отсутствуютъ соціальныя явленія, которыя, хотя и входятъ неявно въ группу физиологическихъ явленій, заслуживаютъ— какъ по своей важности, такъ и вслѣдствіе особенныхъ трудностей ихъ изученія,— выдѣленія въ особую категорію. Эта послѣдняя группа понятій, относящаяся къ

наиболѣе частнымъ, наиболѣе сложнымъ и наиболѣе зависящимъ отъ другихъ явленій, должна была, въ силу одного этого обстоятельства, совершенствоваться медленнѣе всѣхъ остальныхъ, даже если бы не было тѣхъ особыхъ неблагоприятныхъ условій, которыя мы разсмотримъ позднѣе. Какъ бы то ни было, очевидно, что социальныя явленія еще не вошли въ сферу позитивной философіи. Теологическіе и метафизическіе методы, которыми, при изученіи другихъ видовъ явленій, никто теперь не пользуется ни какъ средствомъ изслѣдованія, ни даже какъ приѣмомъ аргументаціи, до сихъ поръ, напротивъ, исключительно употребляются въ томъ и въ другомъ отношеніи при изученіи социальныхъ явленій, хотя недостаточность этихъ методовъ вполнѣ сознается всѣми здравомыслящими людьми, утомленными безконечной и пустой тяжбой между божественнымъ правомъ и главенствомъ народа.

Итакъ, вотъ крупный, но, очевидно, единственный пробѣлъ, который надо заполнить, чтобы завершить построеніе позитивной философіи. Теперь, когда человѣчскій разумъ создалъ небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а также и физику органическую, растительную и животную, ему остается для завершения системы наукъ наблюденія основать социальную физику. Такова нынѣ самая большая и самая настоятельная во многихъ существенныхъ отношеніяхъ потребность нашего ума и такова, осмѣливаюсь это сказать, главная и специальная цѣль этого курса.

* * *

Относящіяся къ изученію социальныхъ явленій идеи, которыя я попытаюсь представить и зародышъ которыхъ, я надѣюсь, можно уже найти въ этой лекціи, не имѣютъ цѣлью тотчасъ же дать социальной физикѣ ту же степень совершенства, которой достигли болѣе раннія отрасли естественной философіи; такое намѣреніе было бы, очевидно, нелѣпо, ибо даже послѣднія обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи огромное и притомъ неизбѣжное неравенство. Но назначеніе ихъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы сообщить этому послѣднему классу нашихъ знаній тотъ позитивный характеръ, который приобрѣли уже другія науки.

Когда это условіе будетъ въ дѣйствительности выполнено, современная философская система во всей своей совокупности будетъ, наконецъ, поставлена на прочное основаніе; ибо тогда будутъ установлены пять главныхъ категорій явленій—астрономическихъ, физическихъ, химическихъ, физиологическихъ и социальныхъ, которыя, очевидно, обнимутъ всѣ доступныя наблюденію явленія. Когда всѣ наши основныя понятія станутъ однородными, философія окончателно достигнетъ позитивнаго состоянія; она не сможетъ уже измѣнять свой характеръ, и ей останется только развиваться безконечно путемъ новыхъ все увеличивающихся приобретеній, которыя явятся неизбѣжнымъ результатомъ новыхъ наблюденій или болѣе глубокихъ размысленій. Въ силу этого, позитивная философія приобрететъ характеръ всеобщности, котораго она еще не имѣетъ, и благодаря своему естественному превосходству будетъ въ состояніи вполнѣ замѣнить теологическую и метафизическую философіи, всеобщность которыхъ въ настоящее время является ихъ единственнымъ существеннымъ достояніемъ и которыя, потерявъ это преимущество, будутъ имѣть для нашихъ потомковъ только чисто-историческій интересъ.

Послѣ такого объясненія спеціальной цѣли этого курса легко понять его вторую, общую цѣль, которая дѣлаетъ его курсомъ позитивной философіи, а не только курсомъ соціальной физики.

Дѣйствительно, такъ какъ созданіе соціальной физики завершаетъ, наконецъ, систему естественныхъ наукъ, то станетъ возможнымъ и даже необходимымъ подвести итоги всѣмъ прибрѣтеннымъ знаніямъ, достигшимъ къ этому времени определеннаго и однороднаго состоянія, чтобы согласовать ихъ и представить какъ вѣтви одного дерева вмѣсто того, чтобы продолжать разсматривать ихъ какъ отдѣльныя тѣла. Съ этой именно цѣлью, я, прежде чѣмъ приступить къ изученію соціальныхъ явленій, послѣдовательно разсмотрю, въ указанномъ выше энциклопедическомъ порядкѣ, различныя уже образовавшіяся позитивныя науки.

Я считаю излишнимъ предупреждать о томъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о рядѣ спеціальныхъ курсовъ по отдѣльнымъ главнымъ отраслямъ естественной философіи. Не говоря уже о времени, необходимомъ для подобнаго предпріятія, ясно, что такое намѣреніе не могло бы быть осуществлено мною и, смѣю думать, никѣмъ другимъ при современномъ состояніи образованія человѣчества. Напротивъ, для правильнаго пониманія такого курса, какъ настоящій, требуется предварительно спеціальное изученіе различныхъ наукъ, которыя въ немъ будутъ разсмотрѣны. Безъ этого условія очень трудно будетъ понять и совершенно невозможно оцѣнить тѣ философскія размышленія, которымъ будутъ подвергнуты различныя науки. Однимъ словомъ, я предполагаю изложить курсъ позитивной философіи, а не курсъ позитивныхъ наукъ. Я имѣю въ виду разсмотрѣть здѣсь, какъ каждая изъ основныхъ наукъ относится ко всей позитивной системѣ и каковъ характеръ ея направленія, т.-е. науку съ двухъ сторонъ: ея существенные методы и ея главные результаты. Чаще всего мнѣ придется даже при указаніи на послѣдніе, ссылаться для оцѣнки ихъ важности на спеціальныя изслѣдованія.

Резюмируя сказанное мною о двоякой цѣли этого курса, я долженъ замѣтить, что обѣ преслѣдуемыя мною задачи, спеціальная и общая, хотя и различны сами по себѣ, но необходимо нераздѣльны. Ибо, съ одной стороны, невозможно было бы составить курсъ позитивной философіи безъ соціальной физики; такъ какъ, въ такомъ случаѣ, позитивной философіи не доставало бы одного изъ ея существенныхъ элементовъ, и въ силу этого она не имѣла бы того характера всеобщности, который долженъ быть ея главнымъ свойствомъ и который отличаетъ наше настоящее изслѣдованіе отъ ряда спеціальныхъ работъ. Съ другой стороны, возможно ли съ увѣренностью приступить къ позитивному изученію соціальныхъ явленій, если умъ предварительно не подготовленъ глубокими размышленіями о позитивныхъ методахъ, испытанныхъ уже въ приложеніи къ менѣе сложнымъ явленіямъ, и, сверхъ того, не вооруженъ знаніемъ главныхъ законовъ другихъ явленій, которыя оказываютъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на явленія соціальныя?

Хотя не всѣ основныя науки внушаютъ одинаковый интересъ зауряднымъ умамъ, нѣтъ, однако, ни одной, которой можно было бы пренебречь въ изслѣдованіи, подобномъ предпріятому нами. Что же касается ихъ значенія для счастья человѣческаго рода, то, конечно, всѣ науки, если ихъ разсмотрѣть глубже, оказываются равносильными. Тѣ науки, результаты которыхъ представляютъ, на первый

взглядъ, меньшій практической интересъ, чрезвычайно важны либо вельдствие высокаго совершенства своихъ методовъ, либо потому, что составляютъ необходимое основаніе для всѣхъ другихъ. Объ этомъ я буду имѣть случай поговорить особо въ слѣдующей лекціи.

Чтобы предупредить, насколько это возможно, всякія ложныя толкованія, которыхъ можно ожидать по поводу столь новаго курса, какимъ является настоящій, я считаю нужнымъ добавить къ предыдущимъ объясненіямъ еще нѣсколько краткихъ соображеній, относящихся непосредственно ко всеобщности спеціальныхъ знаній, которую необдуманые судьи могутъ принять за тенденцію этого курса и которая вполне справедливо признается совершенно противной истинному духу позитивной философіи. Эти соображенія будутъ имѣть сверхъ того еще то важное значеніе, что они представляютъ истинный духъ этой философіи съ новой точки зрѣнія, которая дастъ законченное, ясное, общее понятіе о ней.

* * *

При первобытномъ состояніи нашихъ знаній не существуетъ правильнаго раздѣленія умственного труда; всѣ науки разрабатываются одновременно одними и тѣми же лицами. Такая организація научныхъ работъ человѣчества сначала неизбежна и даже необходима, какъ мы это позже установимъ, затѣмъ постепенно измѣняется по мѣрѣ развитія отдѣльныхъ разрядовъ понятій. Въ силу закона, необходимость котораго очевидна, каждая отрасль научной системы незамѣтно отдѣляется отъ общаго ствола, когда она разрастется настолько, что становится доступной отдѣльной обработкѣ, т.-е., когда она дѣлается способной одна занять на продолжительное время умы нѣсколькихъ человѣкъ.

Этому распредѣленію различныхъ видовъ изслѣдованій между различными классами ученыхъ мы, очевидно, обязаны тѣмъ удивительнымъ развитіемъ, котораго въ наши дни достигла каждая отдѣльная отрасль человѣческихъ знаній и которое дѣлаетъ въ настоящее время совершенно невозможнымъ универсальныя научныя изслѣдованія, столь доступныя и обычныя въ древности.

Однимъ словомъ, раздѣленіе умственного труда, все болѣе и болѣе совершенствуемое, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ характерныхъ свойствъ позитивной философіи.

Но, хотя мы вполне признаемъ поразительные результаты этого дѣленія и видимъ отнынѣ въ немъ истинную основу общей организаціи ученаго міра, однако, съ другой стороны, мы не можемъ не чувствовать серьезныхъ неудобствъ, которыя оно при нынѣшнемъ его состояніи порождаетъ, благодаря чрезмѣрной частности идей, исключительно занимающихъ каждый отдѣльный умъ. Это печальное явленіе до нѣкоторой степени, конечно, неизбежно, такъ какъ причина его коренится въ самомъ принципѣ раздѣленія труда; поэтому, какія бы мы ни приняли мѣры, намъ не удастся сравняться въ этомъ отношеніи съ древними, у которыхъ это превосходство было обусловлено ограниченностью ихъ знаній. Тѣмъ не менѣе, мы, какъ мнѣ кажется, можемъ, принимая надлежащія мѣры, избѣжать наиболѣе гибельныхъ послѣдствій чрезмѣрной спеціализаціи, не вредя при этомъ благотворному дѣйствию раздѣленія изслѣдованій. Настоятельно необходимо заняться этимъ серьезно, ибо эти неудоб-

ства, которыя по своей природѣ стремятся все болѣе и болѣе увеличиваться, становятся очень чувствительными. По общему признанію установленныя, ради достиженія высшей степени совершенства нашихъ работъ, дѣленія различныхъ отраслей естественной философіи, въ концѣ концовъ, искусственны. Не будемъ забывать и того, что, не взирая на такое признаніе, въ ученомъ мірѣ очень мало людей, которые охватывали бы совокупность понятій одной науки, которая сама составляетъ только часть великаго цѣлаго. Большинство всецѣло ограничивается спеціальнымъ изученіемъ болѣе или менѣе обширной части одной опредѣленной науки, мало заботясь объ отношеніи этихъ частныхъ изслѣдованій къ общей системѣ позитивныхъ знаній. Поспѣшимъ же исправить это зло, пока оно не сдѣлалось еще серьезнѣе. Примемъ мѣры, чтобы человѣческій разумъ, въ концѣ концовъ, не потерялся въ мелочахъ. Не будемъ скрывать отъ себя, что здѣсь-то и находится слабое мѣсто позитивной философіи, на которое могутъ производить нападенія, съ нѣкоторой еще надеждой на успѣхъ, сторонники теологической и метафизической философіи.

Дѣйствительное средство для остановки раздѣдающаго вліянія, которымъ слишкомъ большая спеціализація отдѣльныхъ изслѣдованій угрожаетъ въ будущемъ нашей умственной дѣятельности, не состоитъ, конечно, въ возвращеніи къ прежнему смѣшенію труда, которое вызвало бы попятное движеніе человѣческаго разума и которое, къ счастью, сдѣлалось теперь вообще невозможнымъ. Напротивъ, это средство заключается въ усовершенствованіи самого раздѣленія труда.

Для этого достаточно сдѣлать изученіе общихъ научныхъ положеній отдѣльной самостоятельной наукой. Пусть новый классъ ученыхъ, получившихъ надлежащую подготовку, не отдаваясь спеціальному изученію какой-нибудь отдѣльной отрасли естественной философіи, но разсматривая различныя позитивныя науки въ ихъ современномъ состояніи, посвятить себя исключительно точному опредѣленію духа каждой изъ этихъ наукъ, изслѣдованію ихъ взаимныхъ отношеній и связи другъ съ другомъ, приведенію, если это возможно, всѣхъ присущихъ имъ принциповъ къ наименьшему числу общихъ основоположеній, постоянно слѣдуя при этомъ основнымъ правиламъ позитивнаго метода. Пусть въ то же время другіе ученые, прежде чѣмъ взяться за спеціальныя изслѣдованія, знакомятся съ совокупностью позитивныхъ знаній, что позволить имъ непосредственно пользоваться свѣтомъ, проливаемымъ учеными, посвятившими себя изученію общихъ научныхъ положеній, и, въ свою очередь, исправлять полученные этими послѣдними результаты: таково именно положеніе вещей, къ которому современные ученые приближаются все болѣе и болѣе.

Когда оба эти важныя условія будутъ выполнены—а возможность этого очевидна—раздѣленіе научнаго труда можетъ быть безъ всякой опасности доведено до той степени, которой потребуетъ развитіе отдѣльныхъ отраслей знанія. При существованіи особаго, постоянно контролируемаго всѣми другими, класса ученыхъ, на обязанности которыхъ лежитъ исключительно установленіе связи cadaго новаго открытія съ общей системой, не будетъ болѣе основанія бояться, что слишкомъ большое вниманіе къ частностямъ помѣшаетъ схватить цѣлое. Однимъ словомъ, послѣ этого новая организація ученаго міра будетъ вполне закончена, и ей останется только развиваться безпредѣльно, сохраняя всегда тотъ же характеръ.

Образовать изъ изученія общихъ научныхъ положеній особый отдѣлъ умствен-

наго труда значить просто распространить приложеніе того же принципа раздѣленія, который уже создалъ постепенное распаденіе на различныя спеціальности; ибо, пока позитивныя науки были мало развиты, ихъ взаимныя отношенія не имѣли такого значенія, чтобы вызвать (по крайней мѣрѣ, систематически) появленіе особаго вида работъ и въ то же время необходимость этой новой науки не была особенно настоятельной. Но теперь каждая изъ этихъ наукъ настолько развилась, что изученіе ихъ взаимныхъ отношеній можетъ дать матеріалъ для цѣлаго ряда изслѣдованій, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта новая наука становится необходимой для предупрежденія разрозненности человѣческихъ понятій.

Такъ именно я понимаю назначеніе позитивной философіи въ общей системѣ наукъ позитивныхъ въ собственномъ смыслѣ слова. Такова, по крайней мѣрѣ, цѣль этого курса.

* * *

Теперь, послѣ того какъ я попытался, насколько это было для меня возможно, въ этомъ первомъ обзорѣ точно опредѣлить общій духъ курса позитивной философіи, я считаю нужнымъ для сообщенія этой картинѣ ея дѣйствительнаго характера бѣгло указать на главные выгоды, которыя подобная работа можетъ доставить прогрессу человѣческаго разума, если всѣ существенныя условія будутъ надлежащимъ образомъ выполнены. Этотъ послѣдній рядъ соображеній я ограничу указаніемъ четырехъ основныхъ свойствъ.

Во-первыхъ, изученіе позитивной философіи, разсматривающей результаты дѣятельности нашихъ умственныхъ способностей, даетъ намъ единственное истинно-раціональное средство открывать логическіе законы человѣческаго разума, къ отысканію которыхъ до сихъ поръ примѣнялись очень мало пригодные для этого способы.

Чтобы надлежащимъ образомъ разъяснить мое мнѣніе по этому предмету, я долженъ сперва напомнить весьма важную философскую мысль, высказанную де Бленквиллемъ въ прекрасномъ введеніи къ его «Общимъ принципамъ сравнительной анатоміи». Мысль эта заключается въ томъ, что всякое дѣятельное существо, и въ особенности всякое живое существо, можетъ быть изучаемо во всѣхъ своихъ проявленіяхъ съ двухъ основныхъ точекъ зрѣнія: въ статическомъ и динамическомъ отношеніяхъ, т.-е. какъ способное дѣйствовать существо и какъ дѣйствующее на самомъ дѣлѣ. Ясно, что всѣ соображенія, которыя можно представить, необходимо будутъ относиться къ тому или другому состоянію. Примѣнимъ это блестящее основное положеніе къ изученію функцій нашего ума.

Если разсматривать эти функціи съ статической точки зрѣнія, то ихъ изученіе можетъ состоять только въ опредѣленіи органическихъ условій, отъ которыхъ онѣ зависятъ: оно въ этомъ случаѣ образуетъ существенную часть анатоміи и фізіологіи. При разсмотрѣніи же ихъ съ динамической точки зрѣнія, вопросъ сводится къ изученію дѣйствительнаго хода работы человѣческаго ума путемъ изслѣдованія приѣмовъ, дѣйствительно примѣненныхъ имъ для пріобрѣтенія различныхъ точныхъ знаній, что въ сущности и составляетъ главный предметъ позитивной философіи, какъ я ее опредѣлилъ въ этой лекціи. Однимъ словомъ, считая всѣ науч-

вья теоріи великими логическими фактами, мы только путемъ глубокаго наблюденія этихъ фактовъ можемъ подняться до пониманія логическихъ законовъ.

Таковы, очевидно, два единственные общіе приема, пополняющіе другъ друга, посредствомъ которыхъ можно получить нѣкоторыя истинно-раціональныя понятія объ интеллектуальныхъ явленіяхъ. Мы видимъ, что здѣсь отнюдь нѣтъ мѣста для той ложной психологіи, представляющей собой послѣднее видоизмѣненіе теологіи, которую такъ безуспѣшно нытаются теперь оживить и которая, не обращая вниманія ни на фізіологическое изученіе нашихъ органовъ мышленія, ни на наблюденіе раціональныхъ процессовъ, дѣйствительно руководящихъ нашими научными изслѣдованіями, стремится открыть основные законы человѣческаго духа путемъ самозерцанія, т.-е. превращая въ полную абстракцію и причины и слѣдствія.

Позитивная философія пріобрѣла превосходство постепенно, начиная со времени Бэкона; нынѣ она косвенно получила такое вліяніе даже на умы, оставшіеся наиболѣе чуждыми ея огромному развитію, что метафизики, занимающіеся изученіемъ нашей познавательной способности, могли надѣяться замедлить паденіе своей мнимой науки, только пытаясь представить и свои ученія какъ бы основанными на наблюденіи фактовъ. Съ этой цѣлью они въ послѣднее время, съ помощью очень страннаго ухищренія, предложили различать два одинаково важныхъ вида наблюденія—внѣшнее и внутреннее, изъ которыхъ послѣднее предназначено исключительно для изученія интеллектуальныхъ явленій. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ этого основнаго софизма. Я долженъ ограничиться указаніемъ на главное соображеніе, которое покажетъ ясно, что это хваленое самонаблюденіе есть чистѣйшая иллюзія.

Недавно еще полагали, что для объясненія зрѣнія достаточно сказать, что благодаря свѣтовому дѣйствію тѣль на ретинѣ получаютъ изображенія внѣшнихъ формъ и цвѣтовъ. На это фізіологи основательно возражали, что если бы свѣтовыея впечатлѣнія дѣйствовали какъ картины, то нужно было бы имѣть еще другой глазъ, чтобы ихъ видѣть. Не примѣнимо ли тоже возраженіе еще болѣе въ данномъ случаѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, понятно, что въ силу неизбежной необходимости, человѣческой умъ можетъ прямо наблюдать всякаго рода явленія, исключая происходящихъ въ немъ самомъ. Ибо, кто будетъ тутъ наблюдать? Относительно моральныхъ явленій можно еще допустить, что человѣкъ въ состояніи наблюдать въ самомъ себѣ волнуюція его страсти, если исходить изъ основаннаго на анатоміи соображенія, что органы, служащіе мѣстопребываніемъ для нашихъ страстей, отличны отъ органовъ, предназначенныхъ для производства наблюденій. Но, если бы даже каждый изъ насъ имѣлъ случай дѣлать надъ собой подобныя наблюденія, они, очевидно, никогда не имѣли бы большаго научнаго значенія, и наилучшимъ средствомъ изученія страстей все же останется наблюденіе ихъ внѣ себя; ибо всякое очень ярко выраженное состояніе страсти, т.-е. именно то, что было бы важнѣе всего изслѣдовать, по необходимости несовмѣстимо съ состояніемъ наблюденія. Что же касается такого наблюденія умственныхъ явленій въ моментъ ихъ осуществленія, то это, очевидно, невозможно. Мыслящій человѣкъ не можетъ раздѣлиться на двѣ половины, изъ которыхъ одна разсуждала бы, а другая наблюдала бы за разсужденіемъ. Такъ

какъ въ данномъ случаѣ органъ наблюдаемый и наблюдающій тождественны, то какъ могло бы производиться наблюдение?

Итакъ, этотъ мнимый психологическій методъ по самому своему основанію не имѣетъ никакого значенія.

Обратимъ также вниманіе на то, къ какимъ глубоко противорѣчащимъ другъ другу процессамъ онъ насъ сразу приводитъ. Съ одной стороны, вамъ совѣтуютъ насколько возможно изолировать себя отъ всякаго внѣшняго ощущенія, и въ особенности избѣгать всякаго умственного труда: ибо, что станется съ внутреннимъ наблюдениемъ, если вы будете заниматься хотя бы самымъ простымъ вычислениемъ? Съ другой стороны, послѣ того какъ вы путемъ различныхъ предосторожностей достигнете, наконецъ, этого совершеннаго состоянія умственного сна, вы должны заняться созерцаніемъ дѣйствій, совершающихся въ вашемъ умѣ, когда тамъ ничего не совершается! Наши потомки, безъ сомнѣнія, когда-нибудь увидятъ эти смѣшныя притязанія изображенными на сценѣ.

Результаты столь страннаго способа разсужденія вполне соотвѣтствуютъ его принципу. Уже двѣ тысячи лѣтъ метафизики, такимъ образомъ, разрабатываютъ психологію, и до сихъ поръ они не смогли столковаться ни объ одномъ понятномъ и твердо установленномъ положеніи. Даже теперь они раздѣлены на множество школъ, безпрестанно спорящихъ о первыхъ элементахъ своихъ доктринъ. Внутреннее наблюдение порождаетъ почти столько же разнорѣчивыхъ мнѣній, сколько есть людей, вѣрящихъ, что они имъ занимаются.

Истинные ученые—люди, посвятившіе себя позитивнымъ изслѣдованіямъ, напрасно просятъ этихъ психологовъ указать хоть одно дѣйствительное, большое или малое открытіе, которымъ мы были бы обязаны ихъ прославленному методу. Это не значитъ, что они не принесли ровно никакой пользы общему прогрессу нашихъ знаній, независимо отъ важной услуги, которую они оказали, поддерживая дѣятельность нашего ума въ эпоху, когда онъ не могъ найти для себя болѣе питательной пищи. Можно, однако, утверждать, что все, что въ ихъ сочиненіяхъ, по справедливому выраженію знаменитаго позитивнаго философа (Кювье), не состоитъ изъ метафоръ, принимаемыхъ за разсужденія, а представляетъ какое-нибудь истинное понятіе, найдено не помощью ихъ мнимаго метода, а было получено путемъ дѣйствительныхъ наблюденій хода человѣческаго разума, наблюденій, вызываемыхъ развитіемъ наукъ. Но даже эти очень рѣдкія понятія, провозглашаемыя время отъ времени съ такимъ шумомъ, самымъ появленіемъ своимъ обязанныя только измѣнѣ психологовъ собственному мнимому методу, чаще всего оказываются либо слишкомъ преувеличенными, либо весьма неполными, и стоятъ ниже замѣчаній ученыхъ о приемахъ, которыми они пользуются дѣлаемыхъ безъ всякаго хвастовства. Легко было бы привести нѣсколько поразительныхъ тому примѣровъ, если бы я не боялся слишкомъ растянуть эту полемику; припомните, между прочимъ, что случилось съ теоріей знаковъ.

Соображенія относительно науки разсужденія, которыя я только что изложилъ, еще болѣе очевидны, если ихъ перенести на искусство разсужденія.

Въ самомъ дѣлѣ, если дѣло идетъ не только о томъ, чтобы знать что такое позитивный методъ, но о томъ, чтобы имѣть объ этомъ методѣ достаточно ясное и глубокое понятіе, которое позволило бы примѣнять его на дѣлѣ, то его надо разсмат-

ривать въ дѣйствіи; другими словами, нужно изучать различныя важныя приложенія этого метода, уже сдѣланныя до сихъ поръ человѣческимъ разумомъ и проверенныя на опытѣ. Очевидно, что только путемъ философскаго изученія наукъ можно достигнуть этого результата.

Методъ не можетъ быть изучаемъ отдѣльно отъ изслѣдованій, къ которымъ онъ примѣняется; иначе получается наука мертвая, неспособная обогатить умъ людей ее разрабатывающихъ. Все что, рассматривая методъ отвлеченно, можно о немъ сказать, сводится къ общимъ мѣстамъ, настолько смутнымъ, что они не могутъ оказать никакого вліянія на умственную дѣятельность человѣка.

Хорошее доказательство логическаго тезиса: что всѣ наши знанія должны быть основаны на наблюденіи, что мы должны переходить то отъ фактовъ къ принципамъ, то отъ принциповъ къ фактамъ, и иныхъ подобныхъ афоризмовъ, даетъ гораздо худшее пониманіе метода, чѣмъ сколько-нибудь глубокое изученіе одной позитивной науки, даже безъ всякаго философскаго намѣренія. Именно потому, что наши психологи не поняли этого важнаго факта, они стали принимать свои мечты за науку, полагая, что однимъ чтеніемъ правилъ Бэкона или разсужденій Декарта можно постигнуть позитивный методъ.

Я не знаю, будетъ ли возможно современемъ составить а ргіогі настоящую методологію совершенно независимо отъ философскаго изученія наукъ; но я вполне убѣжденъ въ томъ, что подобное предпріятіе неосуществимо въ настоящее время, такъ какъ важнѣйшіе логическіе процессы еще не могутъ быть объяснены съ достаточной точностью независимо отъ ихъ примѣненія. Позволю себѣ, сверхъ того, добавить, что если даже въ будущемъ и будетъ возможно осуществленіе этого предпріятія, что можно себѣ представить, то, тѣмъ не менѣе, только путемъ изученія правильныхъ примѣненій научныхъ приемовъ, можно будетъ создать хорошую систему интеллектуальныхъ привычекъ, къ чему, собственно, и сводится существенная цѣль методологіи. Мнѣ теперь не зачѣмъ распространяться болѣе объ этомъ предметѣ, къ которому мы будемъ часто возвращаться въ продолженіе этого курса, и по поводу котораго я специально представлю новыя соображенія въ слѣдующей лекціи.

Итакъ, первымъ важнымъ и прямымъ результатомъ позитивной философіи должно быть обнаруженіе путемъ опыта законовъ, по которымъ совершаются наши умственные отправленія, а слѣдовательно, и точное знаніе общихъ правилъ, которыя должны служить вѣрными путеводителями въ поискахъ истины.

Вторымъ не менѣе важнымъ, и еще болѣе интереснымъ слѣдствіемъ, которое необходимо повлечетъ за собой установленіе позитивной философіи, опредѣленіе коей дано въ этой лекціи, является ея руководящая роль во всеобщемъ преобразованіи нашей системы воспитанія.

Въ самомъ дѣлѣ, здравомыслящіе люди уже теперь единодушно признаютъ необходимость замѣнить наше, по существу все еще теологическое, метафизическое и литературное воспитаніе, воспитаніемъ позитивнымъ, соотвѣтствующимъ духу нашей эпохи и приспособленнымъ къ потребностямъ современной цивилизаціи. Въ послѣдній вѣкъ, особенно въ наше время, все болѣе и болѣе умножаются разнообразныя попытки распространять и безпрестанно расширять позитивное образованіе, попытки, которымъ различныя европейскія правительства постоянно и охотно оказы-

вали содѣйствіе, если не предпринимали ихъ сами; это свидѣтельствуесть съ достаточною очевидностью о томъ, что во всѣхъ слояхъ общества само собою растетъ сознание этой необходимости. Но, способствуя, насколько возможно, этимъ полезнымъ попыткамъ, мы не должны скрывать отъ себя, что при настоящемъ состояніи нашихъ идей, онѣ ни въ коемъ случаѣ не могутъ достигнуть своей главной цѣли—полнаго перерожденія всеобщаго образованія. Ибо исключительная спеціализація и рѣзко выраженное стремленіе къ обособленію, все еще характеризующія наши приемы построения и разработыванія наукъ, неизбѣжно оказываютъ большое влияние на способъ преподаванія ихъ. Если кто-нибудь пожелаетъ въ настоящее время изучить главныя отрасли естественной философіи, чтобы составятъ себѣ общую систему позитивныхъ идей, онъ вынужденъ будетъ изучать отдѣльно каждую науку, прибѣгая къ тѣмъ же приемамъ и съ такими же подробностями, какъ если бы онъ хотѣлъ сдѣлаться спеціалистомъ-астрономомъ, химикомъ и т. п.; это обстоятельство дѣлаетъ позитивное образованіе невозможнымъ и по необходимости крайне несовершеннымъ даже для самыхъ сильныхъ умовъ, находящихся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Подобный способъ обученія былъ бы полнѣйшей нелѣпостью въ примѣненіи ко всеобщему образованію, а между тѣмъ послѣднее безусловно требуетъ совокупности позитивныхъ понятій о всѣхъ главныхъ видахъ естественныхъ явленій. Именно такая совокупность позитивныхъ понятій, въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, должна стать отнынѣ даже въ народныхъ массахъ неизмѣнной основой всѣхъ умственныхъ построеній, однимъ словомъ, должна создать духъ нашихъ потомковъ.

Для того чтобы естественная философія могла завершить это уже достаточно подготовленное преобразованіе нашей интеллектуальной системы, необходимо, чтобы составляющія ее различныя науки представлялись всѣмъ какъ отдѣльныя вѣтви, выходящія изъ одного ствола, и прежде всего были сведены къ тому, что составляетъ ихъ сущность, т.-е. къ главнымъ методамъ и наиболѣе важнымъ результатамъ. Только при такомъ положеніи вещей преподаваніе наукъ можетъ сдѣлаться у насъ основаніемъ новой истинно-раціональной системы всеобщаго образованія. Что къ этому основному образованію должны затѣмъ присоединиться различныя спеціальныя научныя занятія,—въ этомъ, очевидно, не можетъ не быть никакихъ сомнѣній. Но главное соображеніе, на которое я хотѣлъ здѣсь указать, заключается въ томъ, что всѣ эти спеціальныя знанія, даже пріобрѣтенныя съ большимъ трудомъ, неизбѣжно окажутся недостаточными для дѣйствительнаго обновленія системы нашего образованія, если они не будутъ построены на фундаментѣ общаго предварительнаго образованія, представляющаго прямой результатъ позитивной философіи, опредѣленной въ этой лекціи.

Спеціальное изученіе общихъ положеній не только призвано преобразовать систему образованія, но она должна также способствовать преусиженію отдѣльныхъ позитивныхъ наукъ; это-то и составляетъ третье основное свойство, на которое я общалъ указать.

Дѣйствительно, дѣленіе, которое мы устанавливаемъ между науками, хотя и не совсемъ произвольно, какъ нѣкоторые это думаютъ, по существу, однако, искусственно. На самомъ дѣлѣ, предметъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій одинъ, и мы его раздѣлили только для того, чтобы обособить встрѣчающіяся при его изученіи труд-

ности для болѣ легкаго разрѣшенія ихъ. Благодаря этому часто случается, что вопреки нашимъ классическимъ подраздѣленіямъ, нѣкоторые важные вопросы требуютъ для своего разрѣшенія извѣстнаго сослиненія нѣсколькихъ специальныхъ точекъ зрѣнія, которое не можетъ имѣть мѣста при нынѣшнемъ состояніи ученаго міра; это обстоятельство принуждаетъ оставлять эти вопросы неразрѣшенными гораздо дольше, чѣмъ это необходимо. Такое неудобство должно въ особенности возникать въ отношеніи къ самымъ существеннымъ доктринамъ каждой позитивной науки въ частности. Можно безъ труда найти весьма интересные примѣры, которые я не премину привести по мѣрѣ того, какъ естественное развитіе этого курса будетъ намъ ихъ представлять.

Я могъ бы указать въ прошломъ на одинъ примѣръ, особенно заслуживающій упоминанія, а именно на удивительную концепцію аналитической геометріи Декартомъ. Это важное открытіе, которое совершенно измѣнило видъ математическихъ наукъ и въ которомъ надо видѣть истинный зародышъ всѣхъ дальнѣйшихъ ихъ крупныхъ успѣховъ, не является ли оно не болѣе какъ результатомъ сближенія двухъ наукъ, разсматривавшихся до тѣхъ поръ отдѣльно? Но мое замѣчаніе будетъ убѣдительнѣе, если обратимся къ вопросамъ еще неразрѣшеннымъ.

Я ограничусь здѣсь указаніемъ на весьма важное въ химіи ученіе объ опредѣленныхъ пропорціяхъ.

Конечно, возникшій въ послѣднее время по поводу основного принципа этой теоріи споръ, каково бы ни было его видимое положеніе, не можетъ еще считаться законченнымъ навсегда. Ибо, мнѣ кажется, тутъ рѣчь идетъ не о простомъ вопросѣ изъ области химіи. Я считаю возможнымъ предсказать, что для полученія дѣйствительно окончательнаго рѣшенія, т.-е., чтобы опредѣлить, должны ли мы считать закономъ природы то, что молекулы постоянно соединяются въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, намъ необходимо нужно будетъ сочетать химическую точку зрѣнія съ фізіологической. Это мнѣніе подкрѣпляется тѣмъ, что даже по признанію знаменитыхъ химиковъ, наиболѣе способствовавшихъ созданію этой теоріи, относительно ея можно только сказать, что она постоянно подтверждается составомъ неорганическихъ тѣлъ. Но она почти также часто опровергается составомъ органическихъ тѣлъ, и распространять ее на послѣднія до сихъ поръ, повидимому, совершенно невозможно.

Итакъ, не слѣдуетъ ли прежде чѣмъ возводить эту теорію въ основной принципъ, отдать себѣ отчетъ въ этомъ весьма важномъ исключеніи? Не подчиняется ли она тому общему характерному свойству органическихъ тѣлъ, въ силу котораго ни въ какихъ изъ ихъ проявленій нельзя установить неизмѣнныхъ чиселъ? Какъ бы то ни было, очевидно, что для окончательнаго разрѣшенія въ ту или другую сторону этого великаго вопроса естественной философіи, необходимъ новый рядъ соображеній, принадлежащихъ одинаково и къ химіи и къ фізіологіи.

Я считаю умѣстнымъ указать здѣсь еще одинъ аналогичный примѣръ, который, принадлежа къ болѣе специальному виду изслѣдованій, еще убѣдительнѣе доказываетъ особую важность позитивной философіи при рѣшеніи вопросовъ, требующихъ сочетанія нѣсколькихъ наукъ. Я беру его также изъ химіи. Рѣчь идетъ о еще неразрѣшенномъ вопросѣ, долженъ ли азотъ при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній считаться простымъ или сложнымъ тѣломъ. Вы знаете, на основаніи какихъ чисто-

химическихъ соображеній знаменитому Берцеліусу удалось поколебать мнѣніе всѣхъ химиковъ относительно простоты этого газа. Но я не могу не обратить особеннаго вниманія на то вліяніе, которое, по драгоцѣнному признанію самого Берцеліуса, оказало на его умъ фізіологическое наблюденіе, что въ составъ тканей животныхъ, питающихся несодержащими азота веществами, входитъ столько же азота, сколько у животныхъ плотоядныхъ. Отсюда до очевидности ясно, что для рѣшенія вопроса о томъ, простое ли тѣло азотъ или сложное, необходимо придется прибѣгнуть къ помощи фізіологіи и сочетать съ чисто-химическими соображеніями рядъ новыхъ изслѣдованій объ отношеніи между составами живыхъ тѣлъ и потребляемой ими пищей.

Считаю лишнимъ приводить еще примѣры такихъ проблемъ, для разрѣшенія которыхъ необходимо тѣсное сочетаніе нѣсколькихъ наукъ, разрабатываемыхъ нынѣ совершенно независимо другъ отъ друга. Только что приведенные случаи достаточны, чтобы дать понять вообще важность той функціи, которую должна выполнить въ дѣлѣ совершенствованія каждой отдѣльной естественной науки позитивная философія, непосредственно призванная постоянно организовать такіа комбинаціи, которыя не могли бы создаться безъ нея.

Наконецъ, четвертое и послѣднее основное свойство науки, названной мной позитивной философіей, на которое я долженъ указать теперь же и которое вслѣдствіе своего выдающагося практическаго значенія должно, безъ сомнѣнія, болѣе всякаго другого привлечь къ ней всеобщее вниманіе, состоитъ въ томъ, что позитивную философію можно разсматривать какъ единственное прочное основаніе соціального преобразованія, долженствующаго положить конецъ критическому состоянію, въ которомъ такъ долго находятся самыя цивилизованныя націи. Послѣдняя часть этого курса будетъ спеціально посвящена установленію и самому широкому развитію этого положенія. Но общему наброску великой картины, который я взялся представить въ этой лекціи, недоставало бы одного изъ его наиболѣе характерныхъ элементовъ, если бы я не указалъ здѣсь на это весьма существенное соображеніе.

Нѣсколько самыхъ простыхъ размысленій будетъ достаточно для оправданія того, что въ такомъ опредѣленіи можетъ показаться слишкомъ притязательнымъ.

Читателямъ этой книги не требуется доказывать, что идеи управляютъ и переворачиваютъ міръ или, другими словами, что весь соціальный механизмъ покоится, въ концѣ концовъ, на мнѣніяхъ. Они хорошо знаютъ, что великій политическій и моральный кризисъ современнаго общества на самомъ дѣлѣ обусловленъ умственной анархіей. Наша опаснѣйшая болѣзнь заключается въ глубокомъ разногласіи умовъ относительно всѣхъ основныхъ правилъ, непоколебимость которыхъ является первымъ условіемъ истиннаго соціального порядка. Приходится признать, что пока отдѣльные умы не примкнутъ единодушно къ нѣкоторому числу общихъ идей, на основаніи которыхъ можно построить общую соціальную доктрину, народы, несмотря ни на какіе политическіе палліативы, по необходимости останутся въ революціонномъ состояніи, и будутъ выработывать только временныя учрежденія. Равнымъ образомъ, достоверно и то, что, коль скоро это единеніе умовъ на почвѣ общности принциповъ состоится, соответствующія учрежденія неизбѣжно создадутся безъ всякаго тяжелаго потрясенія, такъ какъ самый главный безпорядокъ разсѣется благодаря одному

этому факту. Именно на это и должно быть, главнымъ образомъ, направлено вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ важное значеніе дѣйствительно нормальнаго положенія вещей.

* * *

Теперь, съ той высокой точки зрѣнія, которой мы постепенно достигли, благодаря различнымъ соображеніямъ, изложеннымъ въ этой лекціи, намъ уже не трудно ясно изобразить во всей его интимной глубинѣ современное состояніе общества и установить какимъ образомъ можно произвести въ этомъ состояніи существенныя измѣненія.

Пользуясь основнымъ закономъ, провозглашеннымъ въ началѣ этой лекціи, я считаю возможнымъ точно резюмировать всѣ замѣчанія, касающіяся современнаго состоянія общества, сказавъ просто, что существующій теперь въ умахъ беспорядокъ, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ одновременнаго примѣненія грехъ совершенно несовмѣстимыхъ философій: теологической, метафизической и позитивной. Очевидно, что если бы одна изъ этихъ философій дѣйствительно достигла полнаго и всеобщаго главенства, то создался бы опредѣленный социальный порядокъ, между тѣмъ какъ зло состоитъ именно въ отсутствіи какой бы то ни было истинной организаци. Именно это сосуществованіе трехъ противорѣчащихъ другъ другу философій рѣшительно препятствуетъ соглашенію по какому бы то ни было важному вопросу. А если этотъ взглядъ правиленъ, остается только узнать, какая философія по природѣ вещей можетъ и должна стать преобладающей; по выясненіи этого вопроса, всякій разумный человѣкъ, каковы бы ни были раньше его личныя воззрѣнія, долженъ стараться содѣйствовать ея успѣху.

Коль скоро изслѣдованіе будетъ доведено до этихъ простыхъ положеній результатъ его недолго останется неопредѣленнымъ; ибо на основаніи различныхъ соображеній, изъ которыхъ главнѣйшія указаны въ этой лекціи, очевидно, что позитивная философія при естественномъ ходѣ вещей одна только и можетъ побѣдить. Она одна уже много вѣковъ неизмѣнно прогрессировала, въ то время какъ ея антагонисты постоянно приходили въ упадокъ. Справедливо ли это или нѣтъ, вопросъ не существенный; самый фактъ неоспоримъ, и этого вполне достаточно. О немъ можно сожалѣть, но его нельзя отрицать, и, слѣдовательно, имъ нельзя пренебрегать, не рискуя перейти въ область праздныхъ соображеній.

Этотъ всеобщій переворотъ въ человѣческомъ мышленіи теперь уже почти законченъ: остается только, какъ я уже объяснилъ, пополнить позитивную философію, включивъ въ нее изученіе социальныхъ явленій, а потомъ, объединивъ ихъ въ одну систему, создать однородную науку.

Когда эта двойная работа достаточно подвинется впередъ, торжество позитивной философіи наступитъ само собой и порядокъ въ обществѣ будетъ восстановленъ.

Ясно выраженное предпочтеніе, которое почти всѣ умы, начиная отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ заурядныхъ, оказываютъ теперь позитивнымъ знаніямъ передъ смутными и мистическими понятіями, съ достаточной опредѣленностью предвѣщаетъ, какая встрѣча ожидаетъ позитивную философію, когда она пріобрѣтетъ единственное недостающее ей качество, именно, подобающую ей всеобщность.

Повторяю, въ настоящее время теологическая и метафизическая философіи оспариваютъ другъ у друга задачу преобразованія общества, совершенно непосильную той и другой; только между ними идетъ борьба въ этомъ отношеніи. Позитивная философія до сихъ поръ вмѣшивалась въ споръ только для того, чтобы подвергать критикѣ ту и другую и настолько успѣшно, что совершенно дискредитировала ихъ.

Приведемъ же ее, наконецъ, въ такое состояніе, чтобы она могла принять дѣятельное участіе, и не будемъ останавливаться на спорахъ, сдѣлавшихся бесполезными. Въ завершеніе громаднаго умственнаго процесса, начатаго Бэкономъ, Декартомъ и Галилеемъ, создадимъ непосредственно систему общихъ идей, которую позитивная философія отнынѣ призвана сдѣлать руководящей для человѣческаго рода, и революціонный кризисъ, отъ котораго страдаютъ цивилизованные народы, будетъ совершенно законченъ.

Я счелъ нужнымъ указать теперь же на благотворное вліяніе позитивной философіи съ этихъ четырехъ главныхъ точекъ зрѣнія, чтобы представить существенное дополненіе къ общему опредѣленію ея, которое я попытался дать выше.

* * *

Прежде чѣмъ кончить, я хочу на минуту остановить ваше вниманіе еще на одномъ соображеніи, которое, какъ мнѣ кажется, поможетъ избѣжать, насколько это возможно, образованія ложнаго представленія о характерѣ этого курса.

Признавъ цѣлью позитивной философіи приведеніе въ одну систему однородной науки всей совокупности прибрѣтенныхъ знаній относительно различныхъ классовъ естественныхъ явленій, я былъ очень далекъ отъ мысли, что всѣ эти явленія слѣдуетъ разсматривать какъ различныя слѣдствія одного принципа или считать ихъ подчиненными одному закону. Хотя я долженъ буду спеціально заняться этимъ вопросомъ въ слѣдующей лекціи, однако, я считаю нужнымъ уже теперь заявить объ этомъ, чтобы предупредить совершенно неосновательные упреки, которые могли бы предъявить мнѣ лица, готовые принять этотъ курсъ, вслѣдствіе неправильнаго пониманія его, за одну изъ тѣхъ попытокъ дать всеобщее объясненіе, какими каждый день дарятъ насъ люди, совершенно чуждые научнымъ методамъ и знаніямъ.

Ничего подобнаго въ этомъ курсѣ не заключается, и дальнѣйшее его изложеніе ясно докажетъ это всѣмъ тѣмъ, у кого содержащаяся въ этой лекціи разъясненія могли оставить еще нѣкоторую долю сомнѣнія въ этомъ отношеніи.

По моему глубокому личному убѣжденію всѣ эти попытки общаго объясненія всѣхъ явленій однимъ закономъ совершенно бессмысленны, даже если ихъ дѣлаютъ наиболѣе свѣдующіе люди.

Я полагаю, что силы человѣческаго разума слишкомъ слабы, а міръ слишкомъ сложенъ для того, чтобы мы могли когда-нибудь достигнуть такого научнаго совершенства; сверхъ того, я думаю, что обыкновенно слишкомъ преувеличиваютъ выгоды, которыя дало бы такое объясненіе, если бы оно было возможно.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется очевиднымъ, что при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній мы еще очень далеки отъ этого, и много времени должно пройти, прежде чѣмъ подобныя попытки могли бы оказаться разумными. Ибо, если можно надѣяться когда-либо достигнуть этого, то по моему мнѣнію, только путемъ объеди-

ненія всѣхъ естественныхъ явленій, связавъ ихъ однимъ наиболѣе общимъ изъ извѣстныхъ намъ позитивныхъ законовъ, именно, закономъ тяготѣнія, который уже связываетъ всѣ астрономическія явленія съ нѣкоторыми явленіями земной физики.

Лапласъ дѣйствительно высказалъ мысль, что всѣ химическія явленія можно разсматривать какъ молекулярныя измѣненія, происходяція подѣ вліяніемъ ньютоновскаго притяженія, видоизмѣненнаго формой и взаимнымъ положеніемъ атомовъ. Но не говоря уже о неопредѣленности, которая, вѣроятно, всегда будетъ связана съ этой теоріей, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ данныхъ относительно внутренняго строенія тѣлъ, почти несомнѣнно, что трудность примѣненія ея была бы такъ велика, что пришлось бы сохранить естественное нынѣ отдѣленіе астрономіи отъ химіи, даже признавая его искусственнымъ. Самъ Лапласъ предложилъ эту идею, какъ простую философскую догадку, которая не можетъ въ дѣйствительности оказать никакого полезнаго вліянія на прогрессъ химіи. Кромѣ того, если даже намъ удастся устроить это непреодолимое затрудненіе, мы все-таки не достигнемъ научнаго единства, такъ какъ затѣмъ мы должны будемъ стараться подчинить тому же закону всю совокупность фізіологическихъ явленій, что, конечно, окажется далеко не наименѣе трудной частью этого предпріятія. Тѣмъ не менѣе, если взвѣсить все хорошенько, гипотеза, съ которой мы только что познакомились, была бы наиболѣе благоприятной для этого столь желаннаго единства.

Мнѣ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшія подробности, чтобы окончательно убѣдить читателя, что цѣль этого курса совсѣмъ не состоитъ въ томъ, чтобы представить всѣ явленія природы въ основѣ тождественными, несмотря на внѣшнее ихъ разнообразіе. Позитивная философія была бы, безъ сомнѣнія, болѣе совершенна, если бы это было такъ. Но это условіе отнюдь не необходимо для ея систематическаго построенія и еще менѣе обязательно для осуществленія великихъ и благотворныхъ результатовъ, къ которымъ, какъ мы видѣли, она призвана привести. Необходимымъ объединяющимъ элементомъ является только единство метода, которое, очевидно, можетъ и должно существовать и въ большей части ея уже установлено. Что же касается самой науки, то въ ея единствѣ нѣтъ никакой необходимости; достаточно, чтобы она была однородна. Поэтому мы въ этомъ курсѣ разсмотримъ различные классы позитивныхъ теорій съ двойной точки зрѣнія, единства метода и однородности доктринъ. Стремясь все время къ возможному уменьшенію числа общихъ законовъ, необходимыхъ для позитивнаго объясненія естественныхъ явленій, что, на самомъ дѣлѣ, и составляетъ философскую цѣль науки, мы будемъ считать безразсудной надеждою довести это число, даже въ отдаленномъ будущемъ, до единицы.

* * *

Я пытался въ этой лекціи опредѣлить, съ возможной для меня точностью, цѣль, духъ и вліяніе позитивной философіи. Я, такимъ образомъ, отмѣтилъ цѣль, къ которой постоянно были и будутъ направлены всѣ мои усилія, какъ при изложеніи этого курса, такъ и во всѣхъ другихъ работахъ. Никто болѣе меня не убѣжденъ, что мои умственные силы, даже если бы онѣ были гораздо выше, чѣмъ въ дѣйствительности, недостаточны для рѣшенія такой обширной и такой высокой задачи.

Но то, что не можетъ быть сдѣлано однимъ человѣкомъ и въ теченіе одной жизни, можетъ все-таки быть ясно предложено для разрѣшенія однимъ человѣкомъ. Въ этомъ заключается все мое честолюбіе.

Изложивъ истинную цѣль этого курса, т.-е. установивъ точку зрѣнія, съ которой я буду разсматривать различныя главныя отрасли естественной философи, я въ слѣдующей лекціи дополню эти общія положенія, представивъ планъ курса, т.-е. дамъ опредѣленіе энциклопедическаго порядка, который долженъ быть установленъ между различными классами естественныхъ явленій и, слѣдовательно, между соответствующими позитивными науками.

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изложеніе плана этого курса, или общія соображенія объ іерархіи позитивныхъ наукъ.

Послѣ того какъ я изложилъ въ прошлой лекціи, съ возможной точностью, соображенія, которыя я намѣренъ представить въ этомъ курсѣ по всѣмъ главнымъ отраслямъ естественной философи, мнѣ остается теперь опредѣлить планъ, которому мы должны слѣдовать, т.-е. предложить наиболѣе удобную рациональную классификацію основныхъ позитивныхъ наукъ, чтобы затѣмъ послѣдовательно изучать ихъ съ установленной уже нами точки зрѣнія. Это второе общее изслѣдованіе необходимо, чтобы съ самаго начала окончательно выяснить истинный духъ этого курса.

Прежде всего не трудно понять, что рѣчь идетъ здѣсь не о томъ, чтобы подвергнуть критикѣ,—что, къ сожалѣнію, очень легко сдѣлать,—предложенныя въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ многочисленныя классификаціи общей системы человѣческихъ знаній, разсматриваемыхъ во всемъ ихъ объемѣ. Теперь никто не споритъ противъ того, что всѣ энциклопедическія лѣстницы, построенныя, какъ, на примѣръ, у Бэкона и у д'Аламбера, на какой-нибудь особенности различныхъ способностей человѣческаго ума, уже по самому принципу, совершенно неправильны—даже если эта особенность реальна, а не фиктивна, какъ это часто бываетъ;—ибо въ каждой сферѣ своей дѣятельности нашъ умъ примѣняетъ одновременно всѣ свои главныя способности. Что же касается всѣхъ другихъ предложенныхъ классификацій, то достаточно будетъ указать на то, что споры, возникавшіе при ихъ появленіи, убѣдили окончательно, что въ каждой изъ нихъ есть какой-нибудь крупный недостатокъ; такъ что ни одна не заслужила единодушнаго одобренія и по этому предмету существуетъ почти столько же мнѣній, сколько и людей. Эти различныя попытки были даже въ общемъ такъ дурно задуманы, что вызвали у всѣхъ умныхъ людей невольное предубѣжденіе противъ подобныхъ предпріятій.

Не будемъ останавливаться долѣе на столь прочно установленномъ фактѣ, для насъ гораздо важнѣе отыскать его причину. Не трудно объяснить себѣ глубокое несовершенство этихъ энциклопедическихъ попытокъ, столь часто возобновлявшихся

до послѣдняго времени. Мнѣ нѣтъ надобности указывать, что, когда вслѣдствіе необоснованности первыхъ проектовъ всѣ подобнаго рода работы лишились всеобщаго довѣрія, за классификаціи стали браться чаще всего люди совершенно незнакомые съ классифицируемыми ими предметами. Кромѣ этого замѣчанія, относящагося только къ личности классификаторовъ, есть еще одно гораздо болѣе важное соображеніе, заимствованное изъ самой природы предмета и ясно показывающее, почему до сихъ поръ невозможно было создать дѣйствительно удовлетворительную энциклопедическую теорію. Причина эта заключалась до послѣдняго времени въ недостатокъ однородности между отдѣльными частями интеллектуальной системы, изъ которыхъ однѣ становились мало-по-малу позитивными, между тѣмъ какъ другія оставались теологическими или метафизическими. При такомъ нестройномъ положеніи вещей установленіе какой бы то ни было рациональной классификаціи было, конечно, невозможно. Какъ расположить въ одной системѣ столь глубоко противорѣчивыя понятія? Это именно затрудненіе и обусловило неудачу всѣхъ классификаторовъ, причемъ ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ его отчетливо. Но для всякаго, кто понималъ истинное состояніе человѣческаго разума, было ясно, что подобное предпріятіе преждевременно и что оно можетъ быть успѣшно выполнено только тогда, когда наши главныя понятія станутъ позитивными.

Такъ какъ это основное условіе, согласно даннымъ въ прошлой лекціи объясненіямъ, можно считать выполненнымъ, то теперь возможно приступить къ дѣйствительно рациональному и прочному построенію системы, всѣ части которой, наконецъ, стали однородными.

Съ другой стороны, общая теорія классификацій, установленная въ послѣднее время философскими работами ботаниковъ и зоологовъ, позволяетъ надѣяться на дѣйствительную успѣшность подобнаго труда, такъ какъ она даетъ вѣрную путеводную нить въ видѣ истиннаго основного принципа искусства классифицированія, принципа, который до сихъ поръ не былъ ни разу ясно понятъ.

Этотъ принципъ является необходимымъ слѣдствіемъ прямого примѣненія позитивнаго метода къ самому вопросу о классификаціи, который, какъ и всякій другой, слѣдуетъ рѣшать посредствомъ наблюденій, а не на основаніи апріорныхъ соображеній. Онъ состоитъ въ томъ, что классификація должна вытекать изъ изученія самихъ классифицируемыхъ предметовъ и опредѣляться существующими между ними дѣйствительными сродствами и естественными связями; такъ что сама классификація должна быть выраженіемъ наиболѣе общаго факта, обнаруженнаго тщательнымъ сравненіемъ охватываемыхъ ею предметовъ.

Примѣняя это основное правило къ настоящему случаю, мы должны, такимъ образомъ, приступить къ классификаціи естественныхъ позитивныхъ наукъ на основаніи дѣйствительно существующей между ними взаимной зависимости; а эта зависимость, если она реальна, можетъ вытекать только изъ зависимости между соответствующими явленіями.

Но прежде чѣмъ совершить, въ указанномъ выше направленіи, эту важную энциклопедическую операцію, необходимо, чтобы не сбиться съ пути въ такомъ обширномъ трудѣ, отмѣтить границы предмета предполагаемой классификаціи съ большей чѣмъ мы дѣлали до сихъ поръ, точностью.

Всѣ человѣческіе труды сводятся либо къ размышленію, либо къ дѣйствию—поэтому самое общее раздѣленіе нашихъ знаній состоитъ въ отличеніи теоретическихъ знаній отъ практическихъ. Если мы остановимся на этомъ первомъ дѣленіи, то очевидно, что въ такомъ курсѣ, какъ нашъ, могутъ быть разсматриваемы только теоретическія знанія; ибо здѣсь рѣчь идетъ объ изученіи не всей совокупности человѣческихъ понятій, а только системы основныхъ концепцій о явленіяхъ различныхъ классовъ, которыя даютъ прочную основу для всѣхъ другихъ нашихъ соображеній и которыя, въ свою очередь, не опираются ни на какую предшествующую теоретическую систему.

Итакъ, въ такомъ трудѣ, какъ нашъ, должно разсматривать умозрѣніе, а не его примѣненіе, если только послѣднее не можетъ служить для объясненія перваго. Вѣроятно, это и понималъ Бэконъ, хотя весьма несовершенно, подъ своей первой философіей, которая, по его мнѣнію, должна быть извлечена изъ совокупности наукъ и которая была столь различно и постоянно столь странно понимаема метафизиками, пробовавшими толковать его мысль.

Безъ сомнѣнія, разсматривая всю совокупность человѣческаго труда слѣдуетъ признать, что изученіе естественныхъ явленій должно служить истинно разумной основой воздѣйствія человѣка на природу, ибо познаніе законовъ, управляющихъ явленіями, которое позволяетъ намъ постоянно предвидѣть самыя явленія, только и можетъ дать намъ возможность въ нашей дѣятельности видоизмѣнять съ пользой для насъ одни явленія посредствомъ другихъ. Наши естественныя и прямыя средства вліять на окружающія насъ тѣла чрезвычайно слабы и совершенно несоразмѣрны съ нашими потребностями. Каждый разъ, когда мы совершаемъ какое-нибудь сильное воздѣйствіе, это намъ удается только благодаря тому, что знаніе законовъ природы позволяетъ намъ ввести въ число опредѣленныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ проиходятъ различныя явленія, нѣсколько новыхъ элементовъ, оказывающихся въ извѣстныхъ случаяхъ, несмотря на всю свою незначительность, достаточно сильными, чтобы измѣнить въ нашу пользу окончательный результатъ дѣйствія всей совокупности внѣшнихъ причинъ. Однимъ словомъ, на наукѣ основано предвидѣніе, на предвидѣніи — дѣйствіе. Такова простѣйшая формула, выражающая отношеніе науки къ искусству, если взять эти два слова въ ихъ полномъ значеніи.

Несмотря, однако, на важное значеніе этой связи, которой не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду, понимать науки только какъ основы искусствъ значило бы составить себѣ о нихъ весьма несовершенное представленіе, а, къ несчастью, въ наши дни многіе слишкомъ склоняются къ такому взгляду.

Какъ бы ни были велики услуги, которыя научныя теоріи оказали промышленности, если даже наше могущество, по энергичному выраженію Бэкона, и пропорціонально нашимъ знаніямъ, мы все же не должны забывать, что науки прежде всего имѣютъ болѣе прямое и возвышенное назначеніе, именно удовлетвореніе нашего ума въ его основной потребности познавать законы явленій. Чтобы понять, какъ глубока и повелительна эта потребность, достаточно обратить вниманіе на фізіологическое вліяніе удивленія и вспомнить, что наиболѣе ужасное изъ всѣхъ возможныхъ для насъ ощущеній мы испытываемъ, когда намъ кажется, что

какое-нибудь явленіе происходитъ противно тѣмъ естественнымъ законамъ, къ которымъ мы привыкли.

Потребность располагать факты въ такомъ порядкѣ, чтобы мы могли ихъ легко охватить, — что и составляетъ, собственно говоря, предметъ всѣхъ научныхъ теорій — настолько глубоко коренится въ нашей организаціи, что если намъ не удастся удовлетворить ее посредствомъ позитивныхъ понятій, мы неизбежно возвращаемся къ геологическимъ и метафизическимъ объясненіямъ, порожденнымъ ею первоначально, какъ я это объяснилъ въ предшествующей лекціи.

Я счелъ нужнымъ здѣсь особенно подчеркнуть соображеніе, которое будетъ часто повторяться въ этомъ курсѣ, чтобы указать на необходимость защитить себя противъ чрезмѣрнаго вліянія нашихъ современныхъ привычекъ, препятствующихъ образованію справедливыхъ и благоодныхъ взглядовъ на важное и назначеніе наукъ. Если бы преобладающая сила нашей организаціи не исправляла въ умахъ ученыхъ, иногда произвольно, неполноту и узость общаго направленія нашего вѣка, то человеческій умъ, ограничиваясь изслѣдованіями, имѣющими непосредственное практическое примѣненіе, благодаря одному этому, какъ правильно замѣтилъ Кондорсэ, остановился бы въ своемъ прогрессѣ, даже по отношенію къ тѣмъ практическимъ примѣненіямъ, ради которыхъ онъ такъ неразумно пожертвовалъ чисто-теоретическими работами. Ибо самыя важныя приложенія постоянно вытекаютъ изъ теорій, созданныхъ съ чисто-научными цѣлями и разрабатывавшихся иногда въ теченіе многихъ вѣковъ безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Можно указать, какъ на замѣчательный примѣръ, на блестящую теорію коническихъ сѣченій, созданную греческими геометрами, которая много поколѣній спустя вызвала обновленіе астрономіи и дала возможность довести мореплаваніе до той высокой степени совершенства, на которой оно стоитъ теперь и которой оно никогда бы не достигло безъ чисто-теоретическихъ работъ Архимеда и Аполлонія; и Кондорсэ съ полнымъ основаніемъ могъ по этому поводу сказать: «Матросъ, котораго вѣрное исчисленіе долготы мѣста предохраняетъ отъ крушенія, обязанъ жизнью теоріи, которую создали двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ гениальные люди, имѣвшіе въ виду простыя геометрическія умозрѣнія».

Очевидно, что признавъ вообще изученіе природы раціональной основой воздѣйствія на нее, человекъ долженъ приступать къ теоретическимъ изслѣдованіямъ, совершенно не задаваясь какими бы то ни было практическими цѣлями; ибо наши средства для открытія истины такъ слабы, что если мы ихъ не сосредоточимъ исключительно на одной цѣли, на отысканіи истины, а будемъ еще руководствоваться постороннимъ соображеніемъ: получить черезъ нее непосредственную практическую пользу, — то мы почти никогда не будемъ въ состояніи найти самую истину.

Какъ бы то ни было, вѣрно, что совокупность нашихъ знаній о природѣ и совокупность выведенныхъ изъ этихъ знаній приѣмовъ полезнаго для насъ воздѣйствія на природу составляютъ двѣ совершенно отдѣльныя по существу своему системы, которыя надлежитъ строить и разрабатывать независимо другъ отъ друга. Кромѣ того, такъ какъ первая система лежитъ въ основѣ второй, то при методическомъ изученіи слѣдуетъ ее разсматривать раньше даже въ томъ случаѣ, когда мы захотѣли бы охватить всю совокупность человеческихъ знаній какъ теоретическихъ, такъ и прикладныхъ. Именно система теоретическихъ знаній и должна теперь, какъ

миѣ кажется, быть предметомъ дѣйствительно рациональнаго курса позитивной философи; такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю. Можно было бы, конечно, задумать болѣе обширный курсъ, затрагивающій въ одно и то же время общія положенія теоріи и практики; но я не думаю, чтобы подобное предпріятіе, не говоря уже о его размѣрахъ, могло быть надлежащимъ образомъ выполнено при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго разума. Для его осуществленія, миѣ кажется, нужно предварительно совершить еще одну очень важную и совершенно особенную работу, до сихъ поръ не исполненную, именно, выработать на основаніи научныхъ теорій въ собственномъ смыслѣ спеціальныя понятія, долженствующія служить прямымъ основаніемъ общихъ практическихъ приемовъ.

При томъ развитіи, какого уже достигъ нашъ разумъ, науки не прилагаются къ искусствамъ непосредственно, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе сложныхъ случаяхъ; между этими двумя видами идей существуетъ еще средній, который съ философской точки зрѣнія еще слабо опредѣленъ, но проявляетъ себя замѣтнѣе, если обратить вниманіе на классъ людей, занимающихся имъ спеціально.

Между собственно учеными и дѣйствительными руководителями промышленныхъ предпріятій начинаетъ образовываться теперь промежуточный классъ инженеровъ, спеціальное назначеніе которыхъ состоитъ въ установленіи отношеній между теоріей и практикой. Совершенно не заботясь о прогрессѣ научныхъ знаній, эти лица пользуются ими въ современномъ ихъ состояніи для того, чтобы примѣнить ихъ по возможности къ промышленности. Таковъ, по меньшей мѣрѣ, естественный ходъ вещей, хотя въ этомъ отношеніи существуетъ еще большее смѣшеніе.

Собраніе доктринъ, которыя относятся къ этому классу и должны непосредственно создать дѣйствительныя теоріи различныхъ искусствъ, могло бы, безъ сомнѣнія, дать почву для весьма важныхъ и чрезвычайно интересныхъ философскихъ соображеній. Но трудъ, который охватилъ бы ихъ вмѣстѣ съ теоріями, основанными на наукахъ въ собственномъ смыслѣ слова, былъ бы теперь совершенно преждевременнымъ; ибо промежуточныя доктрины, лежація между чистой теоріей и прямой практикой, еще не сформировались. Въ настоящее время существуетъ только нѣсколько несовершенныхъ элементовъ, относящихся къ наиболѣе передовымъ наукамъ и искусствамъ, которые позволяютъ намъ только представить себѣ характеръ и возможность такого рода трудовъ, охватывающихъ всю совокупность человѣческой дѣятельности.

Чтобы привести здѣсь наиболѣе значительный примѣръ, укажемъ, что съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать блестящую концепцію Монжа о начертательной геометріи, представляющую собой не что иное, какъ общую теорію искусства построенія.

Я постараюсь послѣдовательно указывать на немногія уже установившіяся аналогичныя идеи и оцѣнивать ихъ значеніе, по мѣрѣ того, какъ будетъ представляться случай къ тому, въ теченіе естественнаго развитія этого курса. Ясно, однако, что концепціи, по сію пору еще столь неполныя, не могутъ войти, какъ существенная часть, въ курсъ позитивной философи, который долженъ по возможности заключать въ себѣ только доктрины съ твердо установленнымъ и ясно опредѣленнымъ характеромъ.

Трудность построения промежуточных доктринъ, на которыя я только что указалъ, станетъ еще болѣе понятна, если обратить вниманіе на то, что всякое искусство зависитъ не отъ одной соответствующей ему науки, но одновременно отъ нѣсколькихъ, такъ что важнѣйшія искусства пользуются содѣйствіемъ почти всѣхъ главныхъ наукъ.

Ограничиваясь наиболѣе выдающимся примѣромъ, я укажу на то, что хорошая теорія земледѣлія требуетъ соединенія познаній по химіи, фізіологіи, физикѣ и даже астрономіи и математикѣ; то же самое можно сказать и объ изящныхъ искусствахъ. Исходя изъ этого соображенія не трудно понять, почему эти теоріи остались до сихъ поръ незаконченными: ихъ построение можетъ имѣть мѣсто лишь послѣ предварительнаго развитія всѣхъ основныхъ наукъ. Оно же даетъ новое основаніе не включать идей этого класса въ курсъ позитивной философіи, такъ какъ общія теоріи отдѣльныхъ главныхъ искусствъ не могутъ помочь систематическому образованію этой философіи, а наоборотъ, должны, какъ мы видѣли, явиться въ будущемъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ слѣдствій ея построенія.

Итакъ, въ этомъ курсѣ мы должны разсматривать только научныя теоріи, а отнюдь не ихъ примѣненія. Но прежде чѣмъ приступить къ классификаціи отдѣльныхъ частей теоріи, мнѣ остается указать на существующее между науками въ собственномъ смыслѣ слова важное различіе, которое окончательно опредѣлитъ предметъ предпринимаемаго нами изслѣдованія.

* *
* *

По отношенію къ каждому классу явленій надо различать два рода естественныхъ наукъ: науки отвлеченныя, общія, которыя стремятся путемъ изученія всѣхъ возможныхъ случаевъ къ открытію законовъ, управляющихъ различными классами явленій, и науки конкретныя, частныя, описательныя, иногда называемыя собственно естественными науками, которыя состоятъ въ приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ тѣлъ. Первые поэтому являются основными и ими только мы займемся въ этомъ курсѣ; вторыя, какъ бы онѣ ни были важны сами по себѣ, занимаютъ только второстепенное мѣсто и поэтому совершенно не должны входить въ составъ труда, естественные размѣры котораго такъ велики, что заставляютъ насъ сокращать ихъ до наименьшаго, по возможности, объема.

Предыдущее дѣленіе не заключаетъ въ себѣ ничего неяснаго для людей, имѣющихъ нѣкоторое специальное знакомство съ различными позитивными науками, такъ какъ оно почти равносильно тому, которое приводится почти во всѣхъ ученыхъ сочиненіяхъ при сравненіи догматической физики съ естественной исторіей въ собственномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, нѣсколько примѣровъ будетъ достаточно, чтобы сдѣлать понятнымъ это дѣленіе, значеніе котораго не было еще надлежащимъ образомъ оцѣнено.

Прежде всего, его можно очень ясно подмѣтить при сравненіи, съ одной стороны, общей фізіологіи, а съ другой — собственно зоологіи и ботаники. Эти науки, очевидно, носятъ совершенно отличный другъ отъ друга характеръ: въ то время какъ первая изучаетъ общіе законы жизни, вторыя опредѣляютъ образъ жизни всякаго живого тѣла въ частности; сверхъ того, вторыя необходимо основаны на первой.

То же самое можно сказать о химіи по отношенію къ минералогіи: первая, очевидно, представляетъ раціональное основаніе второй. Въ химіи разсматриваются всевозможныя сочетанія молекулъ при всевозможныхъ условіяхъ; въ минералогіи же разсматриваются только тѣ сочетанія, которыя образовались на земномъ шарѣ подѣ влияніемъ только тѣхъ условій, которыя ему свойственны. На различіе точекъ зрѣнія химіи и минералогіи, хотя обѣ науки и занимаются однимъ предметомъ, также указываетъ то, что большинство разсматриваемыхъ въ химіи явленій существуетъ только искусственно; такъ что такія, напримѣръ, тѣла, какъ хлоръ или калий, вслѣдствіе энергіи и силы своего сродства имѣютъ очень важное значеніе для химіи и не представляютъ никакого интереса для минералогіи; и обратно, такія тѣла, какъ гранитъ или кварцъ, которымъ особенно много занимается минералогія, представляетъ съ химической точки зрѣнія ничтожный интересъ.

Логическая необходимость такого основнаго различія между двумя великими отдѣлами естественной философіи становится вообще гораздо очевиднѣе, если принять во вниманіе, что изученіе каждой части конкретной физики не только всегда предполагаетъ предварительное изученіе соответствующей части абстрактной физики, но требуетъ еще знакомства съ общими законами, управляющими всѣми классами явленій. Такъ, напримѣръ, спеціальное и всестороннее изученіе земли не только требуетъ предварительныхъ познаній по химіи и физикѣ, но не можетъ надлежащимъ образомъ производиться безъ введенія, съ одной стороны, знаній астрономическихъ, съ другой—физиологическихъ, такъ что оно связано со всей системой основныхъ наукъ. То же самое можно сказать относительно каждой естественной науки въ собственномъ смыслѣ слова.

Именно поэтому конкретная физика сдѣлала до настоящаго времени такъ мало дѣйствительныхъ успѣховъ, ибо къ ея дѣйствительно раціональному изученію можно приступить лишь послѣ изученія абстрактной физики и когда всѣ главныя отрасли послѣдней приняли окончательный характеръ, что осуществилось только въ наше время. До сихъ же поръ можно было только собирать болѣе или менѣе разрозненный матеріалъ, который повинѣ остается очень неполнымъ. Известныя намъ факты лишь тогда можно будетъ согласовать настолько, чтобы создать истинныя спеціальныя теоріи различныхъ предметовъ, находящихся во вселенной, когда основное различіе, на которое было выше указано, будетъ понято глубже и установлено опредѣленнѣе, и когда, слѣдовательно, ученые, спеціально занимающіеся естественными науками въ собственномъ смыслѣ слова, признаютъ необходимымъ основывать свои изслѣдованія на глубокомъ знаніи всѣхъ главныхъ наукъ, условіе, которое до сихъ поръ исполняется далеко не удовлетворительно.

Разсмотрѣніе этого условія ясно показываетъ, почему мы должны въ этомъ курсѣ позитивной философіи ограничить наши изслѣдованія изученіемъ общихъ наукъ, оставляя въ то же время въ сторонѣ науки описательныя или частныя. Намъ открывается здѣсь новое существенное свойство изученія общихъ положеній абстрактной физики, именно служить раціональнымъ основаніемъ для дѣйствительно систематической конкретной физики. Поэтому, при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго разума, попытка объединить въ одномъ и томъ же курсѣ оба рода наукъ заключала бы нѣкоторое противорѣчіе. Мало того, если бы даже конкретная физика достигла

степени совершенства физики абстрактной и если бы, слѣдовательно, явилась возможность охватить ту и другую въ одномъ курсѣ позитивной философіи, то и тогда, очевидно, нужно было бы начать съ изложенія отвлеченной части, которая неизмѣнно останется основаніемъ для другой части.

Сверхъ того ясно, что изученіе однихъ общихъ положеній основныхъ наукъ достаточно обширно само по себѣ, поэтому слѣдуетъ, насколько возможно устранять изъ него обсуждения, не являющіяся безусловно необходимыми; обсуждения же, относящіяся къ второстепеннымъ наукамъ, что бы ни случилось, будутъ всегда стоять отдѣльно.

Философія основныхъ наукъ, давая систему позитивныхъ теорій по всемъ отраслямъ нашихъ реальныхъ знаній, тѣмъ самымъ можетъ представить ту первую философію, которую искалъ Бэконъ и которая, будучи предназначена служить отнынѣ постоянной основой для всехъ человѣческихъ умозрѣній, должна быть старательно приведена къ возможно простѣйшему выраженію.

Мнѣ нѣтъ надобности распространяться теперь болѣе объ этомъ предметѣ, къ которому мнѣ необходимо будетъ много разъ возвращаться въ различныхъ частяхъ этого курса. Предыдущее объясненіе достаточно полно мотивируетъ, почему я ограничилъ общій предметъ нашихъ изслѣдованій данными предѣлами.

Итакъ, изъ всего изложеннаго въ этой лекціи мы видимъ: 1) что человѣческая наука состоитъ изъ знаній теоретическихъ и прикладныхъ и что здѣсь мы должны заняться исключительно первыми; 2) что теоретическія знанія или науки въ собственномъ смыслѣ слова дѣлятся на общія и частныя науки и что здѣсь мы должны разсматривать только науки общія и ограничиться абстрактной физикой, не взирая на интересъ, который могла бы представить для насъ конкретная физика.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, точно дѣйствительный объемъ этого курса, мы теперь легко можемъ приступить къ составленію вполне рациональной и удовлетворительной классификаціи основныхъ наукъ, что и является энциклопедическимъ вопросомъ, составляющимъ главный предметъ этой лекціи.

* * *

Прежде всего нужно признать, что какъ бы естественна ни была подобная классификація, она всегда необходимо будетъ заключать въ себѣ нѣчто, если не произвольное, то, по меньшей мѣрѣ, искусственное, что, конечно, представить ея существенный недостатокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, главная цѣль, которую нужно имѣть въ виду во всякой работѣ энциклопедическаго характера — это расположить науки въ порядкѣ ихъ естественной послѣдовательности, сообразно ихъ взаимной зависимости, такъ, чтобы можно было ихъ излагать одну за другой, ни разу не попадая въ заколдованный кругъ. Вполнѣ строгое выполненіе этого условія, мнѣ кажется, однако, невозможнымъ.

Я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе развить эту мысль, такъ какъ я считаю ее весьма важной для характеристики дѣйствительной трудности изслѣдованія, которымъ мы теперь занимаемся. Это дастъ мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность установить относительно изложенія нашихъ знаній общій принципъ, который я часто буду примѣнять впослѣдствіи.

Каждую науку можно излагать, слѣдуя двумъ существенно различнымъ методамъ, историческому и догматическому; всякій другой способъ изложенія науки представляетъ только известное сочетаніе этихъ двухъ приемовъ.

Согласно первому методу, знанія излагаются послѣдовательно въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ человѣческій разумъ дѣйствительно ихъ приобрѣталъ и, по возможности, примѣняя тѣ же приемы.

Посредствомъ второго метода система идей представляется намъ въ томъ видѣ, какъ ее нынѣ могъ бы составить одинъ человѣкъ, если бы онъ избралъ надлежащую точку зрѣнія и, обладая достаточными знаніями, задался цѣлью перестроить науку во всей ея совокупности.

Изученіе каждой новой науки по необходимости начинается по первому методу, представляющему то удобство, что для изложенія знаній не требуется никакой новой работы, кромѣ затраченной на приобрѣтеніе ихъ; ибо все искусство обученія сводится къ послѣдовательному изученію въ хронологическомъ порядкѣ различныхъ оригинальныхъ трудовъ, содѣйствовавшихъ прогрессу науки.

Напротивъ, догматическій методъ, для примѣненія котораго необходимо, чтобы всѣ эти отдѣльные труды уже слились въ одну общую систему, которая давала бы возможность ихъ представить въ болѣе естественномъ и логическомъ порядкѣ, можетъ быть приложенъ только къ наукѣ, достигшей уже довольно высокой степени развитія.

Однако, по мѣрѣ прогресса науки, историческій способъ изложенія становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе накопленія слишкомъ длиннаго ряда промежуточныхъ пунктовъ, черезъ которые умъ человѣка долженъ пройти, между тѣмъ какъ догматическій способъ становится все болѣе и болѣе возможнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ, ибо новыя концепціи позволяютъ представить прежнія открытія съ болѣе прямой точки зрѣнія.

Такъ, напримѣръ, все образованіе древняго геометра состояло въ послѣдовательномъ изученіи очень небольшого числа оригинальныхъ сочиненій, появившихся къ тому времени по разнымъ вопросамъ геометріи и сводившихся, главнымъ образомъ, къ произведеніямъ Архимеда и Аполлонія; наоборотъ, современный геометръ оканчиваетъ свое общее образованіе, не прочитавъ ни одного оригинальнаго труда, за исключеніемъ развѣ касающихся новыхъ открытій, которыя не могутъ быть изучены иначе.

Такимъ образомъ, по отношенію къ изложенію знаній, человѣческій разумъ неизмѣнно все болѣе и болѣе стремится замѣнить историческій методъ догматическимъ, ибо только послѣдній можетъ удовлетворять насъ при болѣе совершенномъ состояніи нашего умственнаго развитія.

Главная задача умственнаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ поднять умъ, чаще всего посредственный, до той степени развитія, которая является результатомъ усилій многихъ гениальныхъ людей, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ послѣдовательно отдававшихъ всю свою жизнь и всѣ свои силы на изученіе одного предмета. Повятно, что, хотя изучать безконечно легче, чѣмъ открывать, тѣмъ не менѣе, было бы совершенно невозможно достигъ намѣченной цѣли, если бы каждый отдѣльный умъ долженъ былъ бы пройти всѣ тѣ промежуточные пункты, по

которымъ необходимо долженъ былъ слѣдовать коллективный геній человѣчества. Отсюда и вытекаетъ настоятельная потребность въ догматическомъ методѣ, особенно для наиболѣе совершенныхъ наукъ, обыкновенное изложеніе которыхъ не заключаетъ почти никакихъ слѣдовъ первоначальнаго происхожденія ихъ элементовъ.

Однако, чтобы предупредить всякое преувеличеніе, нужно добавить, что въ дѣйствительности всякое изложеніе неизбѣжно является только извѣстнымъ сочетаніемъ историческаго и догматическаго методовъ, но догматическій методъ долженъ преобладать, и это преобладаніе должно постоянно возрастать. Догматическому методу нельзя слѣдовать совершенно строго; ибо, благодаря тому, что онъ требуетъ новой переработки прибрѣтенныхъ знаній, онъ не можетъ быть приложенъ во всякую эпоху развитія науки къ недавно созданнымъ частямъ ея, изученіе которыхъ доступно только историческому методу, не представляющему въ этомъ случаѣ крупныхъ неудобствъ, заставляющихъ вообще избѣгать его.

Единственный серьезный недостатокъ, который можно усмотрѣть въ догматическомъ методѣ состоитъ въ томъ, что при такомъ способѣ изложенія остается неизвѣстнымъ, какимъ путемъ различныя знанія были прибрѣтены человѣчествомъ; знакомство же съ этимъ путемъ, хотя и вполне отлично отъ самого прибрѣтенія этихъ знаній, само по себѣ представляетъ величайшій интересъ для всякаго философскаго ума. Это соображеніе было бы въ моихъ глазахъ очень вѣскимъ, если бы оно дѣйствительно являлось доводомъ въ пользу историческаго метода. Но не трудно убѣдиться, что между изученіемъ науки по такъ называемому историческому способу и истиннымъ познаніемъ дѣйствительной исторіи этой науки существуетъ только внѣшняя связь.

Въ самомъ дѣлѣ, не только въ каждой наукѣ различныя части, которыя приходится раздѣлять при догматическомъ методѣ, въ дѣйствительности развивались одновременно, оказывая при этомъ вліяніе другъ на друга,—что и заставляло бы предпочесть историческій методъ—но, рассматривая развитіе человѣческаго разума въ цѣломъ, мы видимъ, что фактически различныя науки совершенствовались тоже одновременно и совмѣстно, что благодаря безчисленнымъ взаимнымъ вліяніямъ преусиленія науки и успѣхи искусствъ зависѣли другъ отъ друга и, наконецъ, что весь научный прогрессъ тѣсно связанъ съ общимъ развитіемъ человѣческаго общества. Это обширное сцѣпленіе настолько реально, что для пониманія происхожденія какой-нибудь научной теоріи часто приходится рассматривать усовершенствованія, достигнутыя въ искусствѣ, не имѣющемъ съ ней никакой раціональной связи, или даже частное улучшеніе въ соціальной организаціи, безъ котораго данное открытіе не могло бы имѣть мѣста.

Далѣе мы увидимъ много такихъ примѣровъ. Изъ предыдущаго же слѣдуетъ, что ознакомиться съ истинной исторіей каждой науки, т.-е. съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ всѣхъ входящихъ въ составъ ея открытій, можно только путемъ прямого и всесторонняго изученія исторіи человѣчества. Вотъ почему на всѣ собранные до сихъ поръ документы по исторіи математики, астрономіи, медицины нужно смотрѣть, несмотря на всю ихъ научную цѣнность, только какъ на сырой матеріалъ.

Мнимый историческій методъ, если бы даже и возможно было строго

слѣдовать ему при изложеніи деталей каждой науки въ отдѣльности, оказался бы чисто-гипотетическимъ и абстрактнымъ въ томъ весьма важномъ отношеніи, что представлялъ бы развитіе этой науки совершенно изолированнымъ; далеко не давая четивной исторіи науки, онъ приводилъ бы къ ложному о ней представленію.

Мы, конечно, убѣждены въ высокой важности знакомства съ исторіей наукъ, и я думаю даже, что нельзя быть вполне свѣдущимъ въ наукѣ, не зная ея исторіи. Но изученіе исторіи наукъ должно быть совершенно отдѣлено отъ собственно догматическаго изученія науки, безъ котораго сама исторія ея не была бы понятна.

Мы поэтому разсмотримъ съ большимъ вниманіемъ дѣйствительную исторію основныхъ наукъ, составляющихъ предметъ нашихъ размышленій; но мы это сдѣлаемъ только въ послѣдней части нашего курса, посвященной изученію социальныхъ явленій, при разсмотрѣніи исторіи общаго развитія человѣчества, самую важную хотя и пренебрегаемую еще часть которой и составляетъ исторія наукъ. Побочныя историческія соображенія, которыя могутъ возникнуть при изученіи каждой изъ наукъ, будутъ носить совершенно особый характеръ, благодаря чему они не измѣнятъ дѣйствительной природы нашего главнаго труда.

Предыдущее разсужденіе, которое, какъ видно, должно быть дальше подробнѣе развито, имѣетъ здѣсь цѣлью точнѣе опредѣлить истинный духъ этого курса, представляя его съ новой точки зрѣнія. Въ особенности же по отношенію къ занимающему насъ вопросу изъ него вытекаетъ точное опредѣленіе условій, которыя можно поставить себѣ съ надеждой выполнить ихъ при построеніи энциклопедической системы основныхъ наукъ.

Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что какой бы совершенной ни казалась намъ какая-либо классификація наукъ, она никогда не можетъ быть строго согласована съ исторической ихъ послѣдовательностью. Какъ бы мы ни старались, мы не можемъ вполне избѣжать того, что намъ придется считать предшествующей такую науку, которая въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе важныхъ частныхъ случаяхъ заимствуетъ свои понятія изъ другой науки, признаваемой нами за послѣдующую. Нужно только стараться, чтобы это заимствованіе не имѣло мѣста по отношенію къ наиболѣе характеристическимъ понятіямъ каждой науки, ибо тогда классификація была бы уже совершенно неправильной.

Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется неоспоримымъ, что въ общей системѣ наукъ астрономія должна быть помѣщена раньше физики въ собственномъ смыслѣ слова и, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя части послѣдней, особенно оптика, необходимы для полнаго изложенія астрономіи.

Подобныя второстепенные, совершенно неизбѣжные, недостатки не могутъ ослабить значенія классификаціи, въ достаточной мѣрѣ удовлетворяющей всѣмъ главнымъ условіямъ. Они являются необходимымъ слѣдствіемъ искусственнаго дѣленія нашего умственнаго труда.

Тѣмъ не менѣе, хотя въ виду предшествующихъ объясненій мы не должны бы принимать историческій порядокъ за основаніе нашей классификаціи, я считаю нужнымъ заранѣе указать на общее соотвѣтствіе предлагаемой мной энциклопедической системы съ совокупностью всей исторіи наукъ, какъ на одну изъ ея существенныхъ особенностей; это соотвѣтствіе выражается въ томъ, что, несмотря на дѣйствительную

и постоянную одновременность развитія различныхъ отраслей знанія, науки, представляемыя въ нашей классификаціи, какъ предшествующія, въ самомъ дѣлѣ всегда являются болѣе древними и всегда болѣе развитыми, чѣмъ послѣдующія. Такое положеніе вещей неизбѣжно, если мы дѣйствительно за принципъ классификаціи принимаемъ, какъ и слѣдуетъ дѣлать, естественную логическую связь различныхъ наукъ, такъ какъ исходная точка вида должна быть необходимо та же, что и индивида.

Чтобы закончить возможно точное опредѣленіе дѣйствительной трудности энциклопедическаго вопроса, который намъ предстоитъ разрѣшить, я считаю полезнымъ ввести сюда одно очень простое математическое соображеніе, хорошо резюмирующее совокупность изложенныхъ до сихъ поръ въ этой лекціи разсужденій. Вотъ въ чемъ оно состоитъ.

Мы ставимъ себѣ задачей классифицировать основныя науки, а мы сейчасъ увидимъ, что, принявъ все во вниманіе, нельзя не признать, по крайней мѣрѣ, шесть различныхъ наукъ; большинство ученыхъ приняло бы, вѣроятно, еще большее число. Допустивъ первое предположеніе, вспомнимъ, что изъ шести предметовъ можно составить 720 различныхъ перемѣщеній. Такимъ образомъ, основныя науки могутъ дать почву для 720 различныхъ классификацій, изъ числа которыхъ надо избрать только одну, наиболее удовлетворяющую главнымъ условіямъ задачи. Мы видимъ, что, несмотря на многочисленность предложенныхъ до настоящаго времени энциклопедическихъ системъ, только еще немногія изъ всѣхъ возможныхъ перемѣщеній подверглись обсужденію; при этомъ я могу, кажется, сказать безъ преувеличенія, что среди 720 классификацій не найдется, можетъ-быть, ни одной, въ пользу которой нельзя было бы привести нѣсколько подходящихъ соображеній, такъ какъ разсматривая различныя уже предложенныя системы, можно замѣтить между ними крайнія противорѣчія: науки, поставленныя одними учеными во главѣ энциклопедической системы, стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ въ другихъ системахъ и наоборотъ. Слѣдовательно, именно въ выборѣ одной рациональной системы изъ большого числа возможныхъ заключается дѣйствительная трудность поставленнаго нами вопроса.

Приступая теперь прямо къ этому важному вопросу, прежде всего вспомнимъ, что для составленія естественной и позитивной классификаціи основныхъ наукъ, принципъ ея слѣдуетъ искать въ сравненіи различныхъ разрядовъ явленій, законы которыхъ изслѣдуютъ эти науки. Мы желаемъ опредѣлить реальную зависимость различныхъ научныхъ изслѣдованій, а она представляется только слѣдствіемъ зависимости, существующей между соответствующими явленіями.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія всѣ доступныя наблюденію явленія, мы увидимъ, что ихъ можно распредѣлить на небольшое число естественныхъ категорій, расположенныхъ такимъ образомъ, что рациональное изученіе каждой изъ нихъ будетъ основано на знакомствѣ съ главными законами предыдущей и, въ свою очередь, станетъ основаніемъ для изученія слѣдующей.

Этотъ порядокъ опредѣляется степенью простоты или, что то же самое, степенью общности явленій, изъ которой вытекаетъ ихъ послѣдовательная зависимость и, слѣдовательно, большая или меньшая легкость ихъ изученія.

Дѣйствительно, а ргіогі ясно, что наиболѣе простыя явленія, т.-е. наименѣе осложненныя вліяніемъ другихъ, суть по необходимости также и наиболѣе

общія; ибо все, что наблюдается въ большинствѣ случаевъ, уже по тому самому наименѣе зависитъ отъ обстоятельствъ, присущихъ каждому отдѣльному случаю. Такимъ образомъ, чтобы изучить систематически всю естественную философію, надо начать съ самыхъ общихъ или самыхъ простыхъ явленій, а затѣмъ послѣдовательно переходить къ болѣе частнымъ или болѣе сложнымъ явленіямъ, такъ какъ эта степень общности или простоты, устанавливая необходимымъ образомъ рациональный рядъ главныхъ наукъ на основаніи постепенной зависимости явленій, опредѣляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сравнительную легкость ихъ изученія.

Въ то же время, въ силу одного второстепеннаго соображенія, на которое я считаю важнымъ указать здѣсь и которое вполне согласуется со всеми предыдущими, наиболѣе общія и наиболѣе простыя явленія по необходимости наиболѣе чужды человѣку и благодаря именно этому обстоятельству могутъ быть изучаемы въ болѣе разумномъ и спокойномъ настроеніи духа, что и является еще новой причиною для болѣе быстрого развитія соответствующихъ наукъ.

Указавъ, такимъ образомъ, основное правило, которымъ надлежитъ руководствоваться при классификаціи наукъ, я могу непосредственно перейти къ построенію энциклопедической системы, долженствующей опредѣлить планъ этого курса; значеніе же ея всякій сможетъ безъ труда оцѣнить на основаніи предыдущихъ соображеній.

* * *

При первомъ взглядѣ на совокупность естественныхъ явленій мы убѣждаемся въ необходимости распредѣлить ихъ, согласно только что установленному нами принципу, сперва на два большихъ главныхъ класса, изъ которыхъ первый долженъ охватить все явленія, относящіяся къ неорганизованнымъ тѣламъ, а второй—все явленія, относящіяся къ организованнымъ тѣламъ.

Послѣднія, очевидно, сложнѣе и носятъ болѣе частный характеръ, чѣмъ первыя; они зависятъ отъ первыхъ, которыя, напротивъ, отъ нихъ совершенно не зависятъ. Отсюда необходимость изучать фізіологическія явленія послѣ явленій неорганическаго міра.

Какъ бы мы ни объясняли различіе этихъ двухъ классовъ предметовъ, несомнѣнно, что въ живыхъ тѣлахъ можно наблюдать все механическія и химическія явленія, происходящія въ тѣлахъ неорганизованныхъ, но, кромѣ того, особый видъ явленій, явленій жизненныхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, находящихся въ зависимости отъ организаціи.

Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, одной или не одной природы оба класса явленій,—вопроса неразрѣшимаго, слишкомъ часто поднимаемаго въ наше время, благодаря остаткамъ вліянія теологическихъ и метафизическихъ привычекъ; подобный вопросъ не входитъ въ область позитивной философіи, которая открыто и опредѣленно заявляетъ, что ей совершенно неизвѣстна внутренняя природа тѣлъ. Но, чтобы признать необходимость отдѣлять изученіе неорганизованныхъ тѣлъ отъ изученія живыхъ тѣлъ, нѣтъ никакой надобности считать эти тѣла существенно различными по своей природѣ.

Безъ сомнѣнія, общій взглядъ на явленія живыхъ тѣлъ еще недостаточно установился. Но какое бы мнѣніе ни взяло верхъ при дальнѣйшемъ прогрессѣ

естественной философіи, предлагаемая нами классификація нисколько отъ этого не пострадаетъ. Дѣйствительно, если даже будетъ признано доказаннымъ, — а это едва ли позволяетъ предвидѣть современное состояніе фізіологіи, — что фізіологическія явленія всегда суть только простыя механическія, электрическія и химическія явленія, видоизмѣненные строеніемъ и составомъ свойственнымъ органическимъ тѣламъ, наше основное дѣленіе, тѣмъ не менѣе, сохранить свою силу. Ибо всегда, даже при такой гипотезѣ останется справедливымъ, что слѣдуетъ изучать общія явленія, прежде чѣмъ приступать къ изслѣдованію специальныхъ видоизмѣненій, которымъ эти явленія подвергаются въ нѣкоторыхъ тѣлахъ вселенной, благодаря особому расположенію ихъ молекулъ.

Такимъ образомъ, дѣленіе, которое въ настоящее время большинствомъ просвѣщенныхъ умовъ считается основаннымъ на различіи законовъ, можетъ, вслѣдствіе подчиненности явленій, а слѣдовательно, и наукъ, удержаться безконечно долго, хотя бы въ будущемъ и удалось прочно установить сходство между этими двумя классами тѣлъ.

Здѣсь не мѣсто всесторонне развивать общее сравненіе между тѣлами неорганизованными и живыми; оно будетъ предметомъ особаго и глубокаго изученія въ фізіологической части нашего курса. Теперь же достаточно признать въ принципѣ логическую необходимость отдѣлять науку, относящуюся къ тѣламъ перваго класса отъ науки, разсматривающей тѣла втораго класса и приступать къ изученію органической физики лишь послѣ изученія общихъ законовъ физики неорганической.

Перейдемъ къ установленію главнаго подраздѣленія, которому согласно тому же правилу подлежитъ каждая изъ этихъ двухъ обширныхъ частей естественной философіи.

Продолжая сообразоваться съ послѣдовательностью, общностью и зависимостью явленій, мы должны будемъ прежде всего раздѣлить неорганическую физику на двѣ отдѣльныя части, соотвѣтственно тому, разсматриваетъ ли она явленія вселенной вообще, или явленія земныхъ тѣлъ въ частности. Отсюда небесная физика или астрономія какъ геометрическая, такъ и механическая, и земная физика. Необходимость этого дѣленія вытекаетъ изъ соображеній, подобныхъ предыдущему.

Такъ какъ астрономическія явленія наиболѣе общи, наиболѣе просты и наиболѣе абстрактны, то очевидно, что съ ихъ изученія и должна начать естественная философія; ибо законы, которымъ эти явленія подчинены, вліяютъ на законы всѣхъ другихъ явленій, сами же отъ нихъ совершенно не зависятъ.

Во всѣхъ явленіяхъ земной физики наблюдается прежде всего общее дѣйствіе всемірнаго тяготѣнія, а затѣмъ еще нѣсколькихъ видоизмѣняющихъ его силъ, свойственныхъ только земнымъ явленіямъ. Поэтому-то, анализируя самое простое земное явленіе, выбравъ для этого не какой-нибудь химическій процессъ, а даже чисто механическое явленіе, мы всегда найдемъ, что оно сложнѣе самаго сложнаго небеснаго явленія.

Такъ, напримѣръ, простое движеніе тяжелаго тѣла, даже если это тѣло твердое, представляетъ въ дѣйствительности, если мы примемъ во вниманіе всѣ опредѣляющія его обстоятельства, болѣе сложный предметъ изслѣдованія, чѣмъ самая трудная астро-

номическая задача. Это соображеніе ясно показываетъ, насколько необходимо строго отдѣлять небесную физику отъ земной и не приступать къ изученію второй, пока не закончено изученіе первой, составляющей ея рачіональное основаніе.

Земная физика, въ свою очередь, на основаніи того же принципа подраздѣляется на двѣ весьма различныя части, смотря потому, разсматриваетъ ли она тѣла съ механической или съ химической точки зрѣнія; отсюда возникаетъ дѣленіе ея на собственно физику и химию. Дѣйствительно, систематическое усвоеніе послѣдней, очевидно, предполагаетъ предварительное знакомство съ физикой; ибо всѣ явленія химическія необходимо сложнѣе физическихъ и, не вліяя на послѣднія, сами отъ нихъ зависятъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій знаетъ, что каждое химическое дѣйствіе находится прежде всего въ зависимости отъ тяжести, тепла, электричества и т. д. и представляетъ, сверхъ того, нѣчто своеобразное, видоизмѣняющее дѣйствіе этихъ агентовъ. Это соображеніе, ясно показывающее, что химія можетъ идти только позади физики, заставляетъ выдѣлить ее въ то же время какъ самостоятельную науку. Ибо какого бы взгляда мы ни держались о химическихъ сродствахъ, даже если бы мы видѣли въ нихъ, какъ это можно себѣ представить, только видоизмѣненія всемірнаго тяготѣнія, вызванныя формой и взаимнымъ расположеніемъ атомовъ, все-таки остается безспорнымъ, что необходимость постоянно имѣть въ виду эти спеціальныя условія не позволяетъ смотрѣть на химию, какъ на простое дополненіе физики. Во всякомъ случаѣ, хотя бы только ради облегченія изученія, придется удержать дѣленіе и послѣдовательность, которыя въ настоящее время объясняются разнородностью самыхъ явленій.

Таково рачіональное распредѣленіе главныхъ отраслей общей науки о неорганизованныхъ тѣлахъ; подобнымъ же образомъ устанавливается аналогичное дѣленіе общей науки о тѣлахъ организованныхъ.

* * *

Всѣ живыя существа представляютъ два рода совершенно различныхъ явленій—явленій, относящихся къ каждому отдѣльному индивиду, и явленій, касающихся вида, въ особенности, когда послѣдній способенъ къ общественной жизни. Это раздѣленіе имѣетъ важное значеніе, главнымъ образомъ, по отношенію къ человѣку. Явленія видовыя, очевидно, болѣе сложны и носятъ болѣе частный характеръ, чѣмъ индивидуальныя, такъ какъ они зависятъ отъ послѣднихъ, но сами на нихъ не вліяютъ. На этомъ основаніи органическая физика раздѣляется на двѣ главныя части: на собственно физиологію и на социальную физику, опирающуюся на первую.

Во всѣхъ социальныхъ явленіяхъ прежде всего наблюдается вліяніе индивидуальныхъ физиологическихъ законовъ и, сверхъ того, нѣчто своеобразное, видоизмѣняющее вліяніе этихъ законовъ и вытекающее изъ взаимодѣйствія индивидовъ другъ на друга. Это взаимодѣйствіе особенно осложняется въ человѣческомъ родѣ вслѣдствіе воздѣйствія каждаго поколѣнія на послѣдующее.

Очевидно, слѣдовательно, что для правильнаго изученія социальныхъ явленій нужно исходить изъ глубокаго знакомства съ законами индивидуальной жизни. Съ другой стороны, такое необходимое подчиненіе одной науки другой совсѣмъ не

обязываетъ насъ видѣть въ социальной физикѣ,—какъ это дѣлали нѣкоторые перво-классные физиологи,—простое дополненіе физиологіи. Хотя оба рода явленій несомнѣнно однородны, они отнюдь не тождественны, и раздѣленіе этихъ наукъ имѣетъ дѣйствительно существенное значеніе. Ибо изученіе вида въ его совокупности совсѣмъ нельзя считать чистымъ выводомъ изъ изученія индивида, такъ какъ социальныя условія, видоизмѣняющія дѣйствіе физиологическихъ законовъ, являются при этомъ какъ-разъ самымъ важнымъ предметомъ изслѣдованія.

Итакъ, социальная физика должна быть основана на дѣломъ рядѣ прямыхъ ей одной присущихъ наблюденій, причемъ, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду и тѣсную связь ея съ физиологіей въ собственномъ смыслѣ слова.

Можно было бы легко установить полную симметрію между вышеуказанными дѣленіями органической и неорганической физики, если принять во вниманіе обычное дѣленіе собственно физиологіи на растительную и животную. Было бы нетрудно, въ самомъ дѣлѣ, связать это подраздѣленіе съ принципомъ классификаціи, которому мы все время слѣдуемъ, такъ какъ явленія животной жизни представляются, по крайней мѣрѣ въ общемъ, болѣе сложными и болѣе частными, чѣмъ явленія растительной жизни. Но преслѣдованіе этой точной симметріи было бы до нѣкоторой степени ребячествомъ, если бы оно заставляло насъ забыть или преувеличить дѣйствительныя аналогіи или несомнѣнныя различія между явленіями. Очевидно, что различіе между физиологіей растительной и животной, имѣющее большое значеніе въ наукѣ, называемой мной конкретной физикой, не имѣетъ почти никакого значенія въ физикѣ абстрактной, о которой здѣсь исключительно идетъ рѣчь.

Познаніе общихъ законовъ жизни, составляющее, на нашъ взглядъ, истинный предметъ физиологіи, требуетъ одновременнаго разсмотрѣнія всего органическаго ряда, не дѣлая различія между растеніями и животными, различія, исчезающаго при томъ съ каждымъ днемъ по мѣрѣ болѣе глубокаго изученія явленій.

Поэтому, хотя въ неорганической физикѣ мы нашли нужнымъ установить два послѣдовательныхъ отдѣла, мы ограничимся по отношенію къ органической только однимъ.

Итакъ, въ силу предыдущаго соображенія позитивная философія оказывается естественнымъ образомъ раздѣленной на пять основныхъ наукъ, послѣдовательность которыхъ опредѣляется неизмѣннымъ и необходимымъ подчиненіемъ, основанномъ, независимо отъ всякихъ гипотезъ, на одномъ только внимательномъ сравненіи соотвѣтствующихъ явленій. Эти науки суть: астрономія, физика, химія, физиологія и, наконецъ, социальная физика.

Первая изучаетъ явленія наиболѣе общія, наиболѣе простыя, наиболѣе отвлеченныя и наиболѣе удаленныя отъ человѣчества; они вліяютъ на всѣ другія, не подвергаясь вліянію послѣднихъ.

Наоборотъ, явленія, разсматриваемыя социальной физикой, суть наиболѣе частныя, наиболѣе сложныя, наиболѣе конкретныя и наиболѣе непосредственно касающіяся интересовъ человѣка; они болѣе или менѣе зависятъ отъ всѣхъ предыдущихъ, не оказывая, въ свою очередь, на нихъ никакого вліянія.

Между этими двумя крайними пунктами постепенно возрастаютъ степени частности явленій, ихъ сложности, ихъ близости къ человѣку, а также ихъ послѣдовательная зависимость.

Таковы общая внутренняя связь, которую намъ приходится установить между отдѣльными главными науками, не на основаніи случайныхъ и неважныхъ различій между ними, а на основаніи правильно примѣннаго истинно-философскаго наблюденія; таковъ же долженъ быть и планъ этого курса.

Я могъ здѣсь только намѣтить главные соображенія, на которыя опирается эта классификація. Чтобы ее вполне понять, нужно было бы теперь, послѣ того какъ мы рассмотрѣли ее съ общей точки зрѣнія, изслѣдовать ее по отношенію къ каждой основной наукѣ въ частности; это мы тщательно выполнимъ впоследствии, въ началѣ спеціальнаго изученія каждой части этого курса. Это вторичное построеніе энциклопедической системы, при послѣдовательномъ изученіи каждой изъ пяти главныхъ наукъ, придастъ ей большую прочность и, въ особенности, сдѣлаетъ очевидной ея устойчивость. При этомъ преимущества нашей классификаціи выступятъ еще нагляднѣе, ибо мы увидимъ, что внутреннее расположеніе частей каждой науки естественнымъ образомъ устанавливается по тому же принципу; и вся система человѣческихъ знаній представляется разложенной до малѣйшихъ подробностей, на основаніи одного послѣдовательно проведеннаго соображенія, а именно, большей или меньшей степени отвлеченности соотвѣтствующихъ понятій. Но подобная работа, не говоря уже о томъ, что она теперь увлекла бы насъ слишкомъ далеко, была бы несомнѣнно неумѣстна въ этой лекціи, въ которой мы должны остаться на самой общей точкѣ зрѣнія позитивной философіи.

Тѣмъ не менѣе, чтобы теперь же дать возможность какъ можно полнѣе оцѣнить значеніе основной іерархіи наукъ, которую я постоянно буду примѣнять въ теченіе этого курса, я долженъ бѣгло указать на ея наиболѣе существенныя и общія свойства.

Прежде всего нужно отмѣтить, какъ рѣшительную провѣрку справедливости нашей классификаціи, ея существенное соотвѣтствіе съ почти самопроизвольной группировкой, допускаемой неявнымъ образомъ учеными, посвятившими себя изученію различныхъ отраслей естественной философіи.

Составители энциклопедическихъ системъ обыкновенно очень пренебрегаютъ однимъ правиломъ, именно, представлять отдѣльными науки, которыя во время дѣйствительнаго роста человѣческаго разума пришлось, безъ всякой предвзятой цѣли, изучать отдѣльно, и устанавливать между ними степень зависимости сообразно взаимнымъ положительнымъ отношеніямъ, обнаруживаемымъ при ихъ постоянномъ развитіи. Подобное согласованіе, однако, есть очевидно самый вѣрный признакъ удачной классификаціи, такъ какъ дѣленія, сами собой возникшія въ системѣ наукъ, могли быть опредѣлены только давно ощущаемымъ сознаніемъ дѣйствительныхъ потребностей человѣческаго разума, а не ложными общими положеніями.

Но, хотя выше предложенная классификація удовлетворяетъ вполне этому условію,—что было бы излишне доказывать—не слѣдуетъ отсюда заключать, что установившіеся эмпирически привычныя взгляды ученыхъ дѣлаютъ бесполезнымъ только что выполненный нами энциклопедическій трудъ; они сдѣлали лишь возможной операцію, которая показываетъ глубокое различіе между чисто-эмпирической и рациональной классификаціями. Кромѣ того важно, чтобы указанная классификація была понята и, въ особенности, примѣнена со всей необходимой точностью и чтобы

ея значеніе было надлежащимъ образомъ оцѣнено: между тѣмъ, достаточно обратить вниманіе на ежедневно совершаемыя, къ великому ущербу для человѣческаго ума, нарушенія изложеннаго энциклопедическаго закона, чтобы убѣдиться, насколько мы далеки еще отъ совершенства въ этомъ отношеніи.

Вторая весьма существенная характеристическая черта нашей классификаціи заключается въ ея согласіи съ дѣйствительнымъ ходомъ развитія естественной философіи. Это согласіе подтверждается всѣмъ, что мы знаемъ объ исторіи наукъ, въ особенности, за послѣдніе два вѣка, когда прогрессъ ихъ можетъ быть наблюдаемъ съ большей точностью.

Въ самомъ дѣлѣ, понятно, что рациональное изученіе каждой основной науки, требуя предварительной разработки всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя предшествуютъ ей въ нашей энциклопедической іерархіи, могло имѣть дѣйствительный успѣхъ и приобрести свой истинный характеръ только послѣ широкаго развитія предшествующихъ наукъ, относящихся къ явленіямъ болѣе общимъ, болѣе отвлеченнымъ, менѣе сложнымъ и независимымъ отъ другихъ. Въ этой именно послѣдовательности и долженъ былъ совершаться прогрессъ наукъ, хотя онѣ и развивались одновременно.

Это соображеніе кажется мнѣ настолько важнымъ, что, если не принимать его во вниманіе, я считаю невозможнымъ понять исторію человѣческаго разума. Общій законъ, которому она подчинена и который я указалъ въ предыдущей лекціи, не можетъ быть надлежащимъ образомъ понятъ, если при своемъ примѣненіи онъ не будетъ связанъ съ только что установленной нами энциклопедической формулой. Ибо именно въ указанной въ этой формулѣ послѣдовательности различныя человѣческія теоріи проходили одно за другимъ сперва теологическое, затѣмъ метафизическое и, наконецъ, позитивное состоянія. Если при примѣненіи этого закона не обращать вниманія на этотъ неизбѣжный порядокъ движенія, то часто будутъ встрѣчаться непреодолимая, повидимому, трудности; ибо ясно, что теологическое и метафизическое состоянія нѣкоторыхъ основныхъ теорій должны были временно совпадать и иногда дѣйствительно совпадали съ позитивнымъ состояніемъ предшествующихъ имъ въ нашей энциклопедической системѣ теорій. Это обстоятельство создаетъ при провѣркѣ общаго закона затрудненія, которыя можно разсѣять только съ помощью предыдущей классификаціи.

Въ-третьихъ, эта классификація обладаетъ тѣмъ весьма замѣчательнымъ свойствомъ, что точно опредѣляетъ относительное совершенство различныхъ наукъ, состоящее по существу въ степени точности знаній и въ большемъ или меньшемъ внутреннемъ согласованіи.

Легко, въ самомъ дѣлѣ, понять, что чѣмъ явленія болѣе общи, просты и отвлеченны и чѣмъ менѣе они зависятъ отъ другихъ, тѣмъ точнѣе могутъ быть относящіяся къ нимъ знанія и тѣмъ согласованіе ихъ полнѣе. Такъ органическія явленія доступны изслѣдованіямъ менѣе точнымъ и менѣе систематическимъ, чѣмъ явленія, происходящія въ неорганизованныхъ тѣлахъ. Точно также въ неорганической физикѣ небесныя явленія въ виду ихъ большей общности и независимости отъ всѣхъ другихъ дали почву для построенія науки гораздо болѣе точной и болѣе согласованной, чѣмъ наука о земныхъ явленіяхъ.

Это наблюдение, столь поражающее при дѣйствительномъ изученіи наукъ и дававшее часто поводъ къ нелѣпымъ надеждамъ и неправильнымъ сравненіямъ, вполне объясняется установленнымъ мною энциклопедическимъ порядкомъ.

Мнѣ естественнымъ образомъ представится случай развить приведенное соображеніе со всей подробностью въ слѣдующей лекціи, гдѣ я покажу, что возможность примѣнять при изученіи различныхъ явленій математическій анализъ, дающій намъ средство внести въ это изученіе высшую доступную для насъ степень точности и согласованія, опредѣляется именно тѣмъ мѣстомъ, которое занимаютъ явленія въ моей энциклопедической системѣ.

Я не могу перейти къ слѣдующему вопросу, не предупредивъ читателя относительно одного очень важнаго заблужденія, чрезвычайно распространеннаго, несмотря на свою грубость. Это заблужденіе состоитъ въ смѣшеніи степени точности, допускаемой различными нашими знаніями, со степенью ихъ достовѣрности; отсюда содѣлался весьма опасный предразсудокъ, что, такъ какъ степень точности, очевидно, совсѣмъ не одинакова для различныхъ знаній, то и степень достовѣрности ихъ тоже не равна. Благодаря этому до сихъ поръ еще часто говорятъ, хотя рѣже чѣмъ прежде, о неодинаковой достовѣрности различныхъ наукъ, и такой взглядъ заставляетъ отказываться отъ разработки самыхъ трудныхъ изъ нихъ. Ясно, однако, что точность и достовѣрность суть два качества, которыя сами по себѣ весьма отличны другъ отъ друга. Совершенно бессмысленная теорема можетъ быть въ высшей степени точной, какъ, на примѣръ, если бы кто-нибудь сказалъ, что сумма угловъ треугольника равна тремъ прямымъ угламъ, съ другой стороны, совершенно правильная теорема можетъ быть выражена съ весьма посредственной точностью, какъ на примѣръ, утвержденіе, что каждый человѣкъ умретъ.

Если, какъ видно изъ предыдущаго объясненія, различныя науки необходимо представляютъ весьма неравную степень точности, то этого отнюдь нельзя сказать объ ихъ достовѣрности. Каждая наука можетъ дать столь же достовѣрные результаты, какъ и всякая другая, лишь бы она сумѣла ограничить свои заключенія той степенью точности, которая доступна соотвѣтствующимъ явленіямъ—условіе, однако, не всегда легко выполнимое.

Во всякой наукѣ различныя предположенія только болѣе или менѣе вѣроятны, но не они составляютъ сущность ея; всякій же положительный, т.-е. основанный на прочно установленныхъ фактахъ, результатъ достовѣренъ, и въ этомъ отношеніи между науками нѣтъ никакого различія.

Наконецъ, самое интересное—вслѣдствіе своей важности и многочисленности непосредственныхъ возможныхъ для него примѣненій—свойство нашей энциклопедической формулы состоитъ въ прямомъ опредѣленіи общаго истиннаго плана совершенно рациональнаго научнаго образованія; это вытекаетъ непосредственно изъ самаго состава формулы.

Въ самомъ дѣлѣ, понятно, что прежде чѣмъ начать систематическое изученіе какой-нибудь изъ основныхъ наукъ, необходимо подготовить себя изученіемъ наукъ, относящихся къ предшествующимъ по нашей энциклопедической формулѣ явленіямъ, такъ какъ послѣднія всегда имѣютъ преобладающее вліяніе на явленія, законы которыхъ мы желаемъ познать. Это соображеніе настолько очевидно, что, несмотря

на его огромное практическое значеніе, я не считаю нужнымъ въ данный моментъ настаивать на принципѣ, который къ тому же будетъ неизбѣжно выступать впередъ по поводу каждой отдѣльной науки. Я ограничусь только замѣчаніемъ, что этотъ принципъ во всей полнотѣ примѣнимъ не только ко всеобщему образованію, но также въ частности къ спеціальному образованію ученыхъ.

Такъ, физики, не изучавшіе раньше, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, астрономіи; химики, не пріобрѣтшіе, прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ своей собственной наукой, познаній сначала въ астрономіи, а затѣмъ въ физикѣ; физиологи, не подготовившіеся къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ предварительнымъ изученіемъ астрономіи, физики и химіи,—не выполнили одного изъ основныхъ условій своего умственного развитія. Еще болѣе справедливо это утвержденіе по отношенію къ лицамъ, которые хотятъ приступить къ позитивному изученію социальныхъ наукъ, не познакомившись раньше въ общихъ чертахъ съ астрономіей, физикой, химіей и физиологіей.

Такъ какъ всѣ эти условія выполняются въ наши дни весьма рѣдко и не устроено ни одного правильно организованнаго учрежденія съ цѣлью удовлетворенія ихъ, то можно сказать, что не существуетъ еще дѣйствительно рациональнаго образованія для ученыхъ. Это соображеніе въ моихъ глазахъ столь важно, что я не боюсь приписать отчасти указанному недостатку нашего современнаго воспитанія чрезвычайно неудовлетворительное состояніе, въ которомъ находятся труднѣйшія науки, это состояніе въ дѣйствительности значительно ниже того, которое могло бы быть обусловлено сложностью природы соотвѣствующихъ явленій.

Указанное выше условіе представляется еще болѣе важнымъ по отношенію ко всеобщему образованію. Я нахожу его даже настолько необходимымъ, что считаю, что научное образованіе не можетъ достигнуть самыхъ главныхъ общихъ результатовъ, необходимыхъ для обновленія общей интеллектуальной системы, если главные отрасли естественной философіи не будутъ изучаться въ надлежащей послѣдовательности. Не будемъ забывать, что почти во всѣхъ умахъ, даже самыхъ возвышенныхъ, идеи обыкновенно сохраняются въ той связи, въ которой онѣ первоначально были пріобрѣтены, и такимъ образомъ, если мы начинаемъ не сначала, то это часто бываетъ непоправимымъ зломъ. Каждый вѣкъ насчитываетъ лишь весьма немногихъ мыслителей, способныхъ въ эпоху своей возмужалости, подобно Бэкону, Декарту и Лейбницу, произвести полную ломку, и сверху до низу перестроить всю систему пріобрѣтенныхъ ими идей.

Значеніе нашего энциклопедическаго закона, какъ основанія научнаго образованія, можетъ быть правильно оцѣнено только тогда, когда мы разсмотримъ его также по отношенію къ методу, а не только касательно доктрины, какъ мы это сейчасъ сдѣлали.

Съ этой новой точки зрѣнія, выполненіе опредѣленнаго нами общаго плана занятій должно необходимо дать намъ въ результатъ совершенно полное пониманіе позитивнаго метода, пониманіе, котораго никакимъ инымъ способомъ нельзя достичь.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы расположили естественныя явленія такъ, что всѣ дѣйствительно однородныя явленія отнесены къ одной наукѣ, а явленія, отнесенныя къ различнымъ наукамъ, дѣйствительно разнородны, то вслѣдствіе этого

общій позитивный методъ необходимо долженъ постоянно измѣняться единообразно на протяженіи одной основной науки и претерпѣвать различныя все болѣе и болѣе сложныя измѣненія всегда при переходѣ отъ одной науки къ другой. Мы, такимъ образомъ, получимъ увѣренность въ томъ, что разсмотримъ позитивный методъ во всѣхъ возможныхъ для него реальныхъ разновидностяхъ, что не могло бы имѣть мѣста, если бы мы приняли энциклопедическую формулу, неудовлетворяющую поставленнымъ выше главнымъ условіямъ.

Это новое соображеніе имѣетъ дѣйствительно важное значеніе; ибо, если въ прошлой лекціи мы видѣли вообще, что понять позитивный методъ, изучая его отдѣльно отъ его примѣненія, невозможно, то теперь мы можемъ прибавить, что только изучивъ послѣдовательно и въ надлежащемъ порядкѣ его примѣненія ко всѣмъ главнымъ отдѣламъ естественныхъ явленій, можно составить себѣ ясное и точное понятіе объ этомъ методѣ. Одной единственной науки было бы недостаточно для достиженія этой цѣли, даже при самомъ разумномъ выборѣ ея. Ибо, хотя по существу методъ во всѣхъ наукахъ одинаковъ, однако, каждая изъ нихъ особенно развиваетъ тотъ или иной изъ его характерныхъ приѣмовъ, вліяніе которыхъ, будучи слишкомъ слабо выражено въ другихъ наукахъ, могло остаться совершенно незамѣченнымъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ философіи главнымъ средствомъ для изслѣдованія является наблюденіе въ собственномъ смыслѣ слова, въ другихъ—опытъ и притомъ тотъ или другой родъ опытовъ.

Равнымъ образомъ существуютъ общія правила, составляющія нынѣ неотъемлемую часть самаго метода, которыя первоначально были найдены какой-нибудь наукой; хотя впоследствии такое правило и будетъ перенесено въ другія науки, все-таки для полного усвоенія его необходимо обратиться къ первоисточнику; такъ, напримѣръ, теорія классификаціи.

Если бы мы захотѣли ограничиться изученіемъ одной науки, мы, конечно, должны были бы выбрать самую совершенную, чтобы какъ можно глубже понять позитивный методъ. Но такъ какъ самая совершенная наука въ то же время и самая простая, то мы получили бы очень неполное понятіе о методѣ, ибо мы не знали бы какія существенныя видоизмѣненія онъ долженъ претерпѣть при приспособленіи его къ изученію болѣе сложныхъ явленій. Такимъ образомъ, каждая изъ основныхъ наукъ представляетъ въ этомъ отношеніи только ей одной свойственныя преимущества; это ясно доказываетъ необходимость разсматривать всѣ науки подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ пріобрѣсти слишкомъ узкія понятія и недостаточный навыкъ. Такъ какъ это соображеніе придется впоследствии часто повторять, бесполезно теперь развивать его подробнѣе.

Я долженъ, однако, здѣсь, опять по отношенію къ методу, особенно настойчиво указать на необходимость для полного его пониманія, не только философски изучать различныя основныя науки, но и изучать ихъ именно въ установленномъ въ этой лекціи энциклопедическомъ порядкѣ. Что разумнаго можетъ создать человѣкъ,—оставляя въ сторонѣ случай особаго превосходства его умственныхъ способностей—который сразу принимается за изученіе самыхъ сложныхъ явленій, не усвоивъ предварительно, путемъ изслѣдованія простѣйшихъ явленій, что такое законъ, что значить наблюдать, что такое позитивное понятіе и даже что зна-

читать рассуждать послѣдовательно? Таковъ, однако, даже въ настоящее время обычный ходъ занятій нашихъ молодыхъ физиологовъ, сразу приступающихъ къ изслѣдованію свойствъ живыхъ тѣлъ, не имѣя въ большинствѣ случаевъ другой подготовки, кромѣ первоначальнаго образованія, состоящаго только въ изученіи одного или двухъ мертвыхъ языковъ и обладая самое большее весьма поверхностнымъ знаніемъ физики и химіи, знаніемъ съ точки зрѣнія метода почти равнымъ нулю, потому что обыкновенно оно не было приобрѣтено рационально, исходя изъ истиннаго отправнаго пункта естественной философіи.

Понятно, какъ важно измѣнить столь неправильный планъ занятій.

Равнымъ образомъ, что касается социальныхъ явленій, которыя еще сложнѣе, то современное общество сдѣлаетъ большой шагъ на пути возвращенія къ истинно нормальному состоянію, если будетъ признана логическая необходимость приступать къ изученію этихъ явленій только послѣ послѣдовательнаго упражненія нашихъ умственныхъ органовъ путемъ глубокаго философскаго изслѣдованія всѣхъ предыдущихъ явленій? Можно даже съ увѣренностью сказать, что въ этомъ-то и заключается главная трудность. Ибо въ настоящее время мало найдется здравомыслящихъ людей, которые не были бы убѣждены въ томъ, что общественныя явленія нужно изучать слѣдуя позитивному методу. Только лица, занимающіяся этимъ изученіемъ, не знаютъ и не имѣютъ возможности узнать опредѣленно, въ чемъ состоитъ этотъ методъ, такъ какъ они не ознакомились съ нимъ въ его прежде бывшихъ примѣненіяхъ; поэтому вышеуказанное правило осталось до сихъ поръ бесплоднымъ для обновленія социальныхъ теорій, несмотря на всѣ усилія мнимыхъ позитивныхъ реформаторовъ, не вышедшихъ еще изъ теологическаго и метафизическаго состояній. Это соображеніе будетъ позже подробнѣе развито; здѣсь я долженъ ограничиться однимъ указаніемъ на него исключительно, чтобы обратить вниманіе на общее значеніе предложенной въ этой лекціи энциклопедической системы.

Таковы всѣ четыре главные точки зрѣнія, съ которыхъ я долженъ былъ показать общее значеніе рациональной и позитивной классификаціи, установленной выше для основныхъ наукъ.

* * *

Чтобы дополнить общее изложеніе плана этого курса, мнѣ остается теперь рассмотретьъ одинъ огромный и важный пробѣлъ въ моей энциклопедической формулѣ, нарочно оставленный мною и, безъ сомнѣнія, уже замѣченный читателемъ. Я говорю о томъ, что въ нашей системѣ наукъ мы совсѣмъ еще не указали мѣста для математики.

Мотивомъ этого добровольнаго пропуска служить самая важность этой обширной и основной науки. Вся слѣдующая лекція будетъ посвящена исключительно точному опредѣленію ея истиннаго общаго характера, слѣдовательно, и ея положенія въ энциклопедіи наукъ. Однако, чтобы не оставить неоконченной въ этомъ важномъ пунктѣ огромную картину, которую я старался набросать въ этой лекціи, я долженъ здѣсь вкратцѣ заранѣе намѣтить общіе результаты предпринимаемаго нами въ слѣдующей лекціи изслѣдованія.

При современномъ состояніи развитія нашихъ знаній слѣдуетъ, мнѣ кажется, считать математику, особенно со временъ Декарта и Ньютона, не столько составной

частью естественной философи въ собственномъ смыслѣ слова, сколько истиннымъ основаніемъ всей этой философи, хотя, говоря точно, математика въ одно и то же время представляетъ и то, и другое. Дѣйствительно, въ настоящее время знанія, входящія прямо въ составъ математики, хотя совершенно реальныя и весьма драгоценныя сами по себѣ, имѣютъ для насъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ возможность пользоваться ими какъ самымъ могущественнымъ орудіемъ, которое умъ человѣческій можетъ употребить для нахождения законовъ естественныхъ явленій.

Чтобы составить себѣ въ этомъ отношеніи совершенно ясное и безусловно точное представленіе нужно, какъ мы увидимъ, раздѣлить математику на двѣ науки существенно различнаго характера: на отвлеченную математику или исчисленіе, понимая это послѣднее слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, и на конкретную математику, слагающуюся, съ одной стороны, изъ общей геометріи, а съ другой — изъ раціональной механики. Конкретная часть необходимо основана на отвлеченной и, въ свою очередь, становится непосредственнымъ фундаментомъ для всей естественной философи, разматривая, насколько это возможно, всѣ явленія вселенной, какъ геометрическія или какъ механическія. Только абстрактная часть имѣетъ исключительно значеніе орудія изслѣдованія и есть не что иное, какъ поразительное и обширное пространство естественной логики на извѣстный видъ дедукцій. Напротивъ, геометрію и механику нужно считать дѣйствительными естественными науками, основанными, какъ и всѣ другія, на наблюденіи, хотя благодаря чрезвычайной простотѣ ихъ явленій они достигли безконечно болѣе высокой степени систематизаціи, которая иногда могла скрывать экспериментальный характеръ ихъ первоначальныхъ принциповъ. Но эти двѣ физическія науки имѣютъ ту особенность, что при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго разума ими уже пользуются и будутъ все болѣе пользоваться скорѣе какъ методомъ, чѣмъ какъ прямой доктриной.

Сверхъ того, очевидно, что, помѣщая, такимъ образомъ, математику во главѣ позитивной философи, мы только расширяемъ приложеніе принципа классификаціи, основаннаго на послѣдовательной зависимости наукъ согласно степени отвлеченности соотвѣтствующихъ явленій и привелшаго насъ къ установленному въ этой лекціи энциклопедическому ряду наукъ. Теперь мы лишь прибавимъ къ этому ряду его дѣйствительный первый членъ, важность котораго потребовала отдѣльнаго болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, геометрическія и механическія явленія наиболѣе общи, наиболѣе просты, наиболѣе отвлеченны и наиболѣе независимы отъ всѣхъ другихъ явленій, для которыхъ они, наоборотъ, служатъ основаніемъ. Не трудно также понять, что изученіе ихъ составляетъ необходимое введеніе къ изученію всѣхъ другихъ видовъ явленій и что, такимъ образомъ, математика должна составлять истинный исходный пунктъ всякаго раціональнаго научнаго образованія, общаго или спеціальнаго; это обстоятельство и объясняетъ общій, издавна эмпирически установившійся въ этомъ отношеніи обычай, не имѣвшій, впрочемъ, первоначально другого основанія, кромѣ сравнительной древности математическихъ наукъ. Здѣсь я долженъ ограничиться бѣглымъ указаніемъ на всѣ эти соображенія, которыя составятъ спеціальныи предметъ слѣдующей лекціи.

Итакъ, въ этой лекціи мы точно опредѣлили рациональный планъ, которымъ мы будемъ постоянно руководствоваться при изученіи позитивной философіи, и мы это сдѣлали не на основаніи пустыхъ и произвольныхъ теорій, но разсматривая его какъ предметъ истинной философской проблемы. Подводя окончательный итогъ, мы видимъ, что математика, астрономія, физика, химія, фізіологія и социальная физика представляютъ ту энциклопедическую формулу, которая одна среди многочисленныхъ классификацій, допускаемыхъ шестью основными науками, логически соотвѣтствуетъ естественной и неизмѣнной іерархіи явленій. Мы нѣтъ надобности напоминать о важности этого результата, который долженъ быть вполне усвоенъ читателемъ, чтобы онъ могъ постоянно примѣнять его въ теченіе всего нашего курса.

Въ болѣе простой формѣ окончательный результатъ этой лекціи состоитъ въ примѣненіи и оправданіи прилагаемой здѣсь большой синоптической таблицы, при построеніи которой я старался во внутреннемъ распредѣленіи каждой основной науки, по возможности строго слѣдовать принципу классификаціи, только что давшему намъ общій рядъ наукъ.

Синоптическая таблица курса позитивной философии Огюста Конта.

	Лекции.	1. Изложение цели этого курса или общія соображения о природѣ и значеніи позитивной философии. 2. Изложение плана или общія соображения о іерархіи позитивныхъ наукъ.	2				
Математика	16	Общія философскія соображенія о математикѣ	1	Лекции.	1		
		Общія соображенія о	Исчисленіи	6	1°. Общій обзоръ математическаго анализа 1 2°. Объ исчисленіи прямыхъ функций 1 3°. Объ исчисленіи косвенныхъ функций 2 4°. О вариационномъ исчисленіи 1 5°. Объ исчисленіи конечныхъ разностей 1	Лекции.	1
			Геометріи	5	1°. Общій обзоръ геометріи 1 2°. О геометріи древнихъ 1 3°. Основные понятія аналитической геометріи 1 4°. Общая теорія кривыхъ 1 5°. Общая теорія поверхностей 1	Лекции.	1
				Рациональной механикѣ	4	1°. Основные принципы механики 1 2°. Общій обзоръ статики 1 3°. Общій обзоръ динамики 1 4°. Общія теоремы механики 1	Лекции.
Астрономія	9	Общія философскія соображенія объ астрономіи	1				
		Общія соображенія о	Геометрической астрономіи	4	1°. Общее изложение методовъ наблюденія 1 2°. Теорія элементарныхъ геометрическихъ явленій небесныхъ тѣлъ 1 3°. О теоріи движенія земли 1 4°. О законахъ Кеплера 1	Лекции.	1
			Механической астрономіи	3	1°. О законѣ всеобщаго тяготѣнія 1 2°. Философская опѣнка этого закона 1 3°. Объясненіе небесныхъ явленій согласно этому закону 1	Лекции.	1
Физика	9	Общія соображенія о позитивной космогоніи	1				
		Общія философскія соображенія о физикѣ	1				
		Общія соображенія о	Барологіи	1			
			Термологіи	2	1°. Экспериментальная теорія тепловыхъ явленій 1 2°. Математическая теорія этихъ явленій 1	Лекции.	1
Акустикѣ	1						
Оптикѣ	2						
Химія	6	Общія философскія соображенія о химіи	1				
		Общія соображенія о	Химіи неорганической	3	1°. Общій обзоръ неорганической химіи 1 2°. О законѣ опредѣленныхъ пропорцій 1 3°. Объ электрохимической теоріи 1	Лекции.	1
			Химіи органической	2			
Физиологія	12	Общія философскія соображенія о физиологіи	1				
		Общія соображенія о	Строеніи и составѣ живыхъ тѣлъ	1			
			Классификаціи живыхъ тѣлъ	1			
			Растительной физиологіи	2			
			Животной физиологіи	3			
Интеллектуальной и аффективной физиологіи	4	1°. Изслѣдованіе древнихъ теорій 2 2°. Изложение позитивныхъ теорій 2	Лекции.	2			
Введеніе	2						
Соціальная физика или Соціологія	15	Методъ	3	1°. Общія соображенія о необходимости и своевременности соціальной физики 1 2°. Разсмотрѣніе главныхъ попытокъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ для ея обоснованія 1	Лекции.	1	
		Наука	10	1°. Особенности позитивнаго метода въ приложеніи его къ изученію соціальныхъ явленій 2 2°. Объ отношеніи соціальной физики къ другимъ отраслямъ естественной философіи 1	Лекции.	2	
			Соображенія объ общемъ строеніи человѣческихъ обществъ		1		
			Основной естественный законъ развитія человѣческаго рода, разсматриваемаго въ цѣломъ		1		
Исторія хода цивилизаціи		1	Эпоха теологическая { Фетишизмъ 1 Политеизмъ 1 Монотеизмъ 1 Эпоха метафизическая { Фетишизмъ 1 Политеизмъ 1 Монотеизмъ 1 Эпоха позитивная { Фетишизмъ 2 Политеизмъ 2 Монотеизмъ 3	Лекции.	1		
Общій обзоръ и заключеніе	3	1°. Обзоръ позитивнаго метода 2°. Обзоръ позитивной доктрины 3°. Будущее позитивной философіи	Лекции.	3			

Науки о неорганическихъ тѣлахъ.

Науки объ органическихъ тѣлахъ.

Утомляются мыслить и даже дѣйствовать, но никогда не устаютъ любить.
(Посвященіе).

Предисловіе.

Въ этомъ рядѣ систематическихъ обзрѣній позитивизма, я охарактеризую сначала его основные элементы, затѣмъ его необходимыя точки опоры и, наконецъ, его существенное дополненіе. Хотя эта тройная оцѣнка должна быть здѣсь весьма краткой, она, я надѣюсь, будетъ достаточной, чтобы окончательно преодолѣть извѣстительныя, но эмпирическія предубѣжденія. Всякій хорошо подготовленный читатель сможетъ, такимъ образомъ, убѣдиться, что новая общая доктрина, которая, какъ теперь еще думаютъ, способна удовлетворять только разсудокъ, на самомъ дѣлѣ не менѣе благоприятна чувству и даже воображенію.

Общее введение.

Позитивизмъ по существу слагается изъ философіи и политики, которыя по необходимости нераздѣльны, какъ образующія одна основаніе, другая—цѣль единой универсальной системы, гдѣ разумъ и общественность находятся въ тѣсномъ сочетаніи.

Дѣйствительно, съ одной стороны, социальная наука не только наиболѣе важная изъ всѣхъ, но она, въ особенности, даетъ единственную связь, одновременно логическую и научную, которую отнынѣ допускаетъ совокупность нашихъ реальныхъ размышленій ¹⁾. А эта конечная наука еще болѣе, чѣмъ каждая изъ предварительныхъ наукъ, не можетъ развивать свой истинный характеръ безъ точной и общей гармоніи съ соотвѣтствующимъ искусствомъ. Но, благодаря отнюдь не случайному совпаденію, ея теоретическое основаніе находитъ тотчасъ огромное практическое приложеніе, именно, служить руководствомъ для полного преобразования Западной Европы. Ибо, съ одной стороны, по мѣрѣ того какъ естественное теченіе событій опредѣляетъ характерныя особенности великаго современнаго кризиса, политическая реорганизація все болѣе и болѣе представляется совершенно невозможной безъ предварительнаго пересозданія мѣнѣй и нравовъ. Дѣйствительная систематизація всего человѣческаго мышленія является, такимъ образомъ, нашей первой социальной потребностью, относящейся одинаково какъ къ порядку, такъ и къ прогрессу. Постепенное выполненіе этого обширнаго философскаго предиріятія произвольно вызоветъ на всемъ Западѣ новую моральную власть, неизбежное вліяніе которой создастъ прямое основаніе для окончательнаго преобразования, ибо оно объединитъ различныя передовыя народности единой системой всеобщаго образованія, системой, которая дастъ какъ для общественной, такъ и для частной жизни твердые принципы сужденія и поведенія.

¹⁾ Установленіе этого великаго принципа является наиболѣе существеннымъ результатомъ моей «Системы позитивной философіи». Хотя всѣ шесть томовъ этого труда появились отъ 1830 до 1842 года подъ названіемъ *Курса* (названіемъ, обусловленнымъ изустнымъ изложеніемъ, подготовившимъ въ 1826—1829 гг. этотъ фундаментальный трактатъ), я затѣмъ всегда называлъ его *Системой*, чтобы лучше подчеркнуть его истинный характеръ. Ожидая, что во второмъ изданіи будетъ исправлена эта неточность, я надѣюсь, что настоящее заявленіе предупредитъ всякое недоразумѣніе по этому поводу.

Итакъ, умственное движеніе и социальное потрясеніе, становясь все болѣе и болѣе солидарными, ведутъ отнынѣ избранную часть человѣчества къ рѣшительному подчиненію дѣйствительной духовной власти, одновременно болѣе прочной и болѣе прогрессивной, чѣмъ та духовная власть, которая преждевременно расцвѣла въ средніе вѣка.

Таково основное назначеніе позитивизма: обобщать реальную науку и систематизировать социальное искусство. Эти двѣ нераздѣльные стороны одной и той же концепціи будутъ послѣдовательно охарактеризованы въ первыхъ двухъ частяхъ настоящаго Разсужденія: сначала будетъ указанъ общій духъ новой философіи, а затѣмъ ея необходимая связь съ совокупностью событій великой революціи, органическимъ завершеніемъ которой она руководила.

Послѣ этой двоякой оцѣнки естественно послѣдуетъ разсмотрѣніе главныхъ точекъ опоры, присущихъ преобразовательной доктринѣ. Эта неизбѣжная связь не можетъ нынѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ индивидуальностей, исходить отъ какого бы то ни было изъ правящихъ классовъ, такъ какъ они, находясь все болѣе или менѣе подъ господствомъ метафизическаго эмпиризма и аристократическаго эгоизма, могутъ въ своей слѣпой политической агитаціи стремиться только къ безконечному продолженію революціоннаго состоянія, постоянно оспаривая другъ у друга бесполезные обломки богословско-военнаго режима, не будучи въ силахъ когда-либо привести къ дѣйствительному обновленію.

Въ силу своей интеллектуальной природы и своего социальнаго назначенія, позитивизмъ можетъ имѣть истинно рѣшительный успѣхъ только въ средѣ, гдѣ здравый смыслъ, предохраненный отъ порочной культуры, наилучше выдвигаетъ на первый планъ цѣльные взгляды и гдѣ великодушныя чувства обыкновенно менѣе всего заглушены. Въ виду этого двоякаго условія, пролетаріи и женщины необходимо составляютъ существенные вспомогательные элементы новой общей доктрины; ибо, хотя она предназначена для всѣхъ современныхъ классовъ, она пріобрѣтетъ дѣйствительное вліяніе въ высшихъ слояхъ общества только тогда, когда она вновь появится среди нихъ подъ этимъ непреодолимымъ покровительствомъ. Духовное преобразование можетъ начаться лишь при содѣйствіи тѣхъ самыхъ социальныхъ элементовъ, которые затѣмъ должны наилучше способствовать его правильному развитію. Вслѣдствіе ихъ меньшаго участія въ государственномъ управленіи, пролетаріи и женщины болѣе способны понять потребности и условія нравственнаго правительства, предназначеннаго, въ особенности, для огражденія ихъ отъ гнета свѣтской власти.

Я поэтому посвящу третью часть этого Разсужденія краткой характеристикѣ союза между философами и пролетаріями, союза, который, будучи подготовленъ съ двухъ сторонъ совокупностью событій недавняго прошлаго, единственно можетъ дать теперь настоящій рѣшительный толчокъ. Это дастъ возможность понять, что, стараясь исправить и развить народныя стремленія, позитивизмъ сильно усовершенствуетъ и укрѣпляетъ свою собственную природу, даже интеллектуальную.

Однако, эта доктрина обнаружитъ всю свою органическую силу и проявитъ полностью свой истинный характеръ только тогда, когда она пріобрѣтетъ въ лицѣ женщинъ наименѣе предвидѣнную поддержку въ награду за то, что благодаря существующей ей способности къ упорядоченію она улучшитъ ихъ общественное положеніе,

какъ это спеціально будетъ изложено въ четвертой части настоящаго труда. Женская точка зрѣнія единственно позволяетъ позитивной философіи дѣйствительно охватить въ цѣломъ человѣческую жизнь, одновременно индивидуальную и коллективную. Ибо эта жизнь можетъ быть надлежащимъ образомъ систематизирована, лишь когда за основаніе принимается постоянное подчиненіе разума общественности, а это, именно, непосредственно обнаруживаетъ истинная природа (личная и социальная) женщины.

Хотя это Разсужденіе должно представить просто очеркъ этихъ двухъ важныхъ объясненій, оно, я надѣюсь, дастъ достаточно понять, насколько позитивизмъ болѣе, чѣмъ средневѣковой католицизмъ, способенъ глубоко использовать самопроизвольныя стремленія народа и женщинъ въ окончательномъ учрежденіи духовной власти. Но новая доктрина можетъ получить эту двоякую поддержку только благодаря своей исключительной способности разсѣивать кореннымъ образомъ различныя анархическія утопіи, все болѣе и болѣе угрожающія разложеніемъ семьѣ и обществу. Въ то же время она, въ одномъ и другомъ отношеніяхъ, облагородитъ основной характеръ и дѣятельно поддержитъ всѣ законныя желанія.

Итакъ, философія, вытекающая первоначально изъ наиболѣе возвышенныхъ умозрѣній, обнаруживаетъ уже способность охватить безъ усилія не только всю полноту активной жизни, но также всю совокупность жизни аффективной. Однако, чтобы показать свойственную позитивной философіи всеобщность во всей ея полнотѣ, я долженъ буду отмѣтить ея необходимое дополненіе, состоящее въ ея глубокой способности—въ противность весьма распространенному предразсудку,—благопріятствовать тѣмъ блестящимъ дарованіямъ, которыя наилучшимъ образомъ свидѣтельствуютъ о единствѣ, присущемъ человѣчеству, такъ какъ они, будучи созерцательными по своей природѣ, связаны съ чувствомъ, какъ съ главной областью своего приложенія, и съ дѣятельностью, въ силу своего вліянія на общество. Эта эстетическая оцѣнка позитивизма будетъ дана въ пятой части настоящаго Разсужденія, какъ естественное продолженіе очерка отношенія позитивной философіи къ женщинамъ.

Я надѣюсь, что мнѣ удастся показать, что только эта новая доктрина, благодаря именно тому, что она дѣйствительно охватываетъ всю совокупность человѣческихъ отношеній, можетъ пополнить большой пробѣлъ въ нашихъ умозрѣніяхъ немедленнымъ построеніемъ истинной общей теоріи изящныхъ искусствъ, принципъ которой состоитъ въ томъ, чтобы въ позитивномъ согласованіи основныхъ функций человѣчества поэтическая идеализація была поставлена между философскимъ постиженіемъ и политическимъ осуществленіемъ. Эта теорія объяснитъ почему цѣлесообразность позитивизма для эстетики сможетъ обнаружиться въ характерныхъ произведеніяхъ искусства не раньше, чѣмъ умственное и нравственное перерожденіе пойдётъ достаточно впередъ, чтобы пробудить главныя свойственныя позитивизму симпатіи, которыя должны будутъ послужить почвой для новаго подъема искусства. Но послѣ этого перваго умственнаго и социальнаго потрясенія, новая поэзія, приобретя, наконецъ, свое истинное достоинство и, въ свою очередь, способствуя широкому распространенію здраваго пониманія предшествующихъ состояній, повлечетъ человѣчество къ будущему, которое не будетъ ни смутнымъ, ни несбыточнымъ. Система, прямо возводящая всеобщее совершенствованіе въ основную цѣль всего на-

шего личнаго и социальнаго существованія, по необходимости отводить видное мѣсто способностямъ, предназначеннымъ, въ особенности, культивировать въ насъ инстинктъ совершенствованія во всѣхъ областяхъ. Тѣсныя предѣлы этого «Обзора» не помѣшаютъ мнѣ указать, что, открывая современному искусству огромное поприще, позитивизмъ также самопроизвольно доставитъ ему новыя общія средства.

Такимъ образомъ, разсматривая преобразовательную доктрину со всѣхъ главныхъ точекъ зрѣнія, переходя съ естественной послѣдовательностью отъ ея философскаго основанія сперва къ ея политическому назначенію, далѣе къ ея демократическому направленію, затѣмъ къ ея вліянію въ области женскаго вопроса и, наконецъ, къ ея эстетической способности—мнѣ удастся обрисовать ея истинный характеръ. Въ заключеніе этого длиннаго Разсужденія—являющагося не болѣе какъ введеніемъ къ большому труду ¹⁾, мнѣ останется только указать какимъ образомъ всѣ эти различныя оцѣнки, которыя можно резюмировать въ одномъ окончательномъ правилѣ, сжато выражаются въ реальномъ понятіи о человѣчествѣ; въ понятіи, которое, будучи надлежащимъ образомъ систематизировано, составляетъ всю суть позитивизма.

Въ заключеніе этой характеристики мнѣ естественно придется также въ общихъ чертахъ указать, на основаніи совокупности минувшихъ событій, дальнѣйшій ходъ преобразованія человѣческаго рода, которое началось по почину Франціи и сначала ограничивалось великой семьей западныхъ народовъ, но должно будетъ затѣмъ распространиться согласно законамъ, которые можно установить, на всю остальную бѣлую расу и, наконецъ, даже на двѣ другія главные расы.

1) «Système de Politique positive».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Основной духъ позитивизма.

Г Л А В А I.

Цѣль философіи заключается въ систематизаціи человѣческой жизни.

Истинная философія ставитъ себѣ задачей по возможности привести въ стройную систему все человѣческое личное и, въ особенности, коллективное существованіе, разсматривая одновременно всѣ три класса характеризующихъ его явленій, именно, мысли, чувства и дѣйствія. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія основная эволюція человѣчества представляется необходимо самопроизвольной, и только точная оцѣнка ея естественнаго хода единственно можетъ дать намъ общій фундаментъ для мудраго вмѣшательства.

Однако, систематическія видоизмѣненія, которыя мы можемъ ввести въ эту эволюцію имѣютъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайную важность, такъ какъ они въ состояніи значительно уменьшить частичныя уклоненія, гибельныя замедленія и рѣзкую несогласованность, могущія имѣть мѣсто при столь сложномъ движеніи, когда оно всецѣло предоставлено самому себѣ. Безпрерывное осуществленіе этого необходимаго вмѣшательства составляетъ главную задачу политики. Но правильное представленіе о немъ можетъ дать только философія, которая постоянно совершенствуется его общее опредѣленіе.

Для выполненія этого своего основного и общаго назначенія философія должна заботиться о согласованіи всѣхъ частей человѣческаго существованія, чтобы привести его теоретическое понятіе къ полному единству. Это единство можетъ быть дѣйствительнымъ лишь постольку, поскольку оно точно представляетъ совокупность естественныхъ отношеній; такимъ образомъ, тщательное изученіе послѣднихъ становится предварительнымъ условіемъ этого построенія.

Если бы философія пыталась вліять на дѣйствительную жизнь не посредствомъ этой систематизаціи, а какимъ-либо инымъ путемъ, она несправедливо присвоила бы себѣ существенную роль политики, являющейся единственной законной руководительницей всей практической эволюціи.

Эти двѣ главныя функціи великаго организма — постоянное связываніе и нормальное раздѣленіе—одновременно направляютъ систематическую мораль, которая естественно является характернымъ примѣненіемъ философіи и общимъ путеводителемъ

политики. Я въслѣдствіи объясню, какимъ образомъ самопроизвольная мораль, т.-е. совокупность вдохновляющихъ ее чувствъ, должна всегда господствовать въ изслѣдованіяхъ философіи и въ предиріятіяхъ политики, какъ я это уже указалъ въ своемъ основномъ трудѣ ¹⁾.

Эта общая систематизація, характеризующая социальную функцію философіи, можетъ быть дѣйствительной и прочной лишь въ томъ случаѣ, когда она охватываетъ всѣ три области человѣческой дѣятельности: мышленіе, чувство и дѣйствіе. Въ виду естественныхъ отношеній, тѣсно связывающихъ между собою эти три рода явленій, всякая частичная систематизація неизбѣжно оказалась бы безмысленной и недостаточной. Поэтому только въ настоящее время философія, достигнувъ, наконецъ, позитивнаго состоянія, можетъ съ надлежащей полнотой достойно выполнить свое основное назначеніе.

Г Л А В А П.

Теологическая система не сумѣла охватить практическую сторону человѣческой жизни.

Теологическая систематизація самопроизвольно вытекала изъ аффективной жизни и этому единственному началу она обязана своимъ первоначальнымъ главенствомъ и своимъ окончательнымъ разложеніемъ. Она долгое время руководила главными умозрѣніями, въ особенности, въ эпоху политеизма, когда мышленіе находилось еще въ значительной степени подъ властью воображенія и чувства. Но даже въ эту эпоху ея наибольшаго умственного и социальнаго расцвѣта активная жизнь совершенно ускользала изъ-подъ ея вліянія, за исключеніемъ неизбѣжныхъ воздѣйствій, болѣе относящихся къ формѣ, чѣмъ къ содержанію. Эта естественная брешь, хотя въ началѣ незамѣтная, приводитъ затѣмъ вслѣдствіе своего постояннаго увеличенія къ коренному разрушенію всего теологическаго зданія. Чисто субъективная систематизація не согласовалась съ безусловно объективнымъ назначеніемъ практической жизни, характеризующейся неизмѣнной реальностью. Въ то время какъ теологія учила, что всѣми явленіями управляютъ болѣе или менѣе произвольныя хотѣнія, жизненный опытъ все болѣе и болѣе показывалъ, что явленія подчинены неизмѣннымъ законамъ, безъ которыхъ наша непрерывная дѣятельность не могла бы совершаться въ надлежащемъ порядкѣ.

Вслѣдствіе своей полной неспособности дѣйствительно охватить активную жизнь теологическая систематизація должна была также оставаться чрезвычайно неудовлетворительной въ приложеніи къ умозрительной и даже къ чувственной жизни, такъ какъ общее развитіе той и другой по необходимости обусловливается главными практическими требованіями.

Итакъ, человѣческая жизнь не могла быть полностью систематизирована, пока длилось господство теологическаго направленія, ибо наши чувства и наши дѣйствія сообщали тогда нашимъ мыслямъ два совершенно не согласимыя побужденія.

¹⁾ «Курсъ позитивной философіи».

Мнѣ не зачѣмъ останавливаться здѣсь на оцѣнкѣ совершенной бесполезности метафизической систематизаціи; несмотря на свои стремленія къ абсолютному познанію, метафизика никогда не могла отвоевать область чувства у теологіи и всегда была еще менѣе послѣдней способна охватить активную жизнь. Въ эпоху своего наибольшаго схоластическаго блеска онтологическая систематизація не вышла изъ области умозрѣнія, которое было даже сведено къ бесполезному отвлеченному созерцанію чисто-индивидуальной эволюціи, такъ какъ метафизическій духъ совершенно несовмѣстимъ съ соціальной точкой зрѣнія. Въ своемъ основномъ трудѣ я достаточно доказалъ, что это переходное философское направленіе было всегда неспособно что-либо дѣйствительно создать. Его исключительное господство могло имѣть только революціонное назначеніе, именно, способствовать предварительной эволюціи человечества путемъ постепеннаго разрушенія теологическаго режима, который, выполнивъ свою миссію,—быть единственнымъ руководителемъ первоначальнаго расцвѣта нашего ума,—долженъ былъ навсегда и во всѣхъ отношеніяхъ пойти вспать.

Г Л А В А III.

Позитивный духъ имѣетъ своимъ источникомъ активную жизнь.

Въ силу только того, что всѣ позитивныя умозрѣнія вытекаютъ прежде всего изъ активной жизни, они всегда болѣе или менѣе обнаруживали свойственную имъ способность систематизировать практическую жизнь, чего не могла достигнуть первоначальная систематизація. Хотя отсутствіе въ позитивныхъ умозрѣніяхъ общности и связи значительно еще затрудняетъ развитіе этой способности, оно, тѣмъ не менѣе, не помѣшало ея универсальности.

Теоріи, прямо относящіяся къ законамъ явленій и имѣющія цѣлью дать намъ возможность дѣйствительно предвидѣть событія, разсматриваются теперь какъ единственно способныя регулировать наше произвольное воздѣйствіе на внѣшній міръ. Вотъ почему позитивный духъ могъ становиться все болѣе и болѣе теоретическимъ и стремиться мало-по-малу завладѣть всей областью умозрѣнія, не теряя никогда присущій ему практической характеръ, даже когда онъ занимался совершенно праздными изслѣдованіями, извинительными только въ качествѣ логическихъ упражненій. Съ момента своего перваго успѣха въ области математики и астрономіи онъ обнаружилъ стремленіе по своему систематизировать совокупность нашихъ понятій, соотвѣтственно непрерывному расширенію своего основнаго принципа. Этотъ новый философскій принципъ, въ теченіе долгаго времени все болѣе и болѣе видоизмѣняя теологико-метафизическое начало, дѣлаетъ со времени Декарта и Бэкона очевидныя усилія занять его мѣсто. Послѣ того, какъ онъ овладѣлъ, такимъ образомъ, постепенно всѣми предварительными науками, освободившимися отнынѣ отъ стараго направленія, ему оставалось для того, чтобы стать всеобщимъ, захватить также послѣднюю науку, науку о соціальныхъ явленіяхъ.

Эта наука, недоступная метафизикѣ, могла быть изучаема теологическими умами только косвенно и эмпирически, какъ исторія правительствъ. Это окончательное

преобразование позитивизма было, смѣю сказать, осуществлено мною въ моемъ главномъ трудѣ, гдѣ я безспорно доказалъ, что позитивный принципъ способенъ систематизировать единственнымъ дѣйствительно прочнымъ способомъ всю нашу умозрительную жизнь, не переставая въ то же время развивать и даже укрѣплять свое первоначальное стремленіе регулировать также активную жизнь.

Позитивная систематизація всей интеллектуальной области тѣмъ лучше обеспечена, что это созданіе соціальной науки, завершая прогрессъ нашихъ реальныхъ умозрѣній, сообщаетъ имъ недостающій имъ еще систематическій характеръ, такъ какъ оно доставляетъ имъ единственно возможную для нихъ всеобщую связь.

Этотъ взглядъ уже настолько широко распространенъ и одобренъ, что отнынѣ ни одинъ истинный мыслитель не можетъ не знать, что позитивный духъ стремится къ прочной систематизаціи одновременно умозрительной и активной жизни. Но такая систематизація далеко еще не обладаетъ полной всеобщностью, безъ которой позитивизмъ неспособенъ всецѣло замѣнить теологическій принципъ въ духовномъ управленіи человѣчествомъ. Ибо она не обнимаетъ дѣйствительно преобладающую часть человѣческаго существованія, именно аффективную жизнь. Только послѣдняя непрерывно сообщаетъ умозрѣнію и дѣйствию побужденіе и направленіе, безъ которыхъ они, предоставленные самимъ себѣ, вскорѣ стали бы питаться бессмысленными или пустыми размышленіями и пребывали бы въ безплодномъ волненіи, даже безпокойствѣ. Если бы этотъ огромный пробѣлъ остался не заполненнымъ, то двойная систематизація, теоретическая и практическая, осталась бы призрачной, такъ какъ она была бы тогда лишена принципа единства, который одинъ только можетъ сообщить ей дѣйствительное постоянство и долговѣчность.

Такое безсиліе было бы еще болѣе тяжкимъ, чѣмъ необходимая недостаточность теологической философіи по отношенію къ активной жизни; ибо ни мышленіе, ни даже дѣятельность не составляютъ истиннаго человѣческаго единства.

Въ индивидуальной жизни, и, въ особенности, въ коллективной, гармонія всегда будетъ покоиться только на чувствѣ, какъ я это специально укажу въ четвертой части этого Разсужденія. Этому-то своему самопроизвольно аффективному источнику теологія всегда была обязана своимъ господствомъ. Такимъ образомъ, несмотря на свою очевидную дряхлость, она сохранила, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, нѣкоторыя законныя притязанія на господство въ соціологіи, пока новая философія не лишитъ ее также этого основного преимущества.

Таково окончательное и неизбежное условіе великой современной эволюціи: позитивная систематизація, не переставая быть теоретической и практической, должна стать также моральной и черпать даже въ чувствѣ свой истинный принципъ всеобщности. Только тогда позитивная философія сможетъ, наконецъ, устранить всѣ теологическія притязанія, такъ какъ она осуществитъ лучше, чѣмъ предшествующая философія, окончательное назначеніе всякой общей доктрины, ибо она впервые дастъ систему всѣхъ основныхъ сторонъ нашего существованія во всѣхъ трехъ его видахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы позитивизмъ не могъ выполнить этого необходимаго условія, то отнынѣ никакая систематизація не была бы возможна, ибо позитивный принципъ оказался бы, съ одной стороны, достаточно развитымъ, чтобы уничтожить теологическое начало, а съ другой—всегда оставался бы неспособнымъ

къ равному съ нимъ господству. Вотъ почему многіе сознательные мыслители, признавая полное безсиліе старыхъ государственныхъ принциповъ, но вслѣдствіе отсутствія достаточно реальной и опредѣленной теоріи, могущей показать истинное современное направленіе вещей, не замѣчая постепеннаго развитія новыхъ моральныхъ основаній, склонны видѣть будущее человѣчества въ черномъ свѣтѣ.

Нынѣшній характеръ позитивнаго принципа какъ-будто оправдываетъ подобное мнѣніе; ибо его неспособность завладѣть когда-либо областью чувства должна въ настоящее время казаться столь же доказанной, какъ его въ недалекомъ будущемъ господство въ активной и даже въ умозрительной жизни.

ГЛАВА IV.

Какъ въ позитивномъ синтезѣ, такъ и въ человѣческой природѣ чувство играетъ преобладающую роль.

Болѣе глубокое изслѣдованіе должно вполнѣ исправить эту первую оцѣнку; оно покажетъ, что сухость, въ которой до сихъ поръ справедливо упрекали позитивныя ученія, обусловлено только эмпирической односторонностью ихъ предварительнаго развитія, а отнюдь не присуща ихъ дѣйствительной природѣ.

Позитивизмъ, возникшій первоначально подъ вліяніемъ матеріальныхъ побужденій и долгое время ограничивавшійся изученіемъ неорганическаго міра, остается противнымъ чувству лишь постольку, поскольку онъ еще не достигъ надлежащей полноты и систематичности. Распространяясь на соціальныя умозрѣнія, которыя должны образовать его главную область, онъ по необходимости очищается отъ различныхъ пороковъ, свойственныхъ его долгову младенческому состоянію.

Въ силу только свойственной ей реальности новая философія неуклонно стремится къ тому, чтобы стать еще болѣе моральной, чѣмъ интеллектуальной, и сдѣлать центромъ своей собственной систематизаціи аффективную жизнь, чтобы точно опредѣлить въ дѣйствительномъ порядкѣ человѣческой природы какъ личной, такъ и коллективной относительныя права ума и сердца.

Обработка соціальныхъ вопросовъ приводитъ ее теперь къ рѣшительному отрицанію высокоумныхъ заблужденій, присущихъ ей незрѣлому научному состоянію, касательно мнимаго главенства ума. Утверждая всеобщій опытъ, позитивизмъ объясняетъ—еще лучше, чѣмъ это могъ сдѣлать католицизмъ,—почему личное счастье и общественное благосостояніе зависятъ отъ сердца гораздо болѣе, чѣмъ отъ ума. Кромѣ того, прямое изслѣдованіе вопроса о систематизаціи заставляеть его провозгласить, что человѣческое единство можетъ быть достигнуто только справедливымъ преобладаніемъ чувства надъ разсудкомъ и даже надъ дѣятельностью.

Такъ какъ нашей природѣ свойственны одновременно умъ и общественность, то кажется возможнымъ установить единство двумя различными способами, смотря по тому принадлежитъ ли главенство одному или другому изъ этихъ свойствъ. Въ дѣйствительности же существуетъ только одинъ способъ систематизаціи, потому что оба свойства далеко не одинаково способны къ преобладанію.

Будемъ ли разсматривать собственную природу каждаго изъ нихъ или сравнивать ихъ относительныя энергіи, намъ придется признать, что дѣйствительное и неизмѣнное назначеніе ума состоитъ въ служеніи обществу. Когда же умъ вмѣсто того, чтобы достойно выполнять свою почетную роль, стремится къ господству, ему никогда не удастся осуществить свои надменные притязанія, могущія привести только къ гибельной анархіи.

Даже въ частной жизни между нашими различными стремленіями можетъ царить постоянная гармонія только благодаря всеобщему преобладанію чувства, внушающаго намъ искреннее и привычное желаніе дѣлать добро. Эта склонность, какъ и всякая другая, безъ сомнѣнія, по существу слѣпа и нуждается въ помощи разсудка для познанія истинныхъ средствъ, которыя могли бы ее удовлетворить, а затѣмъ въ дѣятельности для приложенія этихъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, повседневный опытъ доказываетъ, что эта склонность дѣйствительно составляетъ главное условіе добра, такъ какъ при обыкновенной степени развитія ума и энергіи, проявляемой нашей природой, она можетъ достаточно плодотворно руководить нашими умозрѣніями и практической дѣятельностью. При отсутствіи этого обычнаго возбудителя (чувства) умъ и энергія непременно исчерпали бы свои силы въ бесплодныхъ или несвязныхъ попыткахъ и вскорѣ вновь впади бы въ свое первоначальное оцѣпенѣніе.

Итакъ, наша моральная жизнь доступна единству лишь постольку, поскольку чувство господствуетъ одновременно надъ мышленіемъ и дѣятельностью.

Г Л А В А V.

Назначеніе ума состоитъ въ служеніи социальнымъ чувствамъ.

Хотя этотъ основной принципъ болѣе подходитъ къ индивидуальной жизни, однако, именно общественная жизнь лучше всего доказываетъ его справедливость. Не то, чтобы вопросъ здѣсь измѣнялъ свой характеръ или требовалъ новыхъ рѣшеній, но онъ получаетъ тутъ новое освѣщеніе, способствующее его всестороннему разсмотрѣнію и разсѣивающее всякое сомнѣніе.

Взаимная независимость различныхъ существъ, которыя приходится связать въ общество, ясно показываетъ, что первое условіе ихъ обычнаго сотрудничества состоитъ въ ихъ собственномъ расположеніи ко всеобщей любви. Нѣтъ такихъ личныхъ расчетовъ, которые могли бы замѣнить собою социальный инстинктъ ни по внезапности и обширности внушеній, ни по смѣлости и твердости рѣшеній.

Правда, эти доброжелательныя страсти должны быть чаще всего менѣе энергичны, чѣмъ эгоистическія душевныя движенія. Но онѣ обладаютъ тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что социальная жизнь создаетъ почву для ихъ почти неограниченнаго подъема, между тѣмъ, какъ она непрерывно заглушаетъ противоположныя имъ чувства; поэтому-то возрастающее стремленіе первыхъ возобладать надъ вторыми должно служить мѣриломъ главнаго прогресса человѣчества.

Самопроизвольное вліяніе соціальныхъ чувствъ можетъ встрѣтить содѣйствіе со стороны разума, когда онъ ставитъ себѣ задачей укрѣплять общественность путемъ лучшей оцѣнки истинныхъ естественныхъ отношеній и развивать ее путемъ освѣщенія ея практическаго примѣненія указаніями о будущемъ, почерпнутыми изъ прошлаго. Въ этой то благородной службѣ новая философія и видитъ главное назначеніе разума, которому она, такимъ образомъ, доставляетъ несравнимый почетъ и необозримое поле дѣятельности, гораздо болѣе способное глубоко удовлетворить его, чѣмъ его бесполезныя академическія побѣды и его современныя ребяческія изслѣдованія.

Горделивыя стремленія разума ко всеобъемлющему господству, послѣ того какъ великое теологическое единство было разрушено, въ сущности никогда не могли осуществиться и имѣли только значеніе бунта противъ стараго порядка, ставшаго ретрограднымъ. Разуму предназначено не царствовать, но служить; когда же онъ вздумаетъ господствовать, онъ вступаетъ въ услуженіе къ эгоизму вмѣсто того, чтобы содѣйствовать общественности, будучи не въ состояніи избавиться отъ необходимости содѣйствовать какой-либо страсти.

Въ самомъ дѣлѣ, для командованія необходима прежде всего сила, а разумъ всегда былъ только носителемъ свѣта; поэтому онъ неизбѣжно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ вѣшнихъ побужденій. Метафизическія утопіи о мнимомъ совершенствѣ чисто созерцательной жизни, пользующіяся слишкомъ большимъ вниманіемъ среди современныхъ ученыхъ, суть только высокоумѣрныя заблужденія, когда онѣ не скрываютъ преступныхъ хитростей.

Какъ бы реально ни было удовлетвореніе, вызываемое открытіемъ истины, оно никогда не бываетъ достаточно сильно, чтобы руководить нашимъ повседневымъ поведеніемъ; воздѣйствіе какой-нибудь страсти даже необходимо для нашего бѣднаго ума, чтобы пробудить и поддержать почти все его усилія. Если это воздѣйствіе исходитъ изъ доброжелательнаго чувства, на него обращаютъ вниманіе, такъ какъ оно одновременно и болѣе рѣдко, и болѣе достойно; напротивъ, когда оно обусловлено личными мотивами славы, честолюбія или жадности, оно такъ обычно, что его не замѣчаютъ: таково въ сущности единственное различіе.

Если бы даже умственное побужденіе вытекало изъ своего рода исключительной страсти къ чистой истинѣ, безъ всякой примѣси гордости или тщеславія, то и такое идеальное занятіе, лишенное всякаго соціального назначенія, оставалось бы глубоко эгоистичнымъ. Мы въ скорѣ представится случай указать, какъ энергично позитивизмъ, еще болѣе строгій, чѣмъ католицизмъ, клеймитъ подобный метафизическій или научный типъ, который употребляетъ для созерцательной жизни удобства, доставляемыя цивилизаціей совсѣмъ для другой цѣли, что съ истинной философской точки зрѣнія является преступнымъ злоупотребленіемъ.

Итакъ, позитивный принципъ, самопроизвольно вытекающій изъ активной жизни и послѣдовательно распространяющійся на все главныя части мышленія, достигнувъ полной зрѣлости, неизбѣжно, въ силу свойственной ему реальности, въ концѣ концовъ, охватываетъ всю совокупность аффективной жизни, въ которой онъ и помѣщаетъ единый центръ своей окончательной систематизаціи. Позитивизмъ, такимъ образомъ, отнынѣ возводитъ въ основную догму, одновременно философскую и политическую, постоянное преобладаніе сердца надъ разумомъ.

Г Л А В А VI.

Теологическая философія считала умъ рабомъ сердца; въ позитивной системѣ онъ разсматривается какъ слуга послѣдняго.

Это необходимое подчиненіе, на которомъ только и можетъ быть построено человѣческое единство, было, правда, установлено, хотя и эмпирически, теологической философіей, какъ я это выше замѣтилъ. Но, благодаря неизбежному свойству первоначальнаго состоянія, эта первая систематизація была необходимо заражена кореннымъ порокомъ, обусловившимъ ея недолговѣчность. Ибо она должна была вскорѣ стать стѣнительной для разума, которой могъ проявлять себя не иначе, какъ все болѣе и болѣе видоизмѣняя ее, и, въ концѣ концовъ, привелъ ее къ разложенію; этотъ результатъ явился неизбежнымъ слѣдствіемъ двадцативѣкового бунта, естественно развившаго анархическія утопіи, свойственныя метафизическому и научному высококомѣрью.

Въ самомъ дѣлѣ, если сердце должно всегда ставить вопросы, то разрѣшать ихъ надлежитъ всегда разуму: таково истинное значеніе ихъ, установленное позитивизмомъ, какъ необходимый принципъ систематизаціи индивидуальной и коллективной жизни. Первоначальная же слабость разума, который сдѣлался способнымъ достойно выполнять свою службу лишь послѣ долгаго и труднаго подготовленія, заставила сердце занять первоначально мѣсто разума, и замѣнять отсутствовавшія объективныя понятія самопроизвольными субъективными соображеніями, безъ которыхъ всякая человѣческая эволюція какъ умственная, такъ и социальная оказалась бы совершенно невозможной, какъ я это объяснилъ въ моей «Системѣ позитивной философіи».

Но это единовластіе сердца, бывшее долгое время необходимымъ, не могло не стать затѣмъ враждебнымъ собственному развитію разума, когда этотъ послѣдній началъ вырабатывать понятія, основанныя на болѣе или менѣе реальной оцѣнкѣ внѣшняго міра.

Таковъ, вообще, главный и прямой источникъ всѣхъ важныхъ видоизмѣненій, послѣдовательно происшедшихъ въ совокупности религіозныхъ вѣрованій.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ теологической системѣ были произведены всѣ измѣненія, совмѣстимыя съ ея основной природой, интеллектуальный конфликтъ, ставшій, благодаря рѣшительному подъему позитивныхъ знаній, болѣе серьезнымъ и болѣе прогрессирующимъ, принялъ, съ одной стороны, ретроградный, съ другой—революціонный характеръ, въ силу все болѣе и болѣе обнаружившейся невозможности согласовать эти два столь противоположныхъ направленія. Таково въ особенности современное положеніе вещей; и если бы старое господство теологическихъ воззрѣній могло быть возстановлено, оно непосредственно вызвало бы глубокій умственный и даже нравственный упадокъ, такъ какъ всѣ наши мнѣнія о внѣшней истинѣ регулировались бы тогда исключительно сообразно нашимъ желаніямъ и нашимъ вкусамъ. Поэтому человѣчество не можетъ сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага, не отка-

завшись всецѣло отъ теологическаго принципа, имѣющаго уже на Западѣ только то существенное значеніе, что, благодаря его необходимому сопротивленію, главный вопросъ удерживается въ надлежащемъ положеніи, а именно теологическій принципъ принуждаетъ новую систематизацію сосредоточить свое вниманіе на аффективной жизни, не взирая на предразсудки и обычаи, свойственные великой революціонной переходной эпохѣ, продолжающейся съ конца среднихъ вѣковъ.

Но позитивизмъ, выполняя еще лучше теологической философіи это основное условіе всякой организаціи, по необходимости прекращаетъ долго продолжавшійся бунтъ разума противъ сердца. Ибо онъ одновременно самопроизвольно и систематически приходитъ къ рѣшенію волюнѣ признать за разумомъ все принадлежащее ему свободное участіе въ совокупности человѣческой жизни.

Согласно позитивному толкованію великаго органическаго принципа, разумъ долженъ разсматривать только вопросы, поставленные сердцемъ для справедливаго удовлетворенія различныхъ нашихъ потребностей. Опытъ уже достаточно показалъ, что безъ этого необходимаго правила, разумъ почти всегда слѣдовалъ бы своей невольной склонности къ празднымъ или нелѣпымъ умозрѣніямъ, которыя въ то же время суть наиболѣе многочисленныя и наиболѣе легкія. Но въ разработкѣ какого-либо вопроса, поставленнаго въ указанномъ порядкѣ, разумъ долженъ остаться единственнымъ судьей пригодности средствъ, дѣйствительности результатовъ. Исключительно ему надлежитъ оцѣнивать то, что есть, для того, чтобы предвидѣть то, что будетъ. Однимъ словомъ, разумъ долженъ быть помощникомъ сердца и никогда его рабомъ.

Таковы ихъ взаимныя отношенія въ конечной гармоніи, устанавливаемой позитивнымъ принципомъ.

Не слѣдуетъ опасаться, что эти отношенія могутъ быть серьезно нарушены, такъ какъ оба элемента этого равновѣсія вскорѣ окажутся естественно расположенными его поддерживать, какъ одинаково благопріятнаго для каждаго изъ нихъ. Мятежныя привычки современнаго разума не дадутъ еще основанія предпологать, что онъ сохранитъ революціонный характеръ, даже когда его законныя требованія будутъ широко удовлетворены. Сверхъ того, въ случаѣ надобности, новый порядокъ не преминетъ найти средства устранить пагубныя притязанія, какъ я скоро буду имѣть случай это объяснить. Съ другой стороны, новое господство сердца никогда не станетъ, какъ старое, серьезно враждебнымъ разуму. Ибо истинная любовь стремится всегда просвѣщать себя о дѣйствительныхъ средствахъ достиженія преслѣдуемой ея цѣли: царство истиннаго чувства должно неизмѣнно быть столь же благопріятнымъ для здраваго разсудка, какъ и для мудрой дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Субъективный принципъ позитивизма: умъ долженъ служить сердцу.

Вотъ какимъ образомъ доктрина, не допускающая ни лицемѣрія, ни угнетенія, приступаетъ теперь, въ результатъ различныхъ предшествовавшихъ эволюцій, къ пересозданію какъ общественнаго порядка, такъ и частной жизни, все болѣе и болѣе разлагающихся вслѣдствіе своего въ корнѣ анархическаго состоянія. Она свя-

зываетъ навсегда истинную философію съ здравой политикой посредствомъ одного основного принципа, который не менѣе доступенъ пониманію, чѣмъ доказательству, и способенъ все привести въ стройную систему и всеѣмъ руководить.

Эта великая позитивистская догма всеобщаго преобладанія сердца надъ разумомъ будетъ представлена въ пятой части этого Разсужденія, какъ обладающая и эстетической способностью, и философской мощью, и соціальной цѣлесообразностью. Тогда мы окончательно убѣдимся въ возможности сосредоточить все вокругъ единого принципа, одновременно моральнаго, раціональнаго и поэтическаго, единственно способнаго дѣйствительно положить конецъ глубоко революціонному состоянію человечества. Всякій можетъ уже здѣсь замѣтить, что сила доказательства по существу новая, остававшаяся еще во многихъ отношеніяхъ разрушительной, станетъ, по достиженіи ею своей полной зрѣлости, по необходимости созидательной, получая отъ новой философіи важное органическое назначеніе, которое значительно разовьется въ ближайшемъ будущемъ.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго я могу безъ всякаго преувеличенія заключить, что, несмотря на свое чисто-теоретическое происхожденіе, позитивизмъ отнынѣ будетъ подходящимъ какъ для нѣжныхъ душъ и размышляющихъ умовъ, такъ и для энергичныхъ характеровъ.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, природу и принципъ полной систематизаціи, которую должны теперь построить истинные философы, мнѣ остается охарактеризовать необходимый ходъ ея развитія, а затѣмъ ея основную трудность.

ГЛАВА VIII.

Внѣшній міръ, объясняемый наукой, образуетъ объективное основаніе позитивизма.

Хотя это построеніе будетъ соотвѣтствовать своему назначенію только тогда, когда оно охватитъ все три доступныя ему области, именно, мышленіе, чувство и дѣйствіе, оно, однако, не можетъ быть выполнено одновременно во всѣхъ трехъ существенныхъ частяхъ; а непременно только послѣдовательно, что, однако, нисколько не ослабляетъ ихъ самопроизвольной прочности, ибо она, напротивъ, вытекаетъ изъ справедливой оцѣнки ихъ взаимной зависимости.

Дѣйствительно важно признать, что мысли должны быть приведены въ систему раньше чувствъ, а послѣднія раньше поступковъ. Безъ сомнѣнія, именно въ силу смутнаго инстинктивнаго сознанія этого необходимаго порядка, философы ограничивали до сихъ поръ систематизацію всей человѣческой жизни одной умозрительной областью.

Неизбѣжная обязанность систематизировать прежде всего идеи обусловлена не только тѣмъ, что ихъ связь легче улавливается и доступна большому совершенству, такъ что она можетъ составить полезную логическую подготовку къ остальной части великаго синтеза. Изслѣдуя глубже этотъ вопросъ, мы открываемъ болѣе рѣшительный и менѣе очевидный мотивъ, побуждающій начать систематизацію съ

мышленія; ибо, эта первая работа, если она выполнена съ надлежащей полнотою, можетъ служить необходимымъ основаніемъ для всего зданія, построеніе котораго, къ счастью, не можетъ затѣмъ встрѣтить никакого серьезнаго затрудненія, по крайней мѣрѣ, если оно мудро отводитъ мышленію то мѣсто въ системѣ, которое дѣйствительно соотвѣтствуетъ его окончательному назначенію.

Это предпочтеніе простой интеллектуальной систематизаціи кажется сначала несовмѣстимымъ съ незначительной ролью соотвѣствующихъ функцій въ экономіи нашей природы, гдѣ чувство и дѣятельность несомнѣнно болѣе чѣмъ чистый разумъ способствуютъ достиженію всякаго привычнаго результата. Чтобы разрѣшить этотъ своего рода парадоксъ, приходится опредѣлить, въ чемъ состоитъ основная трудность великой проблемы человѣческаго единства.

Въ самомъ дѣлѣ такое единство требуетъ прежде всего, согласно выше установленному субъективному принципу, постояннаго преобладанія сердца надъ разумомъ, безъ котораго ни коллективное существованіе, ни даже личная жизнь не могли бы достигнуть продолжительнаго гармоничнаго состоянія, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы не испытывали бы достаточно сильнаго побужденія постоянно объединять всѣ многочисленныя разнородныя и часто противоположныя стремленія нашего столь сложнаго организма. Но это необходимое внутреннее условіе было бы далеко недостаточно, если бы въ то же время внѣшній міръ не давалъ намъ самопроизвольно независящее отъ насъ объективное основаніе, состоящее въ общемъ порядкѣ различныхъ явленій, управляющихъ человѣчествомъ; очевидное превосходство этого порядка позволяетъ чувству любви упорядочить нестройныя наклонности, когда умъ открываетъ намъ всю нашу истинную судьбу.

Такова главная и почетная роль разума, призываемаго отнынѣ позитивной теоріей систематизаціи человѣческой жизни на службу сердцу.

Хотя въ началѣ этого разсужденія я представилъ это настроеніе какъ безусловно недостаточное и даже бессмысленное, пока оно остается частичнымъ, я считаю нужнымъ теперь для пополненія великой философской программы добавить, что оно также не должно оставаться изолированнымъ, ибо субъективная гармонія невозможна безъ объективной связи.

Во-первыхъ, предполагая даже, что эта чисто-внутренняя обособленная гармонія могла бы быть достигнута, она очевидно не имѣла бы никакого существеннаго значенія для нашего личнаго или общественнаго благосостоянія, сильно зависящаго отъ отношеній каждаго изъ насъ съ совокупностью реальныхъ существъ. Но кромѣ того, вслѣдствіе чрезвычайнаго несовершенства нашей природы, нестройныя эгоистическія стремленія сами по себѣ настолько сильнѣе симпатическихъ общественныхъ наклонностей, что послѣднія никогда не могли бы взять верхъ надъ первыми, если бы они не встрѣчали точки опоры во внѣшнемъ порядкѣ, который постоянно способствуетъ ихъ подъему и препятствуетъ развитію ихъ антагонистовъ.

ГЛАВА IX.

Внѣшній порядокъ сдерживаетъ наши эгоистическія инстинкты и возбуждаетъ наши альтруистическія чувства.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить это необходимое взаимодействіе, нужно разсматривать внѣшній порядокъ, какъ обнимающій не только міръ въ собственномъ смыслѣ слова, но и совокупность человѣческихъ явленій, которыя, хотя и отличаются большимъ непостоянствомъ, тѣмъ не менѣе, также подчинены неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, составляющимъ главный предметъ нашихъ позитивныхъ умозрѣній. Наши доброжелательныя страсти самопроизвольно оказываются въ соотвѣтствіи съ тѣми изъ этихъ законовъ, которые непосредственно управляютъ общественностью; онѣ же склоняютъ насъ признавать всѣ другіе законы тотчасъ, какъ нашъ умъ ихъ открываетъ. Такимъ образомъ, аффективная гармонія, даже индивидуальная и въ особенности общественная, возможна только въ силу очевидной необходимости подчинять человѣческое существованіе этому внѣшнему вліянію, единственно способному укротить наши эгоистическія инстинкты, преобладаніе которыхъ легко свело бы на нѣтъ наши симпатическія побужденія, если бы послѣднія для регулированія дѣятельности не находили во внѣшнемъ мѣрѣ основной поддержки, которую одинъ только разумъ можетъ оказать чувству.

Итакъ, интеллектуальная систематизація, обнимающая только часть великаго мірозданія, пріобрѣтаетъ значеніе весьма превосходящее ея собственныя теоретическія требованія, обыкновенно столь слабыя даже въ наиболѣе отвлеченныхъ системахъ. Умозрительный синтезъ тотчасъ разрѣшаетъ главную трудность, которую представляетъ аффективный синтезъ тѣмъ, что пріобщаетъ къ нашимъ лучшимъ внутреннимъ побужденіямъ могущественное внѣшнее возбужденіе, позволяющее имъ настолько сдерживать наши нестройныя наклонности, чтобы сдѣлать возможнымъ установленіе обычной гармоніи, къ которой первыя всегда стремятся, но которой они никогда не могли бы достигнуть безъ такой постоянной помощи. Сверхъ того извѣстно, что это общее представленіе объ естественномъ порядкѣ прямо составляетъ необходимое основаніе всякой дѣйствительной систематизаціи человѣческихъ поступковъ, являющихся цѣлесообразными лишь постольку, поскольку они находятся въ постоянномъ соотвѣтствіи съ совокупностью неизмѣннаго устройства природы.

Эта часть нашего доказательства теперь столь всеобще признана, что я позволяю себѣ здѣсь на этомъ болѣе не останавливаться.

Ясно, что когда умозрительный синтезъ позволитъ выполнить синтезъ аффективный, тогда активный синтезъ не представитъ новыхъ большихъ затрудненій, такъ какъ единство побужденія завершитъ построеніе единства дѣйствія, уже подготовленнаго единствомъ мышленія. Вотъ какимъ образомъ приведеніе въ систему всей человѣческой жизни зависитъ въ конечномъ итогѣ отъ простой умственной систематизаціи, которая сама по себѣ должна сначала казаться лишенной рѣшающаго значенія.

Итакъ, къ своему субъективному принципу преобладанія чувства позитивизмъ приобщаетъ объективное основаніе, неизмѣнную внѣшнюю необходимость, которая одна только дѣйствительно позволяетъ подчинить общественности совокупность нашего существованія.

Превосходство новой систематизаціи надъ старой еще болѣе очевидно съ этой второй точки зрѣнія, чѣмъ съ первой. Ибо въ теологической философіи эта объективная связь могла вытекать только изъ самопроизвольной вѣры въ существованіе сверхъестественныхъ хотящихъ существъ. Но какую бы реальность ни приписывали тогда этому вымыслу, его источникъ въ дѣйствительности оставался субъективнымъ; это обстоятельство дѣлало неясной и измѣнчивой его привычную силу. Обусловленная имъ дисциплина не можетъ быть приравнена ни по очевидности, ни по энергіи, ни по прочности къ той дисциплинѣ, которую создаетъ познаніе неизмѣннаго внѣшняго порядка, подтверждаемаго, независимо отъ нашего желанія всѣмъ нашимъ существованіемъ.

Г Л А В А X.

Наши понятія о внѣшнемъ мірѣ безпрерывно расширялись, но лишь недавно они стали удовлетворительными.

Основной догматъ позитивизма долженъ быть разсматриваемъ не какъ плодъ внезапнаго общаго вдохновенія, но какъ постепенный результатъ огромной спеціальной работы, начавшейся съ первымъ проявленіемъ человѣческаго разума и едва закончившейся въ настоящее время въ самыхъ передовыхъ его отдѣлахъ. Онъ составляетъ драгоцѣнное интеллектуальное приобрѣтеніе всего человѣчества, которое усиленно подготовляло въ теченіе своего долгаго младенческаго состоянія единственный подобающій его истинной природѣ порядокъ вещей. Во всѣхъ основныхъ случаяхъ онъ можетъ быть открытъ только путемъ наблюденія, за исключеніемъ толкованія по аналогіи. Онъ допускаетъ дедуктивныя доказательства только по отношенію къ явленіямъ, несомнѣнно составленнымъ изъ тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ уже былъ констатированъ. Такъ, на примѣръ, мы логически въ правѣ допускать вообще метеорологическіе законы, хотя большая часть послѣднихъ еще неизвѣстны и должны, быть-можетъ, всегда остаться неизвѣстными: ибо метеорологическія явленія могутъ быть, конечно, результатомъ только совмѣстныхъ астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и т. д. вліяній, каждое изъ которыхъ было признано подчиненнымъ неизмѣннымъ законамъ. Но убѣжденіе относительно всѣхъ дѣйствительно простыхъ явленій можетъ дать только спеціальная индукція; ибо какимъ образомъ могъ бы быть выведенъ принципъ, по необходимости предназначенный служить подразумеваемымъ основаніемъ для всякой реальной дедукціи? Вотъ почему этотъ догматъ, совершенно чуждый первоначальнымъ правиламъ, требовалъ столь долгаго подготовленія, отъ котораго не были избавлены даже наиболѣе выдающіеся мыслители. Хотя необходимыя повѣрки въ этомъ вопросѣ и были, повидимому,

первоначально получены съ помощью метафизическихъ понятій, но ихъ значеніе, въ сущности, покоилось только на ихъ временной способности болѣе или менѣе смутно обобщать аналогіи, непосредственно вызванныя открытіемъ естественныхъ законовъ относительно простѣйшихъ явленій. Эти догматическія упрежденія, впрочемъ, всегда оставались весьма двусмысленными и, въ особенности, совершенно безплодными, пока ихъ нельзя было связать съ какой-нибудь спеціальной разработкой истинно-позитивной теоріи. Поэтому, вопреки кажущейся силѣ подобныхъ способовъ доказательства, столь привычныхъ современному человѣку, истинное пониманіе внѣшняго порядка оказывается еще глубоко недостаточнымъ даже у лучшихъ умовъ, вслѣдствіе невозможности для нихъ надлежащимъ образомъ провѣрить наиболѣе сложныя и наиболѣе важныя явленія, за исключеніемъ небольшого числа мыслителей, окончательно признавшихъ открытыя мною главные основныя соціологическія законы. Неувѣренность, существующая, такимъ образомъ, относительно этой науки, тѣсно связанной со всеми другими, оказываетъ и на эти послѣднія гибельное вліяніе, грубо искажающее понятіе о непреложности законовъ даже для простѣйшихъ вопросовъ; подтвержденіемъ сказаннаго служить, на примѣръ, глубокое заблужденіе въ вопросѣ объ исчисленіи вѣроятностей почти всехъ современныхъ геометровъ, которые полагаютъ, что соотвѣтствующіе факты не слѣдуютъ никакому закону.

Итакъ, этотъ великій догматъ можегъ быть твердо установленъ въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ, лишь когда его спеціальная провѣрка охватываетъ всѣ главныя категоріи элементарныхъ явленій. Но, такъ какъ это трудное условіе нынѣ достаточно выполнено мыслителями, дѣйствительно стоящими на уровнѣ своего вѣка, мы можемъ, наконецъ, непосредственно построить единство человѣческой жизни на слѣдующемъ объективномъ, отнынѣ непоколебимомъ фундаментѣ: всѣ реальныя явленія, включая сюда явленія нашего собственнаго индивидуальнаго и коллективнаго существованія, всегда подчинены естественнымъ отношеніямъ послѣдовательности и подобія, по существу независимымъ отъ нашего вмѣшательства.

Г Л А В А X I.

Даже если внѣшній міръ неизмѣняемъ, онъ оказываетъ на характеръ человѣка благотворное вліяніе.

Таково внѣшнее основаніе общаго синтеза: аффективнаго, активнаго и чистомозрительнаго, постоянно соотвѣтствующаго этому неизмѣнному порядку. Его дѣйствительная оцѣнка составляетъ главный предметъ нашихъ размышленій, его необходимое преобладаніе регулируетъ общій подъемъ нашихъ чувствъ и его постепенное улучшеніе опредѣляетъ постоянную цѣль нашихъ дѣйствій.

Чтобы лучше понять вліяніе этого синтеза, достаточно предположить на минуту, что онъ пересталъ существовать: тогда нашъ умъ исчерпалъ бы свои силы въ произвольныхъ исканіяхъ, что вскорѣ повергло бы его въ неисцѣлимое оцѣпенѣніе; наши лучшія наклонности не сдерживали бы самопроизвольно проявляющихся менѣе

благородныхъ инстинктовъ; и наша дѣятельность привела бы только къ непрерывному волненію.

Хотя этотъ порядокъ былъ долгое время неизвѣстенъ, его вліяніе, тѣмъ не менѣе, всегда сказывалось, и онъ постоянно стремился, помимо нашей воли, регулировать всю нашу жизнь сперва активную, затѣмъ умозрительную и, наконецъ, даже аффективную. По мѣрѣ того, какъ мы его познавали, наши понятія становились менѣе смутными, наши склонности менѣе прихотливыми, и наше поведеніе менѣе произвольнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили возможность охватывать всю его совокупность, онъ стремится руководить человѣческой мудростью во всѣхъ областяхъ, представляя всегда наше искусственное устройство, какъ справедливое продолженіе непоколебимаго естественнаго устройства, которое нужно уважать, сначала внимательно изучить, и лишь затѣмъ стараться улучшить. Даже то, что во внѣшнемъ порядкѣ должно оставаться неизмѣннымъ, необходимо, вопреки поверхностнымъ жалобамъ многихъ высокоумныхъ умовъ, для правильнаго теченія нашей жизни. Если бы, напримѣръ, человѣкъ былъ избавленъ отъ необходимости жить на землѣ и могъ, по желанію, избрать себѣ мѣстопробываніемъ любую планету, то общество неминуемо было бы разрушено, вслѣдствіе бродяжническихъ и несогласимыхъ стремленій, которымъ люди тогда предавались бы. При нерѣшительности и непоследовательности, присущихъ множеству нашихъ склонностей, мы можемъ быть последовательными и единомысленными лишь въ силу непреодолимыхъ требованій этого порядка, безъ которыхъ нашъ жалкій разумъ, несмотря на свой напрасный ропотъ, никогда не смогъ бы завершить свои несвязныя разсужденія. Неспособные что-либо создать, мы умѣемъ только видоизмѣнять въ нашу пользу порядокъ, сущность котораго не доступна нашему вліянію.

Понятно, что безусловная независимость, столь желѣмая надменными метафизиками, не только не улучшила бы нашей судьбы, но помѣшала бы всякому развитію нашей жизни, даже частной. Главное искусство человѣческаго совершенствованія состоитъ, напротивъ, въ уменьшеніи нерѣшительности, непоследовательности и несогласованности нашихъ намѣреній путемъ связыванія съ внѣшними мотивами тѣхъ изъ нашихъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и практическихъ привычекъ, которыя первоначально вытекаютъ изъ чисто-внутреннихъ источниковъ. Ибо всѣ взаимныя связи нашихъ различныхъ стремленій неспособны обезпечить прочность послѣднихъ, пока они не найдутъ во внѣшнемъ мірѣ точки опоры, независимой отъ нашихъ самопроизвольныхъ измѣненій.

Но каково бы ни было благотворное значеніе позитивнаго догмата для тѣхъ явленій, которыя въ естественномъ порядкѣ остаются неизмѣнными, мы должны въ особенности разсмотрѣть искусственныя видоизмѣненія, которымъ этотъ основной порядокъ во многихъ отношеніяхъ доступенъ, такъ какъ они являются главной цѣлью всей нашей мудрости. Простѣйшія изъ этихъ явленій, именно касающіяся нашего земнаго существованія, на самомъ дѣлѣ единственныя, которыя мы не можемъ никоимъ образомъ видоизмѣнять. Хотя, познавъ ихъ законы, мы можемъ легко постичь различныя улучшенія ихъ, но наша физическая сила, какого развитія она бы ни достигла, всегда останется неспособной въ нихъ что-либо измѣнить. Напротивъ, намъ нужно устраивать нашу жизнь такъ, чтобы, по возможности, лучше

подчиниться этимъ непреодолимымъ общимъ условіямъ, высшая простота которыхъ позволяетъ намъ самыя точныя и самыя далекія предвидѣнія. Ихъ позитивная оцѣнка отъ которой, въ особенности, зависѣла долгая подготовительная эволюція нашего ума, послужить намъ всегда наиболѣе яснымъ и наиболѣе рѣшительнымъ источникомъ истиннаго чувства неизмѣнности. Если слишкомъ одностороннее изученіе этихъ явленій продолжаетъ приводить насъ къ фатализму, то этотъ образъ мыслей, отнынѣ уравнившій болѣе философскимъ образованіемъ, можетъ легко способствовать нашему собственному моральному улучшенію, располагая насъ мудро покоряться всѣмъ дѣйствительно непреодолимымъ невздамъ.

Г Л А В А XII.

Внѣшній міръ чаще всего видоизмѣняемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Во всей остальной части внѣшняго порядка его основная неизмѣнность всегда доступна второстепеннымъ видоизмѣненіямъ. Они становятся болѣе глубокими и болѣе многочисленными по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сложность явленій, которая позволяетъ нашему слабому вмѣшательству лучше измѣнить результаты, обусловленные стеченіемъ различныхъ и болѣе доступныхъ нашему воздѣйствію вліяній, какъ я это объяснилъ въ моей «Системѣ позитивной философіи». Тамъ же я доказалъ, что наше вмѣшательство становится тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ болѣе естественныя законы относятся къ нашему собственному существованію, какъ индивидуальному, такъ и коллективному. Въ особенности по отношенію къ послѣднему вносимыя нами видоизмѣненія могутъ быть столь обширны, что способствуютъ еще поддержанію грубаго заблужденія, будто этотъ классъ явленій не подчиняется никакому непреложному правилу.

Чтобы пополнить общую оцѣнку позитивнаго догмата, важно добавить, что эта возрастающая способность внѣшняго порядка подчиняться человѣческому вмѣшательству, необходимо сочетается съ его все большимъ несовершенствомъ, самопроизвольнымъ возмѣщеніемъ котораго (чрезвычайно цѣннымъ, хотя очень недостаточнымъ) она, такимъ образомъ, является. Ибо оба эти свойства одинаково обусловлены постепеннымъ осложненіемъ естественнаго порядка. Даже астрономическій порядокъ глубоко несовершененъ, несмотря на свою чрезвычайную простоту; именно, эта простота и дѣлаетъ для насъ его различныя неудобства неустраимыми; общее разсмотрѣніе ихъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Хотя мы лишены возможности здѣсь что-либо исправить, этотъ взглядъ, однако, предохраняетъ насъ отъ глупаго восхищенія и можетъ полезно содѣйствовать опредѣленію окончательнаго отношенія человѣчества всякаго рода къ затрудненіямъ, характеризующимъ его истинную судьбу; онъ, въ особенности, стремится кореннымъ образомъ положить конецъ исканію абсолютнаго блага, столь препятствующему мудрому преслѣдованію возможныхъ улучшеній.

По отношенію ко всѣмъ другимъ явленіямъ возрастающее несовершенство естественнаго порядка непрерывно вызываетъ дѣятельное возбужденіе всей нашей по-

зитивной жизни какъ моральной и умственной, такъ и чисто-практической, неизмѣнно призывая насъ облегчать себѣ страданія отъ бѣдствій, которыя мы на самомъ дѣлѣ можемъ значительно смягчить старательными и постоянными усиліями. Именно, такимъ образомъ, человѣчество можетъ развить въ себѣ характеръ увѣренности и достоинства, совершенно чуждый его долгому теологическому состоянію младенчества. Для тѣхъ, кто поднимается на истинную точку зрѣнія въ вопросѣ о социальномъ будущемъ, идея о человѣкѣ, ставшемъ, безъ робости и безъ хвастовства, единственнымъ вершителемъ, въ извѣстныхъ границахъ, своей судьбы, составляетъ, безъ сомнѣнія, понятіе гораздо болѣе удовлетворяющее во всѣхъ отношеніяхъ, нежели старое вѣрованіе въ Провидѣніе, вѣрованіе, предполагавшее насъ всегда пассивными. Такая оцѣнка, получивъ широкое распространеніе, непосредственно укрѣпитъ социальную связь, ибо она приводитъ каждаго къ убѣжденію, что въ этой связи заключается главное средство для каждаго въ частности противъ общихъ золъ человѣческаго существованія. Пробуждая наши лучшія чувства, она намъ даетъ также возможность лучше понять важность интеллектуальнаго развитія, которое благодаря этому направляется къ своему истинному назначенію. Хотя эта благотворная идея все сильнѣе распространялась среди современныхъ народовъ, она до сихъ поръ была слишкомъ ограничена и слишкомъ эмпирична, чтобы, иначе какъ заглядывая въ будущность человѣчества, можно было создать себѣ, на основаніи здоровой исторической теоріи, надлежащее представленіе о роли человѣка. Ибо наше искусство систематизировать не обнимаетъ еще той части основнаго естественнаго порядка, которая, будучи одновременно наиболѣе доступной измѣненію, наименѣе совершенной и наиболѣе важной, должна составлять во всѣхъ отношеніяхъ главный предметъ нашихъ постоянныхъ заботъ. Медицинское искусство, въ собственномъ смыслѣ слова, едва начинаетъ освобождаться отъ первоначальной рутинѣ. Что касается социальнаго искусства какъ моральнаго, такъ и политическаго, то оно настолько проникнуто рутинѣю, что большинство государственныхъ людей сомнѣваются даже въ возможности когда-либо его освободить отъ нея, хотя оно болѣе, чѣмъ что-либо другое можетъ быть дѣйствительно приведено въ систему, которая одна только и будетъ въ состояніи дать остальной части нашей практической дѣятельности разумное основаніе, какъ я дальше объясню. Но эта участь взглядовъ обусловлена теперь только чрезвычайно неполнымъ пониманіемъ реальности естественныхъ законовъ относительно важнѣйшихъ явленій. Когда естественный порядокъ надлежащимъ образомъ изученъ во всей его совокупности, обычное понятіе объ искусствѣ становится столь же обширнымъ и столь же однороднымъ, какъ и понятіе о наукѣ; тогда ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сможетъ отрицать того, что наша социальная жизнь составляетъ главную область обоихъ.

Общая услуга, оказываемая умомъ общественности, не ограничивается тѣмъ, что онъ даетъ и раскрываетъ естественный порядокъ, власти котораго она должна подчиниться. Чтобы это теоретическое опредѣленіе могло руководить нашей дѣятельностью, нужно къ нему добавить точную оцѣнку того, въ какихъ предѣлахъ внѣшній порядокъ доступенъ измѣненію, а также каковы его главныя несовершенства: только эти данныя позволяютъ характеризовать наше мудрое вмѣшательство и указать границы его. Позитивная критика природы поэтому всегда составитъ важный атрибутъ

здравой философіи, хотя благодаря ея безусловной цѣлесообразности антитеологическій духъ, вдохновлявшій ея вначалѣ, не представляетъ уже никакого крупнаго интереса. Не вдаваясь въ какія-либо споры, позитивисты будутъ пользоваться этой критикой только для того, чтобы лучше поставить вопросъ о человѣчествѣ въ цѣломъ. Сверхъ того, эта критика непосредственно связана въ позитивномъ міропониманіи съ постоянной цѣлью всей нашей жизни, такъ какъ совершенствованіе предполагаетъ существованіе первоначальнаго несовершенства. Это общая связь становится въ особенности необходимой по отношенію къ нашей собственной природѣ: ибо истинная нравственность требуетъ постояннаго глубокаго сознанія нашихъ врожденныхъ пороковъ.

ГЛАВА XIII.

Чтобы создать позитивный синтезъ, нужно было преодолѣть огромное теоретическое затрудненіе: дополнить понятіе объ естественномъ законѣ и распространить его на социальныя и моральныя явленія.

Всѣ вышеприведенныя указанія достаточно характеризуютъ основное условіе, согласно которому главная систематизація человѣческаго существованія, оставаясь благодаря своему субъективному принципу по существу аффективной, должна въ конечномъ итогѣ подвергнуться умозрительной обработкѣ, единственно способной дать ей объективное основаніе, связывая ея со всѣмъ внѣшнимъ порядкомъ, вліяніе котораго человѣчество испытываетъ и по возможности видоизмѣняетъ. Несмотря на недостатки, свойственныя этому объясненію, оно вполне достаточно для цѣли этого разсужденія, являющагося просто вступленіемъ къ полному трактату. Оно позволяетъ непосредственно признать за главный центръ позитивнаго синтеза раскрытіе истинной теоріи человѣческой эволюціи, одновременно индивидуальной и коллективной. Ибо всякая рѣшительная разработка этой конечной цѣли тотчасъ пополняетъ общее понятіе о естественномъ порядкѣ и необходимо возводитъ его въ основной догматъ всеобщей систематизаціи, постепенно подготовляемой всѣмъ умственнымъ движеніемъ современныхъ народовъ. Благодаря непосредственному содѣйствію научныхъ трудовъ, появившихся за послѣдніе три вѣка, въ этомъ отношеніи остался серьезный пробѣлъ только касательно явленій моральныхъ и въ особенности социальныхъ. Доказавъ существованіе непреложныхъ законовъ также относительно этихъ двухъ классовъ явленій, путемъ предварительной систематизаціи всего прошлаго человѣчества, современный умъ завершить свое трудное предпріятіе и, поднявшись на единственную точку зрѣнія, откуда можно все объять взоромъ, построить свой окончательный образъ мыслей.

Такова была двоякая цѣль моего основнаго труда, посредствомъ котораго я, какъ это признали главные современные мыслители, пополнилъ и систематизировалъ всю естественную философію, установивъ общій законъ человѣческой эволюціи какъ социальной, такъ и интеллектуальной. Мнѣ нѣтъ надобности возвращаться къ этому

важному закону: онъ теперь никѣмъ уже не оспаривается; впрочемъ, въ догматическомъ отношеніи онъ будетъ охарактеризованъ въ третьей части этого новаго труда.

Какъ извѣстно, этотъ законъ гласитъ, что всѣ наши умозрѣнія необходимо проходятъ черезъ три послѣдовательныхъ состоянія: сперва они находятся въ теологическомъ состояніи, когда открыто господствуютъ самопроизвольныя вѣрованія, недопускающія никакого доказательства; затѣмъ переходятъ въ метафизическое состояніе, характеризующееся въ особенности преобладающимъ значеніемъ олицетворенныхъ абстракцій или сущностей; и, наконецъ, вступаютъ въ позитивное состояніе, всегда основанное на точной оцѣнкѣ внѣшняго реальнаго міра. Первый изъ этихъ методовъ мышленія является только предварительнымъ и составляетъ во всѣхъ областяхъ нашу единственную исходную точку; третій, который и есть окончательный методъ, позволяетъ намъ познать нашу дѣйствительную роль на землѣ; второй же имѣетъ только модифицирующее или разрушающее вліяніе, благодаря чему онъ предназначенъ руководить только переходомъ отъ одного состоянія къ другому. Дѣйствительно, все начинается подъ внушеніемъ теологіи и, проходя черезъ метафизическую аргументацію, въ концѣ концовъ, приходитъ къ позитивному доказательству. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же общій законъ позволяетъ намъ охватить одновременно прошлое, настоящее и будущее человѣчества.

Къ этому закону послѣдовательности моя «Система позитивной философіи» добавляетъ законъ классификаціи, динамическое приложеніе котораго образуетъ второй элементъ моей теоріи эволюціи, ибо онъ опредѣляетъ необходимый порядокъ, въ которомъ наши различныя понятія участвуютъ въ каждой послѣдовательной фазѣ. Извѣстно, что этотъ порядокъ регулируется убывающей общностью соотвѣтствующихъ явленій или, что одно и то же, ихъ возрастающей сложностью: отсюда вытекаетъ ихъ внутренняя зависимость отъ всѣхъ болѣе простыхъ и менѣе частныхъ явленій. Основная іерархія нашихъ реальныхъ знаній состоитъ въ ихъ естественной группировкѣ на шесть элементарныхъ категорій: математика, астрономія, физика, химія, біологія (физиологія) и, наконецъ, соціологія ¹⁾. Каждая изъ этихъ наукъ раньше слѣдующей за нею проходитъ всѣ главныя ступени полной эволюціи, которая, безъ постоянного примѣненія нашей классификаціи, могла бы имѣть только смутный и нестройный характеръ.

Теорія, образованная путемъ тѣснаго сочетанія этого статическаго закона съ динамическимъ, кажется на первый взглядъ приложимой только къ интеллектуальному движенію человѣчества. Но вышеприведенныя соображенія заранѣе убѣждаютъ насъ въ ея неотъемлемой способности обнимать также соціальное развитіе, общій прогрессъ котораго всегда долженъ былъ зависѣть отъ прогресса нашихъ элементарныхъ понятій о совокупности естественнаго порядка. Дѣйствительно, въ исторической части моего «Курса позитивной философіи» я доказалъ постоянное соотвѣтствіе между активной и умозрительной эволюціями, естественное содѣйствіе которыхъ должно было регулировать эволюцію аффективную.

¹⁾ Въ своемъ II томѣ «Системы позитивной политики» Контъ добавляетъ седьмую науку: мораль.

Для рѣшительнаго распространенія основной теоріи требуется только пополненіе ея послѣднимъ существеннымъ элементомъ, прямо относящимся къ гражданскому развитію человѣчества. Оно состоитъ, какъ извѣстно, въ необходимой послѣдовательности различныхъ главныхъ видовъ человѣческой дѣятельности, которая была сперва завоевательной, затѣмъ оборонительной и, наконецъ, промышленной. Ихъ естественная связь съ послѣдовательнымъ господствомъ теологическаго, метафизическаго, и позитивнаго духа легко объясняетъ совокупность прошлаго, систематизируя единственное историческое понятіе, непосредственно признанное общественнымъ мнѣніемъ, а именно, общее раздѣленіе на древнюю, среднюю и новую исторію.

Такимъ образомъ, чтобы основать, наконецъ, истинную социальную науку, было достаточно прочно установить эту теорію эволюціи, прибавивъ къ характеризующему ее динамическому закону сперва укрѣпляющій ее статическій принципъ и затѣмъ дополняющій ее примѣненіе къ гражданскому развитію человѣчества. Эта окончательная операція завершаетъ полное построеніе естественной философіи, устраняя навсегда признанное со времени Платона и Аристотеля глубокое отлічіе ее отъ нравственной философіи. Позитивный духъ, столь долго ограниченный простыми неорганическими явленіями, закончитъ тогда свое трудное проникновеніе во все области, и распространится даже на самыя сложныя и самыя важныя явленія, освобожденные отъ всякаго теологическаго или метафизическаго толкованія. Такъ какъ все реальныя понятія становятся такимъ путемъ однородными, то единство образа мыслей немедленно устанавливается самопроизвольно, создавая твердое объективное основаніе для полной систематизаціи, что и составляетъ существенную цѣль истинной философіи, которая до сихъ поръ не могла существовать за недостаткомъ необходимыхъ элементовъ.

Устраненіе главной трудности этого окончательнаго синтеза обязано, осмѣлюсь это сказать, открытію мною основной теоріи человѣческой эволюціи; это станетъ понятно, если принять во вниманіе, что эта теорія, дополняя и систематизируя объективное основаніе, въ то же время самопроизвольно подчиняетъ его субъективному принципу, который долженъ всегда быть руководящимъ въ цѣльномъ философскомъ построеніи.

Изучая всеобщій порядокъ, умъ, слишкомъ гордый своей важной ролью, которую онъ одинъ только можетъ выполнить, часто расположенъ пренебрегать своимъ назначеніемъ, которое необходимо заключается въ постоянномъ служеніи общественности; онъ стремится свободно отдаваться своей естественной наклонности къ спекулятивнымъ занятіямъ, получившимъ въ настоящее время подкрѣпленіе въ эмпирическихъ наблюденіяхъ, свойственныхъ первоначальному прогрессу спеціальныхъ позитивныхъ знаній. Поэтому нужно, чтобы субъективное вдохновеніе непрерывно указывало ему его истинное призваніе, препятствуя тому, чтобы его размышленія приняли абсолютный характеръ и неограниченное распространеніе, такъ какъ въ такомъ случаѣ повторились бы въ научной формѣ все главные недостатки теологико-метафизическаго метода мышленія.

Вселенная должна изучаться не ради нея самой, но ради человѣка, или скорѣе, ради человѣчества. Всякое другое намѣреніе такъ же мало отличалось бы мудростью, какъ и нравственностью. Ибо наши реальныя умозрѣнія могутъ быть поистинѣ

удовлетворительными лишь поскольку они субъективны, а не чисто-объективны, т.-е., когда они ограничиваются исканіемъ во внѣшнемъ порядкѣ законовъ, которые болѣе или менѣе непосредственно, дѣйствительно вліяютъ на наши судьбы. Внѣ этой области, опредѣляемой общественностью, наши познанія останутся всегда столь же несовершенными, какъ и праздными, даже относительно простѣйшихъ явленій, что подтверждается астрономіей. Безъ этого постоянного преобладанія чувства позитивный духъ вскорѣ возвратился бы къ излюбленнымъ занятіямъ своего младенчества, къ размышленіямъ наиболѣе отдаленнымъ отъ человѣка, являющимися также наиболѣе легкими. Пока продолжался его постепенный ростъ, это естественное стремленіе заниматься безъ разбора всеми доступными изслѣдованіями могло оправдываться логической значительностью большинства тѣхъ изслѣдованій, которыя были лишены всякаго научнаго значенія. Но съ тѣхъ поръ какъ позитивный методъ достаточно развился и можетъ быть прямо приложенъ въ предназначенной ему области, эти праздыя упражненія бесполезно удлиняютъ господство предварительнаго образа мышленія. Это неопредѣленное состояніе умственной анархіи принимаетъ даже все болѣе и болѣе ретроградный характеръ, стремясь уничтожить главные результаты, достигнутые частными изслѣдованіями, въ то время, когда это направленіе было дѣйствительно прогрессивнымъ.

Г Л А В А XIV.

Открытіе соціологическихъ законовъ придаетъ соціальнымъ вопросамъ большое значеніе. Субъективный принципъ позитивизма не представляетъ опасности для свободной мысли.

Построеніе объективнаго основанія, необходимаго для общаго синтеза человеческой жизни, вызываетъ серьезное затрудненіе въ томъ отношеніи, что приходится согласовать обычную свободу, безъ которой нашъ умъ не могъ бы надлежащимъ образомъ работать съ постоянной дисциплиной, которая нужна для обузданія его врожденнаго стремленія къ несвязнымъ и неопредѣленнымъ умозрѣніямъ. Это согласованіе было по существу невозможно, пока изученіе естественнаго порядка не распространялось на соціологическіе законы. Но какъ только позитивный духъ дѣйствительно пріобрѣтетъ это послѣднее преимущество, необходимое превосходство соціологическихъ умозрѣній безъ затрудненія подчинить его законному господству чувства. Тогда объективная оцѣнка, прогрессъ которой совершается извнѣ во внутрь, произвольно вступитъ въ связь съ субъективнымъ побужденіемъ, главенству котораго она такъ долго препятствовала.

Ни одинъ настоящій мыслитель не можетъ болѣе отрицать рѣшительныя доказательства, которыя отнынѣ устанавливаютъ даже въ умозрительномъ отношеніи логическое и научное первенство соціальной точки зрѣнія, какъ единственно возможную связь для всехъ нашихъ реальныхъ размышленій. Ея преобладаніе не можетъ никогда стать стѣснительнымъ для другихъ позитивныхъ изслѣдованій, которыя всегда будутъ, со стороны метода или со стороны доктрины, необходимымъ

введеніемъ къ этой конечной наукѣ. Напротивъ, этотъ окончательный методъ мышленія дастъ каждой подготовительной наукѣ и драгоценную прочность, и плодотворное возбужденіе, связывая ее съ совокупностью знаній о человѣчествѣ.

Таковъ естественный путь, слѣдующему, какъ я заявилъ въ началѣ этого разсужденія, позитивный духъ, посредствомъ основанія социологіи, сталъ навсегда подъ справедливую власть сердца, что позволить, наконецъ, привести въ стройную систему всю человѣческую жизнь, на основаніи подчиненія объективнаго основанія субъективному принципу. Изгоняя безвозвратно исключительный антагонизмъ, который съ конца среднихъ вѣковъ долженъ былъ развиваться между разсудкомъ и чувствомъ, эта философская операція непосредственно призываетъ человѣчество подъ единую власть, индивидуальную и коллективную, которая вполне соотвѣтствуетъ его природѣ. Пока это благородное вліяніе чувства и разсудка не были приведены въ согласіе, общественность не могла глубоко измѣнить практическую власть эгоизма. Но, несмотря на ихъ слабую самопроизвольную энергію въ нашей несовершенной организаціи, ихъ тѣсное и непрерывное сотрудничество, способное на огромный подъемъ, сможетъ отнынѣ, не искажая по существу эгоистическаго характера активной жизни, сообщить ей такую степень нравственности, о которой прошлое не могло дать никакого представленія, вслѣдствіе того, что до сихъ поръ эти два необходимыхъ регулятора всѣхъ нашихъ преобладающихъ инстинктовъ не могли быть надлежащимъ образомъ согласованы.

Мое опредѣленіе теоретическаго синтеза, на которомъ должна покоиться вся систематизація человѣчества, было бы недостаточнымъ, если бы я не дополнилъ его указаніемъ общаго дѣйствительно необходимаго ограничительнаго условія для того, чтобы это объективное построеніе позволило непосредственно выработать окончательную систему. Безъ этого ограниченія умъ, увлеченный своими современными привычками горделиваго разглагольствованія, будетъ стремиться преувеличивать свое дѣйствительное назначеніе и стараться избавиться отъ постояннаго ига, налагаемаго на него общественностью, отодвигая моральное и политическое преобразование дальше, чѣмъ этого требуетъ дѣйствительное назначеніе этого философскаго подготовленія. Это послѣднее опредѣленіе покажетъ новое свойство моей теоріи эволюціи, благодаря которому умозрительная систематизація подвинулась такъ далеко, что теперь можно начать систематизацію чувственной и даже активной жизни, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важной и наиболѣе рѣшительной ея части, именно нравственности въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Г Л А В А XV.

Естественные законы бываютъ двухъ родовъ: абстрактные и конкретные. Знаніе и систематизація абстрактныхъ законовъ обосновываютъ позитивный синтезъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ ограничить построеніе нашего объективнаго основанія, мы должны прежде всего различить во внѣшнемъ порядкѣ два класса есте-

ственныхъ законовъ: простые или абстрактные и сложные или конкретные. Въ моемъ основномъ трудѣ я установилъ и приложилъ это необходимое безспорное отнынѣ дѣленіе, такъ что здѣсь мнѣ достаточно будетъ охарактеризовать его источникъ и примѣненіе.

Его принципъ вытекаетъ изъ того, что наши позитивныя изслѣдованія могутъ всегда касаться либо живыхъ существъ, либо только ихъ различныхъ проявленій. Хотя реальные тѣла становятся доступными нашей оцѣнкѣ только благодаря совокупности наблюдаемыхъ въ нихъ явленій, мы можемъ или разсматривать отвлеченно каждую категорію явленій съ точки зрѣнія общей для всѣхъ существъ, въ которыхъ они наблюдаются, или конкретно изслѣдовать отдѣльныя группы явленій, характеризующія каждое существо. Въ послѣднемъ случаѣ мы изучаемъ различныя системы существованія, а въ первомъ мы опредѣляемъ различныя формы дѣятельности. Вышеприведенный примѣръ метеорологическихъ изслѣдованій представляетъ лучшій типъ этого общаго дѣленія; ибо разсматриваемыя въ метеорологіи явленія суть всегда только очевидныя сочетанія астрономическихъ, физическихъ, химическихъ, біологическихъ и даже соціальныхъ явленій, собственные законы которыхъ допускаютъ и требуютъ столько же различныхъ теорій. Если бы всѣ эти абстрактные законы были намъ достаточно извѣстны, конкретный вопросъ не представлялъ бы много серьезнаго затрудненія, кромѣ трудности ихъ надлежащимъ образомъ сочетать, чтобы вывести необходимый порядокъ этихъ сложныхъ явленій; однако, подобное построеніе, мнѣ кажется настолько превосходящимъ наши слабыя дедуктивныя способности, что мы въ этомъ отношеніи не можемъ еще покинуть чисто-индуктивный путь.

Согласно этому дѣленію, наше основное изученіе естественнаго порядка должно, конечно, касаться прежде всего его отвлеченной стороны, разложенной на столько общихъ случаевъ, сколько существуетъ дѣйствительныхъ элементарныхъ явленій, т.-е. непревратимыхъ въ другія, которыя, слѣдовательно, несмотря на то, что между ними необходимо существуетъ связь, требуютъ столько же различныхъ индукцій и теорія которыхъ никогда не можетъ быть установлена путемъ одной только дедукціи. Спекулятивная систематизація можетъ прямо охватить только тѣ простыя сужденія, которыя затѣмъ станутъ раціональнымъ основаніемъ сложныхъ умозрѣній. Если даже послѣднія, вслѣдствіе своей чрезвычайной сложности, и не допустятъ никогда полной систематизаціи, теоретическое единство, даже ограничившись первыми, можетъ удовлетворить все-таки своему назначенію служить объективнымъ основаніемъ общаго синтеза человѣчества. Ибо и этотъ отвлеченный фундаментъ уже позволилъ бы намъ ввести почти всюду дедуктивный методъ настолько, чтобы связать всѣ наши мысли и сдѣлать возможной удовлетворительную систематизацію всѣхъ нашихъ чувствъ и дѣйствій, что и составляетъ цѣль здравой философіи.

Итакъ, абстрактное изученіе внѣшняго порядка доставляетъ намъ именно тотъ синтезъ, который дѣйствительно необходимъ для созданія полнаго единства. Онъ составляетъ самъ по себѣ достаточное основаніе всей нашей мудрости, которая находитъ въ немъ ту первую философію, на которую Бэконъ смутно указывалъ, какъ на необходимое основаніе нормальнаго человѣческаго мышленія. Коль скоро мы приведемъ въ систему всѣ абстрактные законы различныхъ общихъ видовъ реальной дѣятельности, дѣйствительная оцѣнка каждой отдѣльной системы существованія тот-

часть перестанетъ быть чисто-эмпирической, хотя большинство конкретныхъ законовъ остаются еще для насъ неизвѣстными. Это въ особенности легко понять относительно наиболѣе труднаго и наиболѣе важнаго случая: ибо, очевидно, достаточно познать главные статическіе и динамическіе законы общественности, чтобы надлежащимъ образомъ систематизировать всю нашу общественную и частную жизнь, достигая такимъ путемъ общаго улучшенія нашей судьбы. Когда философіи удастся добиться этой цѣли, — въ чемъ теперь нельзя уже сомнѣваться, — то нечего будетъ сожалѣть о томъ, что она не смогла достаточно объяснить всѣ социальныя формы, которыя время и мѣсто представляютъ нашему умственному взору. Руководимый чувствомъ, современный умъ сумѣетъ отнынѣ мудро сдерживать вѣчно-жадное любопытство, которое въ праздныхъ исканіяхъ исчерпало бы наши слабыя умственныя силы, доставляющія человѣчеству драгоцѣнныя средства въ его трудной борьбѣ противъ недостатковъ естественнаго порядка.

Безъ сомнѣнія, открытіе главныхъ конкретныхъ законовъ могло бы болѣе способствовать улучшенію какъ внѣшнихъ, такъ даже и внутреннихъ условій нашего существованія; именно, на этомъ полѣ наука въ будущемъ и сможетъ собрать богатую жатву. Но ихъ познаніе отнюдь не необходимо теперь для полной систематизаціи, которая должна выполнить по отношенію къ окончательному образу мышленія человѣчества ту роль, которую нѣкогда выполнило по отношенію къ первоначальному умственному строю теологическая систематизація. Это обязательное условіе, конечно, можетъ быть удовлетворено просто абстрактной философіей; такъ что преобразование остается возможнымъ, даже если конкретная философія никогда не достигнетъ надлежащаго состоянія.

Г Л А В А XVI.

Синтезъ абстрактныхъ законовъ вытекаетъ изъ теоріи человѣческой эволюціи.

Построеніе спекулятивной системы, ограниченное такъ, какъ было выше указано, настолько разработано на Западѣ, что всѣ сочувствующіе этому предпріятію настоящіе мыслители могутъ безъ всякаго отлагательства приступить къ моральному преобразованію, которое должно подготовить настоящее политическое преобразование и руководить имъ. Ибо, разсмотрѣнная съ другой точки зрѣнія, упомянутая выше теорія эволюціи представляетъ прямую систематизацію всѣхъ нашихъ отвлеченныхъ понятій о естественномъ порядкѣ въ цѣломъ.

Чтобы это понять, достаточно допустить, что всѣ наши реальныя знанія, въ сущности, составляютъ одну единую науку, науку о человѣчествѣ, введеніе и развитіе которой составляютъ всѣ наши позитивныя умозрѣнія. Обработка же этой науки, очевидно, требуетъ двоякаго рода подготовительныхъ трудовъ, касающихся внѣшнихъ условій нашего существованія, а также условій нашей внутренней природы. Ибо общественность не можетъ быть понята безъ достаточной предварительной оцѣнки среды, въ которой она развивается, и причины, ее обуславливающей.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ конечной наукѣ, нужно хорошенько разработать абстрактную теорію внѣшняго міра и теорію индивидуальной жизни человѣка, чтобы опредѣлить постоянное вліяніе соответствующихъ законовъ на законы, управляющіе соціальными явленіями. Эта подготовительная работа необходима въ логическомъ отношеніи не менѣе, чѣмъ съ чисто-научной точки зрѣнія, чтобы приспособить нашъ слабый умъ къ самымъ труднымъ умозрѣніямъ путемъ упражненія его въ болѣе легкихъ. Наконецъ, въ этомъ двойномъ изслѣдованіи неорганической міръ долженъ привлечь наше вниманіе раньше органическаго какъ вслѣдствіе преобладающаго вліянія законовъ, относящихся къ самому общему существованію, на явленія, касающіяся только отдѣльной жизни, такъ и по очевидному обязательству изучать позитивный методъ сперва въ его простѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ приложеніяхъ. Было бы излишне долѣе останавливаться здѣсь на принципахъ, которые мой основной трудъ прочно установилъ.

Соціальная философія должна быть поэтому во всѣхъ отношеніяхъ подготовлена собственно естественной философіей, сначала неорганической, затѣмъ органической. Это необходимое подготовленіе знанія, построеніе котораго выпало на долю нашего вѣка, восходитъ, такимъ образомъ, до созданія астрономіи въ древности. Современные народы дополнили начатый трудъ обработкой біологіи, изъ которой древнимъ была доступна только статика. Но, несмотря на необходимое отношеніе подчиненности, существующія между этими двумя науками ихъ весьма рѣзкое различіе и слишкомъ отдаленная связь препятствовали бы видѣть всю совокупность сдѣланной предварительной работы, если бы путемъ чрезмѣрнаго сокращенія попытались свести ее къ этимъ крайнимъ предѣламъ. Въ средніе вѣка химія начала образовывать между ними необходимую связь, которая позволила уже предвидѣть дѣйствительную единую спекулятивную систему, благодаря естественной послѣдовательности этихъ трехъ предварительныхъ наукъ, постепенно приводящей къ конечной наукѣ. Однако, химія, хотя весьма близкая къ біологіи, была недостаточна, какъ промежуточное звено, такъ какъ она слишкомъ далека отъ астрономіи, прямому вліянію которой она была обязана своими искусственными и даже нелѣпыми идеями, обреченными на кратковременное существованіе. Истинная іерархія элементарныхъ знаній могла поэтому быть обнаружена только въ предпоследній вѣкъ, когда собственно физика обогатилась новымъ отдѣломъ, разсматривающимъ явленія неорганическаго міра и примыкающимъ къ астрономіи своей наиболѣе общей частью, а къ химіи—наиболѣе спеціальной.

Чтобы надлежащимъ образомъ представить эту іерархію, достаточно теперь связать ее съ дѣйствительнымъ ея началомъ, восходя къ настолько простымъ и всеобщимъ умозрѣніямъ, что положительность ихъ представляется непосредственной и самопроизвольной. Таковъ важный характеръ чисто-математическихъ понятій, безъ которыхъ астрономія не могла бы зародиться. Они всегда составляютъ въ образованіи отдѣльной личности, какъ они выполнили это назначеніе въ нашей коллективной эволюціи, позитивный отправной пунктъ; ибо они относятся къ умозрѣніямъ, которыя при наиболѣе полномъ господствѣ теологическихъ воззрѣній, необходимо порождаютъ извѣстный систематическій подъемъ позитивнаго духа, распространяющійся затѣмъ мало-по-малу на предметы, вначалѣ ему совершенно недоступные.

На основаніи этихъ краткихъ указаній естественный рядъ основныхъ наукъ составитъ самъ собою, если расположить, согласно ихъ убывающей общности и возрастающей сложности, шесть главныхъ членовъ, истинныя взаимныя отношенія которыхъ тотчасъ при этомъ обнаруживаются. Но это расположеніе, очевидно, совпадаетъ съ классификаціей, устанавливаемой моею вышеупомянутой теоріей эволюціи. Эта теорія можетъ поэтому разсматриваться, съ статической точки зрѣнія, какъ прямое основаніе абстрактной систематизаціи, отъ которой, какъ мы только что видѣли, зависитъ синтезъ человѣчества въ цѣломъ. Установленная, такимъ образомъ, обычная систематизація необходимыхъ элементовъ всѣхъ нашихъ реальныхъ понятій даетъ уже дѣйствительную единую спекулятивную систему, осуществляя смутное желаніе Вѣкона построить *scala intellectus* (интеллектуальную скалу), по которой наши мысли могли бы безъ затрудненія переходить отъ простѣйшихъ предметовъ къ наиболѣе возвышеннымъ, или обратно, съ постояннымъ сознаніемъ ихъ внутренней естественной солидарности. Хотя каждая изъ этихъ шести главныхъ отраслей абстрактной философіи въ своей центральной части весьма отлична отъ двухъ прилегающихъ къ ней, она тѣсно примыкаетъ къ предшествующей своимъ началомъ и къ послѣдующей своимъ концомъ. Однородность и непрерывность этого построенія тѣмъ болѣе совершенны, что тотъ же принципъ классификаціи, въ своемъ болѣе спеціальномъ приложеніи, опредѣляетъ также истинное внутреннее распредѣленіе различныхъ теорій, составляющихъ каждую отрасль. Напримѣръ, три большія группы математическихъ наукъ: наука о числахъ, геометрія и механика, слѣдуютъ другъ за другомъ и согласованы между собою по тому же закону, на которомъ построена основная скала. Мой философскій трактатъ вполнѣ доказалъ, что подобная внутренняя гармонія существуетъ всюду. Общій рядъ составляетъ, такимъ образомъ, наиболѣе сжатое резюме самыхъ обширныхъ отвлеченныхъ размышленій; и, обратно, всѣ точныя спеціальныя изслѣдованія сводятся къ частичнымъ развитіямъ этой всеобщей іерархіи.

Хотя каждая часть требуетъ отдѣльныхъ индукцій, каждая, тѣмъ не менѣе, получаетъ отъ предшествующей ей дедуктивное вліяніе, которое всегда останется столь же необходимымъ для ея догматическаго построенія, какъ оно было сначала необходимо для ея историческаго развитія. Такимъ образомъ, всѣ предварительныя ученія готовятъ конечную науку, которая отнынѣ будетъ постоянно воздѣйствовать на ихъ систематическую разработку, проникая ее духомъ единства, всегда связаннымъ съ истиннымъ соціальнымъ чувствомъ. Эта необходимая дисциплина не можетъ стать стѣснительной, такъ какъ ея принципъ самопроизвольно согласовываетъ неизмѣнныя условія мудрой независимости съ условіями дѣйствительной взаимопомощи. Сверхъ того, подчиняя согласно своему построенію умъ общественности, наша энциклопедическая формула чрезвычайно способна стать популярной, такъ какъ она ставитъ всю систему умозрѣнія подъ опеку и подъ покровительство публики, которая обычно расположена умѣрять злоупотребленія разумомъ, неизбѣжныя для философовъ, вслѣдствіе ихъ исключительнаго занятія отвлеченными вопросами.

ГЛАВА XVII.

Возможность приступить къ соціальному преобразованію.

Та же теорія, которая объясняетъ умственную эволюцію человѣчества, устанавливаетъ, такимъ образомъ, дѣйствительно окончательную систематизацію нашихъ элементарныхъ идей, благодаря чему устраняются существовавшія до сихъ поръ, въ большей или меньшей степени, противорѣчія между условіями гармоніи и движенія. Ея историческая способность и ея догматическая цѣнность взаимно другъ друга укрѣпляютъ; ибо дѣйствительная связь нашихъ понятій должна всегда исходить изъ ихъ послѣдовательныхъ превращеній, которыя, въ свою очередь, остались бы необъяснимыми безъ нея. Исторія и философія становятся, такимъ образомъ, нераздѣльными для всѣхъ здравыхъ умовъ.

Теорія, одновременно статическая и динамическая, выполняющая столько условій, можетъ, конечно, разсматриваться теперь, какъ способная построить единую спекулятивную систему на ея истинномъ объективномъ основаніи, хотя ея единство должно быть еще развито и упрочено, что возможно будетъ по мѣрѣ того, какъ ея основаніе будетъ все глубже изучаться. Но этотъ двойной прогрессъ долженъ въ дѣйствительности гораздо болѣе зависѣть отъ соціальнаго назначенія этого построенія, чѣмъ отъ бесполезнаго стремленія къ научному совершенству. Именно, руководя духовнымъ преобразованіемъ передовыхъ народовъ, абстрактная философія должна будетъ почувствовать потребность въ новомъ расширеніи или въ лучшей связи, въ особенности тогда, когда требованія морали и политики вызовутъ изученіе новыхъ естественныхъ отношеній; такъ что знаніе никогда не будетъ слишкомъ опережать примѣненіе. Достаточно, чтобы это нарождающаяся систематизація всѣхъ нашихъ реальныхъ умозрѣній была теперь настолько выработана, чтобы можно было непосредственно приступить къ синтезу чувствъ и даже дѣйствій, начиная съ систематизаціи позитивной морали, которая должна руководить окончательнымъ возрожденіемъ человѣчества. А мой основной трудъ, смѣю думать, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ немедленной возможности такого предпріятія, своевременность котораго будетъ доказана въ настоящемъ разсужденіи.

ГЛАВА XVIII.

Не нужно смѣшивать позитивизмъ съ атеизмомъ, матеріализмомъ, фатализмомъ или оптимизмомъ. Какъ атеизмъ, такъ и теологія стремятся разрѣшать неразрѣшимые вопросы.

Охарактеризовавъ достаточно общій духъ позитивизма, я долженъ теперь дать по этому предмету нѣсколько дополнительныхъ разъясненій, предназначенныхъ частью для предупрежденія, частью для исправленія грубыхъ ошибокъ, которыя встрѣчаются

слишкомъ часто и слишкомъ опасны, чтобы я могъ обходить ихъ молчаніемъ; но я отнюдь не намѣреваюсь возражать на недобросовѣстные нападки.

Такъ какъ полное освобожденіе нашего міросозерцанія отъ вліянія теологіи должно въ настоящее время составить необходимую подготовительную работу къ наступленію вполне позитивнаго образа мыслей, то это предварительное условіе заставляетъ многихъ поверхностныхъ наблюдателей искренно смѣшивать этотъ окончательный методъ мышленія съ чисто-отрицательнымъ направленіемъ, которое даже въ послѣднее столѣтіе имѣло истинно прогрессивный характеръ, но которое теперь въ рукахъ лицъ, считающихъ его неизмѣннымъ, обратилось въ серьезное препятствіе для всякаго соціального и даже умственного преобразования. Хотя я уже давно торжественно отвергъ всякую солидарность какъ догматическую, такъ и историческую между истиннымъ позитивизмомъ и тѣмъ, что называютъ атеизмомъ, я, тѣмъ не менѣе, считаю необходимымъ дать здѣсь по поводу этого ложнаго мнѣнія еще нѣсколько краткихъ, но прямыхъ разъясненій.

Даже въ интеллектуальномъ отношеніи атеизмъ составляетъ только чрезвычайно неполное освобожденіе, такъ какъ онъ стремится безконечно удлинить метафизическое состояніе, непрерывно ища новыхъ рѣшеній теологическихъ проблемъ, вмѣсто того, чтобы разъ навсегда отказаться отъ всѣхъ недоступныхъ изслѣдованій, какъ совершенно бесполезныхъ. Истинный позитивный духъ состоитъ преимущественно въ замѣнѣ изученія первыхъ или конечныхъ причинъ явленій изученіемъ ихъ непреложныхъ законовъ; другими словами—въ замѣнѣ слова почему словомъ какъ. Онъ поэтому несомнѣнъ съ горделивыми мечтаніями туманнаго атеизма о созданіи вселенной, о происхожденіи животныхъ и т. д. Въ своей общей оцѣнкѣ, нашихъ различныхъ умственныхъ состояній позитивизмъ, не колеблясь, ставитъ эти ученые химеры, даже въ отношеніи раціональности, значительно ниже самопроизвольныхъ вѣрованій человѣчества. Ибо теологическій принципъ, состоящій въ объясненіи всего хотѣніями, можетъ быть вполне изгнанъ только тогда, когда, признавъ недоступнымъ всякое изслѣдованіе причинъ, мы ограничиваемся познаніемъ законовъ. Пока же мы упрямо стремимся разрѣшать вопросы, свойственные нашему младенчеству, у насъ имѣется слишкомъ мало основаній отбросить наивный методъ, который къ нимъ примѣняло наше воображеніе и который на самомъ дѣлѣ одинъ только и соотвѣтствуетъ ихъ природѣ.

Эти самопроизвольныя вѣрованія могли окончательно исчезнуть только по мѣрѣ того, какъ человѣчество, лучше просвѣщенное о своихъ средствахъ и потребностяхъ, безвозвратно измѣняло общее направленіе своихъ постоянныхъ изслѣдованій. Когда мы хотимъ проникнуть въ неразрѣшимую тайну сущности происхожденія явленій, то мы не можемъ придумать ничего болѣе удовлетворительнаго, какъ приписать ихъ внутреннимъ или внѣшнимъ хотѣніямъ, уподобляя ихъ, такимъ образомъ, повседневному проявленіямъ волнующихъ насъ страстей. Только метафизическая или научная гордость древнихъ или современныхъ атеистовъ могла ихъ убѣдить въ томъ, что ихъ смутныя гипотезы объ этомъ предметѣ дѣйствительно стоятъ выше того непосредственнаго уподобленія, которое должно было исключительно удовлетворять нашъ умъ, пока не были признаны полное ничтожество и совершенная бесполезность всякаго исканія абсолютнаго.

Хотя естественный порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно несовершененъ, его возникновеніе, тѣмъ не менѣе, гораздо лучше согласуется съ предположеніемъ разумной воли, чѣмъ съ теоріей слѣпого механическаго міроздавія. Поэтому закоренѣлыхъ атеистовъ можно разсматривать, какъ самыхъ непослѣдовательныхъ теологовъ, такъ какъ они занимаются тѣми же вопросами, отбросивъ единственно годный для нихъ методъ.

Впрочемъ, чистый атеизмъ наблюдается даже теперь весьма рѣдко. Чаще всего подъ этимъ названіемъ разумѣютъ видъ пантеизма, который въ сущности представляетъ собой не что иное, какъ научное понятное движеніе къ смутному и отвлеченному идолопоклонству, откуда могутъ возродиться въ новыхъ формахъ всѣ богословскія состоянія, когда дается полный просторъ метафизическимъ заблужденіямъ.

Такой образъ мыслей, сверхъ того, показываетъ, что лица, считающія его окончательнымъ, слишкомъ преувеличенно или даже несправедливо оцѣниваютъ интеллектуальныя потребности и имѣютъ весьма несовершенное понятіе о моральныхъ и социальныхъ потребностяхъ. Чаще всего онъ сочетается съ опасными утопіями о мнимомъ царствѣ разума. Въ области нравственности его догматы какъ бы освящаютъ неблагородные софизмы современной метафизики объ абсолютномъ господствѣ эгоизма. Въ политикѣ онъ прямо стремится удлинить до безконечности революціонное состояніе, благодаря слѣпой ненависти ко всему прошлому, которую онъ внушаетъ, препятствуя всякой истинно-позитивной оцѣнкѣ прошедшаго, способной открыть намъ будущее человѣчества. Поэтому въ борьбѣ съ позитивизмомъ атеизмъ можетъ теперь разсчитывать только на тѣхъ лицъ, у которыхъ онъ является лишь временнымъ состояніемъ, послѣднимъ и наименѣе продолжительнымъ изъ всѣхъ метафизическихъ состояній. Такъ какъ наблюдаемое нынѣ широкое распространеніе научнаго направленія значительно облегчаетъ этотъ послѣдній переходъ, то лица, не совершившія его произвольно до достиженія ими зрѣлаго возраста, обнаруживаютъ своего рода умственное безсиліе, часто связанное съ моральнымъ убожествомъ и весьма плохо согласимое съ позитивизмомъ.

Въ виду того, что чисто-отрицательныя связи всегда слабы и недолговѣчны, современная философія не можетъ болѣе довольствоваться непризнаніемъ единобожія, многобожія или идолопоклонства, непризнаніемъ, которое никто не станетъ считать достаточнымъ, чтобы имъ мотивировать сближеніе съ другимъ ученіемъ. Подобное подготовленіе, въ сущности, имѣло значеніе только для тѣхъ, которые должны были взять на себя починъ въ коренномъ обновленіи человѣчества. Оно уже болѣе не необходимо, такъ какъ дряхлость стараго міропониманія не оставляетъ никакого сомнѣнія въ необходимости преобразования. Стойкое анархическое направленіе, по преимуществу характеризуемое атеизмомъ, отнынѣ болѣе неблагопріятно для преобладанія органическаго духа, чѣмъ могло бы быть искреннее сохраненіе старыхъ обычаевъ. Ибо это послѣднее уже болѣе не мѣшаетъ правильному и прямому пониманію основного вопроса, и даже способствуетъ ему, обяывая новую философію нападать на отсталыя вѣрованія лишь постольку, поскольку она способна лучше удовлетворить всѣ моральныя и социальныя потребности. Въмѣсто этого спасительнаго соревнованія, позитивизмъ встрѣчаетъ теперь лишь бесплодное противодѣйствіе со стороны атеизма, исповѣдуемаго многими метафизиками и учеными, анти-теологи-

ческія настроенія которыхъ приводятъ ихъ только къ безусловному стремленію препятствовать преобразованію, которое они въ извѣстныхъ отношеніяхъ подготовили въ прошломъ вѣкѣ.

Итакъ, позитивизмъ не только не можетъ разсчитывать на поддержку современныхъ атеистовъ, но долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ естественныхъ противниковъ; впрочемъ, недостаточная прочность ихъ возрѣній позволяетъ легко привлечь тѣхъ изъ ихъ среды, у которыхъ заблужденія не обусловлены преимущественно гордостью.

Г Л А В А XIX.

Матеріализмъ стремится подчинить высшія науки низшимъ. Позитивизмъ исправляетъ эту ошибку.

Для новой философіи весьма важно снять съ себя обвиненіе въ матеріализмѣ, обвиненіе, вмѣняемое ей благодаря необходимой для нея предварительной научной обоснованности. Отказываясь отъ всякаго бесполезнаго обсужденія непроницаемыхъ тайнъ, моя основная теорія человѣческой эволюціи позволяетъ мнѣ ясно опредѣлить реальную сущность этихъ смутныхъ споровъ.

Такъ какъ позитивный духъ былъ долгое время ограниченъ простѣйшими изслѣдованіями и могъ распространиться на болѣе важныя только проходя съ самопроизвольной послѣдовательностью промежуточные ступени, то каждое новое его пріобрѣтеніе должно было сначала совершаться подъ чрезмѣрнымъ вліяніемъ методовъ и доктринъ предыдущей области. Въ этомъ преувеличеніи и состоитъ, на мой взглядъ, научное заблужденіе, которое публика инстинктивно и не безъ основанія называетъ матеріализмомъ, такъ какъ послѣдній, дѣйствительно, всегда стремится унижить самыя возвышенныя сужденія, уподобляя ихъ самымъ примитивнымъ. Это направленіе было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что всюду оно покоится на необходимой зависимости менѣе общихъ явленій отъ болѣе общихъ, изъ чего вытекаетъ законное дедуктивное вліяніе, благодаря которому каждая наука участвуетъ въ непрерывной эволюціи слѣдующей за ней науки, спеціальныя индукціи которой не могли бы иначе пріобрѣсти достаточной рациональности. Поэтому каждая наука должна была долгое время бороться противъ захватовъ предыдущей, и эта борьба существуетъ еще и теперь даже между наиболѣе древними науками. Она совершенно прекратится только тогда, когда все науки подчинятся дисциплинѣ здравой философіи, которая всюду доставитъ преобладаніе справедливому пониманію истинныхъ энциклопедическихъ отношеній, столь плохо оцѣниваемыхъ современнымъ эмпиризмомъ.

Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ представляетъ опасность, нераздѣльную съ пріобрѣтеніемъ къ наукѣ въ той его формѣ, въ какой оно должно было до сихъ поръ совершаться, а именно, когда каждая наука стремится поглотить слѣдующую за ней по праву болѣе древней и лучше установленной позитивности. Зло лежитъ, такимъ

образомъ, гораздо глубже и распространено шире, чѣмъ это думаютъ тѣ, которые на него жалуются. Оно замѣчается теперь только по отношенію къ наиболѣе высокимъ умозрѣніямъ, на которыхъ оно, дѣйствительно, болѣе всего отражается, такъ какъ они страдаютъ отъ захватовъ всѣхъ другихъ наукъ; но оно существуетъ также для любого элемента нашей научной іерархіи, не исключая ея математическаго основанія, которое, на первый взглядъ, кажется отъ него естественно избавленнымъ. Истинный философъ видитъ матеріализмъ въ стремленіи современныхъ заурядныхъ математиковъ подчинить исчисленію геометрію или механику, какъ въ болѣе явномъ захватѣ физики всѣми математическими науками, или химіи физикой, въ особенности біологіи химіей и, наконецъ, въ неизмѣнной склонности выдающихся біологовъ разсматривать социальную науку просто какъ слѣдствіе или добавленіе къ біологіи. Всюду мы видимъ одинъ и тотъ же коренной порокъ — злоупотребленіе дедуктивной логикой — и одинъ и тотъ же необходимый результатъ — неизбежное подчиненіе высшихъ наукъ слѣпому господству низшихъ.

Такимъ образомъ, всѣ истинные ученые въ настоящее время болѣе или менѣе матеріалисты, въ зависимости отъ большей или меньшей простоты и общности изучаемыхъ ими явленій. Геометры болѣе другихъ склонны къ этому заблужденію, въ виду ихъ невольнаго стремленія класть въ основаніе построенія единой умозрительной системы самыя грубыя умозрѣнія: числовыя, геометрическія или механическія. Но біологи, которые наиболѣе энергично возстаютъ противъ такого захвата, въ свою очередь, заслуживаютъ тѣхъ же упрековъ, когда они, напримѣръ, претендуютъ все объяснить въ социологіи чисто-второстепенными вліяніями климата и расы, ибо они не считаются при этомъ съ основными законами, которые могутъ быть раскрыты только съ помощью историческихъ индукцій.

Эта философская оцѣнка матеріализма объясняетъ одновременно естественный источникъ и глубокую несправедливость грубой ошибки, которую я стараюсь здѣсь окончательно исправить. Далеко не благопріятствуя подобнымъ опаснымъ заблужденіямъ, позитивизмъ, напротивъ, одинъ только можетъ ихъ совершенно устранить, благодаря своей исключительной способности воздавать должное законнымъ стремленіямъ, эмпирическимъ преувеличеніемъ которыхъ являются эти заблужденія. До сихъ поръ зло сдерживалось только самопроизвольнымъ сопротивленіемъ теологико-метафизическаго духа; и эта временная функція составляла необходимое, хотя и недостаточное, назначеніе собственно спиритуализма. Но такія препятствія не могли мѣшать энергичному наступленію матеріализма, облеченнаго въ глазахъ современныхъ мыслящихъ людей въ нѣкоторый прогрессивный характеръ, благодаря его долгой связи съ справедливымъ возмущеніемъ челоуѣчества противъ міросозерцанія, ставшаго ретрограднымъ. Поэтому, несмотря на эти бессильные протесты, притѣснительное господство низшихъ теорій наноситъ теперь значительный ущербъ независимости и достоинству высшихъ наукъ. Удовлетворяя несравнимо лучше, чѣмъ это раньше было возможно, всему тому, что есть законнаго въ противоположныхъ притязаніяхъ матеріализма и спиритуализма, позитивизмъ безвозвратно изгоняетъ оба направленія, одно какъ анархическое, другое какъ ретроградное.

Эта двойная услуга позитивизма самопроизвольно вытекаетъ изъ созданія истинной энциклопедической іерархіи, обеспечивающей каждой элементарной наукѣ

свободное индуктивное развитіе, не нарушая ея дедуктивнаго подчиненія. Но этимъ основнымъ примиреніемъ мы будемъ, въ особенности, обязаны всеобщему логическому и научному преобладанію, которое новая философія одна только можетъ доставить соціальной точкѣ зрѣнія. Когда, такимъ образомъ, первое мѣсто отводится наиболѣе благороднымъ умозрѣніямъ, для которыхъ матеріалистическая тенденція самая опасная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также самая неизбѣжная, то она прямо представляется не менѣе отсталой, чѣмъ спиритуалистическая, такъ какъ обѣ онѣ одинаково препятствуютъ обработкѣ конечной науки. Тѣмъ самымъ исключеніе обѣихъ тенденцій оказывается даже связаннымъ съ совокупностью соціального преобразования, которымъ можетъ руководить только точное познаніе естественныхъ законовъ, присущихъ моральнымъ и политическимъ явленіямъ.

Мнѣ вскорѣ представится случай дать также понятъ, насколько соціологическій матеріализмъ въ настоящее время вредитъ соціальному искусству, такъ какъ онъ склоненъ не признавать самого основного принципа послѣдняго, именно систематическаго раздѣленія власти на духовную и свѣтскую, раздѣленія, которое теперь особенно важно сдѣлать ненарушимымъ, возсоздавая на лучшихъ основаніяхъ удивительное построеніе среднихъ вѣковъ. Мы убѣдимся такимъ образомъ, что позитивизмъ глубоко противоположенъ матеріализму не только по своему философскому характеру, но и по своему политическому назначенію.

Чтобы сдѣлать эту краткую оцѣнку одновременно болѣе безпристрастной и болѣе рѣшительной, я нарочно устранилъ тяжкія моральныя обвиненія, взводимыя обыкновенно на матеріализмъ. Эти обвиненія, столь часто отвергаемыя опытомъ, на самомъ дѣлѣ противорѣчатъ, даже когда они искренни, истинной теоріи человѣческой природы, такъ какъ наши здравыя или неправильныя воззрѣнія, къ счастью, способны оказывать на наши чувства и наше поведеніе того абсолютнаго вліянія, которое имъ обычно приписывается. Благодаря ихъ временной связи съ общимъ прогрессивнымъ движеніемъ, матеріалистическія заблужденія современныхъ людей, напротивъ, часто сопровождались великодушными побужденіями. Но, помимо того, что эта временная солидарность уже прекратилась, слѣдуетъ теперь признать, что, даже въ лучшихъ случаяхъ, эта интеллектуальная тенденція всегда до извѣстной степени задерживала самопроизвольный прогрессъ нашихъ наиболѣе благородныхъ инстинктовъ, такъ какъ она была склонна устранять или неправильно понимать аффективные явленія, недоступныя для ея грубыхъ гипотезъ. Весьма убѣдительнымъ примѣромъ такого вліянія матеріализма служитъ печальный приговоръ, вынесенный знаменитымъ Кабанисомъ средневѣковому рыцарству ¹⁾. Хотя сердце этого философа

¹⁾ Кабанисъ, «Rapports du physique et du moral de l'homme». Заключение V мемуара «О вліяніи половъ на идеи и нравственность»: «Два обстоятельства способствовали тому, что любовь у современныхъ народовъ подъ вліяніемъ искусственной экзальтаціи приняла уродливыя формы. Я имѣю въ виду, во-первыхъ, тѣ мало искусныя преграды, которыя родители или гражданскія учрежденія создаютъ....; я разумю здѣсь, во-вторыхъ, отсутствіе истинно великаго интереса и праздность зажиточныхъ классовъ въ монархическихъ государствахъ. Къ этому можно добавить остатки духа рыцарства, безсмысленнаго плода гнуснаго феодальнаго строя, и родъ заговора талантливыхъ людей направлять всю человѣческую энергію на мотовство, которое содѣйствовало бы окончательному пораженію народовъ».

было столь же чисто, и даже столь же нѣжно, какъ умъ его былъ возвышенъ и обширенъ, тѣмъ не менѣе, его матеріалистическія воззрѣнія помѣшали ему оцѣнить по достоинству дивную организацію культа женщины, созданную нашими энергичными предками.

Это рѣшительное устраненіе двухъ главныхъ обвиненій, естественнымъ образомъ направляемыхъ теперь по адресу систематическаго позитивизма вслѣдствіе его первоначальной солидарности съ эмпирическимъ позитивизмомъ, избавляетъ меня отъ необходимости долго останавливаться на частыхъ упрекахъ въ фатализмъ и оптимизмъ, несправедливость которыхъ гораздо легче показать.

Г Л А В А XX.

Позитивизмъ не вѣритъ въ неизбѣжность судьбы: онъ поддерживаетъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ и долженъ видоизмѣнять внѣшній порядокъ.

Не нужно удивляться тому, что съ момента зарожденія реальныхъ теорій фатализмъ всегда сопровождалъ каждое новое завоеваніе позитивизма. Когда какія-либо явленія переходятъ изъ-подъ опеки хотѣній, даже видоизмѣненныхъ въ сущности, подъ управленіе законовъ, то контрастъ между ихъ правильностью въ послѣднемъ случаѣ и первоначальнымъ непостоянствомъ долженъ, на самомъ дѣлѣ, сначала внушить мысль о предопредѣленіи, которая можетъ затѣмъ быть опровергнута только посредствомъ глубокой оцѣнки въ истинно научномъ духѣ. Эта ошибка тѣмъ болѣе неизбѣжна, что нашъ первоначальный типъ естественныхъ законовъ относится къ неизмѣннымъ для насъ явленіямъ небесныхъ движеній, говорящимъ намъ всегда о существованіи безусловной необходимости, которая затѣмъ невольно распространяется на болѣе сложныя явленія, по мѣрѣ того, какъ къ нимъ примѣняется позитивный методъ. Нужно даже признать, что догматъ позитивизма предполагаетъ всюду строгую непреложность основного порядка, самопроизвольныя или искусственныя измѣненія котораго могутъ быть всегда лишь второстепенными или временными. Ибо считать, что послѣднія не ограничены никакими предѣлами, было бы равносильно полному отрицанію естественныхъ законовъ.

Но, если, такимъ образомъ, понятна неизбѣжность обвиненія въ фатализмъ, направляемаго всегда по адресу новыхъ позитивныхъ теорій, то равнымъ образомъ очевидно, что слѣпое настаиваніе на подобномъ упрекѣ указываетъ теперь на весьма поверхностную оцѣнку истиннаго позитивизма. Ибо если для всѣхъ явленій естественный порядокъ неизмѣненъ въ своихъ главныхъ состояніяхъ, то также для всѣхъ, за исключеніемъ небесныхъ, его второстепенныя состоянія тѣмъ болѣе доступны измѣненію, чѣмъ они сложнѣе.

Позитивный духъ, по необходимости признающій предопредѣленіе, пока онъ ограничивается математико-астрономическими теоріями, немедленно теряетъ свой первоначальный характеръ, какъ только онъ начинаетъ распространяться на физико-химическія изслѣдованія и, въ особенности, на біологическія умозрѣнія, гдѣ измѣне-

вія можуть быть столь значительны. Поднявшись, наконецъ, до области общественно-вѣдѣнія, онъ окончательно освобождается отъ упрека, который онъ заслуживалъ въ эпоху своего младенчества, такъ какъ отнынѣ онъ будетъ, главнымъ образомъ, заниматься явленіями наиболѣе видоизмѣняемыми, въ особенности, посредствомъ нашего вмѣшательства.

Итакъ, очевидно, что догматъ позитивизма ведетъ насъ не къ оцѣпенѣнію, а къ дѣятельности, преимущественно соціальной, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ это могъ когда-либо сдѣлать теологическій догматъ. Разсѣивая напрасныя опасенія и несбыточныя надежды на помощь, онъ удерживаетъ насъ отъ вмѣшательства въ ходъ вещей только въ случаѣ безусловной невозможности.

Г Л А В А XXI.

Позитивизмъ не говоритъ, что все къ лучшему въ этомъ мірѣ: историческіе факты онъ разсматриваетъ относительно, но не оправдываетъ всѣхъ.

Обвиненіе въ оптимизмѣ еще менѣе обосновано, чѣмъ предыдущее; ибо эта тенденція не имѣетъ, подобно фатализму, нѣкоторой первоначальной солидарности съ позитивнымъ направлениемъ. Ея источникъ, напротивъ, чисто-теологическій; ея вліяніе падаетъ съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ позитивизмъ развивается.

Хотя неизмѣнныя небесныя явленія естественно внушаютъ намъ идею совершенства въ той же степени, какъ и идею необходимости, ихъ простота, однако, обнаруживаетъ столько недостатковъ естественнаго порядка, что оптимизмъ врядъ ли сталъ бы искать въ нихъ главную точку опоры, если бы первая разработка ихъ теорій не совершалась при господствѣ монотеистическихъ воззрѣній, заставившихъ предполагать проявленіе въ нихъ абсолютной мудрости. Основываясь на теоріи эволюціи, на которую опирается теперь систематическій позитивизмъ, новая философія самопроизвольно и все болѣе и болѣе выступаетъ и противъ оптимизма, и противъ фатализма, по мѣрѣ того, какъ она охватываетъ болѣе сложныя умозрѣнія, въ которыхъ становятся замѣтны какъ несовершенства естественнаго устройства, такъ и его видоизмѣненія. Поэтому какъ это обвиненіе, такъ и предыдущее менѣе всего умѣстны по отношенію къ соціальнымъ теоріямъ. Если въ пользу нихъ все же какъ-будто находятся кой-какіе доводы, то въ настоящее время это объясняется тѣмъ, что мыслители, разрабатывавшіе эту область, не могли хорошо знать ея природу и условія, такъ какъ не были достаточно проникнуты истинно научнымъ духомъ. Благодаря отсутствію надлежащей логической подготовки, ученые въ наши дни дѣйствительно часто злоупотребляли особеннымъ характеромъ соціальныхъ явленій и представляли абсолютнымъ ихъ самопроизвольный мудрый ходъ, который, правда, выше планомѣрности, допускаемой ихъ степенью сложности. Но поскольку эти явленія обусловлены разумными существами, постоянно стремящимися исправлять недостатки своего коллективнаго устройства, они и должны представлять болѣе совершенный порядокъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы при той же степени сложности

ихъ дѣйствующія силы были бы слѣпы. Такъ какъ истинное понятіе добра всегда относится къ соотвѣтствующему соціальному состоянію, то немислимо, чтобы какое-либо положеніе вещей или измѣненіе не могли въ извѣстныхъ отношеніяхъ найти себѣ оправданія, безъ котораго они были бы необъяснимы, какъ противорѣчащія природѣ людей данной эпохи и характеру событій.

Таковы мотивы, поддерживающіе въ настоящее время опасное стремленіе къ политическому оптимизму даже у наиболѣе выдающихся мыслителей, которые, не получивъ строго научнаго образованія, не въ силахъ окончательно освободиться отъ теологико-метафизическихъ привычекъ по отношенію къ наиболѣе высокимъ умозрѣніямъ. Въ самопроизвольной гармоніи между каждымъ соціальнымъ строемъ и соотвѣтствующимъ состояніемъ цивилизаціи, они, благодаря неточности опредѣленія, видятъ несуществующее совершенство. Но было бы несправедливо приписывать позитивизму заблужденія, очевидно несомвѣстимыя съ его дѣйствительнымъ направленіемъ и обусловленныя исключительно недостаточной логической и научной подготовкой тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ разрабатывали соціальные вопросы. Обязанность все объяснять приводитъ къ оправданію всего только тѣхъ ученыхъ, которые въ социологіи не умѣютъ отличать вліяніе лицъ отъ вліянія положеній.

ГЛАВА XXII.

Различныя значенія слова „позитивное“: относительное, органическое, точное, достовѣрное, полезное, дѣйствительное. Позже оно получитъ также моральное значеніе.

Разсматривая въ дѣломъ эту краткую оцѣнку основнаго направленія позитивизма, не трудно теперь понять, что всѣ характерныя черты новой философіи естественно резюмируются въ наименованіи, которое я ей далъ при ея зарожденіи.

Дѣйствительно, на всѣхъ западныхъ языкахъ словомъ позитивное и двумя производными отъ него словами обозначаются два свойства—реальность и полезность, сочетаніе которыхъ достаточно для опредѣленія истинно-философскаго духа, который, въ сущности, можетъ быть только обобщеннымъ и систематизированнымъ здравымъ смысломъ. Этотъ же терминъ напоминаетъ на всемъ Западѣ два качества—достоверность и точность, которыми современное мышленіе глубоко отличается отъ древняго. Последнее всѣми признанное свойство преимущественно характеризуетъ чисто-органическую тенденцію позитивнаго духа и тѣмъ отдѣляетъ его, несмотря на существовавшую первоначально связь, отъ просто метафизическаго духа, который всегда могъ быть только критическимъ: въ этомъ сказывается соціальное назначеніе позитивизма, именно замѣнить теологію въ духовномъ направленіи человѣчества.

Это пятое значеніе существеннаго термина здравой философіи естественнымъ образомъ приводитъ къ относительному характеру новаго интеллектуальнаго направленія, такъ какъ современный умъ сможетъ отказаться отъ критическаго отношенія къ прошлому только тогда, когда онъ откажется отъ всякаго абсолютнаго принципа.

Когда публика на Западѣ пойметъ это послѣднее, не менѣе реальное, хотя болѣе скрытое соотношеніе, позитивное станетъ всюду неотдѣлимо отъ относительнаго, какъ оно теперь неразрывно связано съ органическимъ, точнымъ, достовѣрнымъ, полезнымъ и дѣйствительнымъ.

Когда эти главные качества истинной человѣческой мудрости постепенно соединятся въ одномъ удачномъ наименованіи, останется только пожелать по необходимости болѣе поздняго присоединенія къ нимъ моральныхъ свойствъ. Хотя эта формула до сихъ поръ обнимала только простыя интеллектуальныя черты, однако, естественный ходъ современнаго умственнаго движенія позволяетъ надѣяться, что слово позитивное въ конечномъ итогѣ приметъ характеръ, еще болѣе относящійся къ сердцу, чѣмъ къ разуму. Это послѣднее расширеніе совершится тогда, когда будетъ надлежащимъ образомъ понято, что позитивный импульсъ, именно въ силу реальности, единственно характеризовавшей его вначалѣ, долженъ привести теперь къ систематическому преобладанію чувства надъ разумомъ и даже надъ дѣятельностью. Благодаря такому превращенію философія вновь получитъ свое первоначальное благородное назначеніе, соотвѣтствующее этимологическому значенію этого слова (любовь мудрости); это станетъ осуществимымъ только благодаря примиренію моральныхъ и умственныхъ условій въ окончательномъ построеніи истинной соціальной науки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соціальное назначеніе позитивизма, вытекающее изъ необходимой связи его со всей великой западной революціей.

ГЛАВА I.

Связь между французской революціей и позитивизмомъ.

Такъ какъ позитивная философія преимущественно характеризуется преобладаніемъ въ ея міропониманіи соціальной точки зрѣнія, то ея практическая пригодность естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ ея собственнаго теоретическаго строе- нія, которое, будучи хорошо понято, позволяетъ безъ затрудненія систематизировать дѣйствительную жизнь, а не ограничивается доставленіемъ намъ удовлетворенія чисто-созерцательнаго свойства. Съ другой стороны, это естественное примѣненіе ея значительно укрѣпляетъ ея истинный умозрительный характеръ, напоминая всегда о необходимости сосредоточить все научныя силы на одной конечной цѣли, сдерживая, такимъ образомъ, по возможности обычную склонность отвлеченныхъ изслѣдованій вырождаться въ праздыя умствованія.

Но эта общая связь не была бы достаточно сильна, чтобы доставить теперь первенство столь новому и столь сложному образу мыслей, если бы все современное положеніе вещей не налагало отнынѣ на философію новую, болѣе опредѣленную обя- занность—удовлетворять огромную соціальную потребность; это назначеніе филосо- фіи должно будетъ непосредственно привлечь интересъ публики къ ея теоретиче- скимъ успѣхамъ, и ея прочность окажется, такимъ образомъ, не менѣе обезпеченной, чѣмъ ея достоинство. Поэтому, разсмотрѣвъ позитивизмъ какъ необходимый продуктъ умственнаго движенія, я долженъ теперь указать его политическое назначеніе, такъ какъ безъ этого указанія его нельзя надлежащимъ образомъ оцѣнить.

Чтобы ясно опредѣлить сущность этого назначенія, достаточно дать здѣсь хорошо понять тѣсную связь новой философіи со всей великой революціей, которая вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ ¹⁾ глубоко волнуетъ передовую часть человѣчества,

¹⁾ Настоящее сочиненіе написано Контомъ въ 1848 г.

являясь конечнымъ результатомъ рѣшительнаго перехода, постепенно совершившагося въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ.

Этотъ кризисъ естественно долженъ былъ имѣть двѣ главныя фазы: одну отрицательную, закончившуюся на нашихъ глазахъ и навсегда разрушившую старую систему, не давъ, однако, еще опредѣленнаго и твердаго понятія о новомъ социальномъ состояніи; другую—положительную, которая уже началась и которая завершить основную разработку новой системы. Здравая философія должна была явиться послѣднимъ продуктомъ первой части кризиса и призвана отнынѣ руководить второй его частью; такова двойная связь позитивизма съ великой революціей, связь, которую мы предстоитъ здѣсь разсмотрѣть.

Г Л А В А II.

Отрицательная или разрушительная фаза революціи благопріятствовала идеѣ прогресса и, слѣдовательно, изученію социальныхъ явленій.

Умственная реакція, наступившая вслѣдъ за великой революціей, имѣла то важное значеніе, что только благодаря ей человѣческой разумъ могъ съ неослабной энергіей устремиться къ созданію новой системы, истинная природа которой была скрыта для наиболѣе выдающихся мыслителей восемнадцатаго вѣка бесполезными обломками стараго строя. Это рѣшительная реакція была, въ особенности, необходима для построенія социальной науки, такъ какъ она уясняетъ истинную идею человеческого прогресса, которая служитъ основаніемъ социальной науки и которая иначе не могла бы занять господствующаго положенія.

Въ древности, когда порядокъ вещей считался неизмѣннымъ, могла появиться только предварительная теорія социальной науки, и великій Аристотель удивительнымъ образомъ ее обработалъ; подобно тому, какъ въ области біологіи чисто-статическія умозрѣнія рождались тогда безъ всякаго динамическаго понятія. Всякая же дѣйствительная идея социального прогресса по необходимости была чужда древнимъ философамъ, ибо они не имѣли передъ глазами удовлетворительной исторической картины непрерывнаго прогресса человѣчества.

Въ средніе вѣка этотъ прогрессъ сталъ настолько яснымъ, что могло зародиться, въ началѣ инстинктивно, понятіе о нашей способности совершенствоваться; это случилось, благодаря существовавшему тогда всеобщему убѣжденію въ превосходствѣ католицизма надъ политеизмомъ и іудаизмомъ, даже раньше, чѣмъ установленіе феодальнаго режима на развалинахъ римскаго строя дополнило духовную оцѣнку подтвержденіемъ гражданскаго свойства. Какъ бы смутно ни было это первоначальное чувство человеческого прогресса, оно все же обладало энергіей въ высокой степени и было довольно широко распространено, но оно значительно ослабѣло во время теологико-метафизической распри. Чтобы понять дѣйствительное начало прогрессивнаго стремленія, отличающаго великую семью западныхъ народовъ и удержавшаго ихъ отъ многихъ научныхъ заблужденій, нужно будетъ всегда восходить

къ этой эпохѣ, особенно къ тому времени, когда метафизика протестантовъ или действъ наименѣе искажала благородныя чувства среднихъ вѣковъ.

Но какъ ни было необходимо это первоначальное мнѣніе, оно, конечно, не могло быть достаточнымъ для построения основной теоріи человѣческаго прогресса. Ибо, чтобы составить какую-либо прогрессію нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, три члена, а тогда можно было составить только два, именно, сравнивать средніе вѣка съ древностью. Сверхъ того, абсолютный характеръ теологической философіи, руководившей этимъ первымъ сравненіемъ мѣшалъ даже предположить существованіе третьяго члена, такъ какъ эта философія считала католическо-феодальный режимъ въ высшей степени совершеннымъ, уступающимъ развѣ только религіозной утопіи о будущей жизни.

Когда теологія пала настолько, чтобы не представлять препятствія въ этомъ отношеніи для воображенія современнаго человѣка, то это паденіе сначала повлекло за собой родъ умственной реакціи, которая долгое время была неблагопріятна для первой разработки идеи прогресса и выражалась въ слѣпой ненависти къ среднимъ вѣкамъ. Почти всѣ мыслители презирали господствовавшія тогда вѣрованія и были охвачены неразумнымъ восхищеніемъ къ древности до того, что совершенно отрицали превосходство средневѣкового соціального строя, нѣкоторое дѣйствительное пониманіе котораго сохранилось только среди необразованной массы и, въ особенности, у народовъ, не принявшихъ протестантства.

Идея прогресса начала занимать умы современныхъ народовъ только, когда она возродилась въ новой формѣ въ серединѣ семнадцатаго столѣтія, благодаря завершенію элементарной эволюціи, которая была произведена избранной частью человѣчества въ наукахъ и промышленности и даже, хотя менѣе явно, въ области изящныхъ искусствъ. Но, несмотря на то, что эти частичныя научныя пріобрѣтенія дѣйствительно явились первымъ непосредственнымъ источникомъ систематическихъ понятій нашего вѣка о человѣческомъ прогрессѣ, они, однако, никоимъ образомъ не могли указывать на прогрессъ въ соціальномъ положеніи; онъ оставался даже болѣе сомнительнымъ, чѣмъ въ средніе вѣка; а между тѣмъ, соціальные вопросы важнѣе всѣхъ этихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія.

Революціонное потрясеніе, рѣшительно толкнувшее Францію, представляющую собой нормальный центръ Запада, на путь полнаго преобразованія, было, такимъ образомъ, необходимо для построения этой прогрессіи; оно указывало, по крайней мѣрѣ въ отдаленной и туманной перспективѣ, на третій существенно важный членъ, истинный образъ новаго порядка, сравненіе котораго съ средними вѣками ознаменовало собой такой же общій и смѣлый шагъ, какъ тотъ, который совершили наши предки рыцарской эпохи подъ вліяніемъ справедливаго сознанія превосходства ихъ соціального строя надъ общественнымъ порядкомъ древнихъ народовъ.

Пока католико-феодальный режимъ не былъ окончательно уничтоженъ, его гордые обломки скрывали политическое будущее, лишая возможности составить ясное представленіе о непрерывномъ прогрессѣ общественности. Въ силу особенности, свойственной соціальнымъ явленіямъ, зрѣлище должно здѣсь развиваться одновременно съ зрителемъ. До начала великаго кризиса политическая эволюція, способная служить экспериментальнымъ основаніемъ для теоріи прогресса, оставалась, можно сказать,

еще настолько неполной, что умъ не былъ въ состояніи ее оцѣнить. Сто лѣтъ тому назадъ наиболѣе выдающіеся мыслители на самомъ дѣлѣ не могли реально представить себѣ непрерывный поступательный ходъ человѣчества, и оно имъ казалось обреченнымъ на круговое или колебательное движеніе. Но подъ вліяніемъ революціи дѣйствительный инстинктъ человѣческаго прогресса самостоятельно и болѣе или менѣе рѣшительно пробудился у всѣхъ здравомыслящихъ людей сначала во Франціи, а затѣмъ и на всемъ Западѣ.

Итакъ, именно этому спасительному потрясенію мы обязаны силой и смѣлостью, позволившими намъ создать себѣ понятіе, на которомъ по необходимости покоится истинная социальная наука и, слѣдовательно, вся позитивная философія, которая стала всеобщей только благодаря этой наукѣ. Безъ теоріи прогресса, теорія порядка была бы недостаточной, даже если была бы допущена возможность построить на ней социологию, которая можетъ вытекать лишь изъ тѣснаго сочетанія этихъ двухъ теорій; потому что прогрессъ, во всѣхъ отношеніяхъ, есть не что иное какъ развитіе порядка и является также его единственнымъ и рѣшительнымъ показателемъ. Поэтому понятно, насколько позитивная философія непосредственно вытекаетъ изъ французской революціи, не говоря уже о томъ, что далеко не случайно совпаденіе революціи съ завершеніемъ постройки научнаго фундамента этой философіи.

Но, чтобы дополнить эту оцѣнку нужно теперь признать, что благотворное вліяніе умственной реакціи, вызванной глубокимъ потрясеніемъ социальныхъ устоевъ могло начаться только тогда, когда чисто-революціонный духъ былъ настолько ослабленъ, что свѣтъ, озарившій будущее, не мѣшалъ болѣе видѣть совокупность прошлаго

Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, сильное революціонное пробужденіе начало намъ открывать, хотя смутно, третій членъ социальной прогрессіи, оно, съ другой стороны, препятствовало намъ справедливо оцѣнивать второй, пока продолжалась слѣпая ненависть, которую освободительное движеніе должно было намъ внушить ко всему средневѣковому и безъ которой мы не могли бы окончательно порвать со старымъ порядкомъ. Уничтоженіе промежуточнаго члена не менѣе вредило составленію общаго понятія, чѣмъ отсутствіе третьяго члена, который слишкомъ отличается отъ перваго, чтобы быть съ нимъ непосредственно сравниваемъ. Поэтому невозможно было образовать истинную теорію человѣческаго прогресса, не воздавъ сначала должнаго среднимъ вѣкамъ, которые одновременно и соединяли и раздѣляли древнее и новое состоянія. А эта справедливая оцѣнка была, конечно, несовмѣстима съ господствомъ собственно революціоннаго духа.

Въ этомъ смыслѣ сильная философская реакція, вызванная знаменитымъ Де Мэстромъ, сыграла огромную роль въ подготовленіи истинной теоріи прогресса. Несмотря на очевидно ретроградный духъ, одушевлявшій эту кратковременную школу, ея труды будутъ всегда занимать мѣсто среди трудовъ, подготовившихъ систематическій позитивизмъ, хотя новая философія въ своемъ окончательномъ развитіи рѣшительно отвергла ихъ, воспользовавшись всѣми ихъ существенными результатами.

Такимъ образомъ, истинная социальная наука и здравая философія могли явиться только плодомъ молодого, полнаго революціоннаго пыла ума, который впиталъ въ себя все то, что въ трудахъ реакціонной школы было цѣннаго относительно историческаго значенія среднихъ вѣковъ. Только тогда могла зародиться

настоящее историческое направлѣніе, всеобщее сознание непрерывности человѣческаго прогресса, дотолѣ неизвѣстное даже моему главному предшественнику, знаменитому и несчастному Кондорсэ.

Къ тому же времени геніальный Галль завершилъ новую систематическую разработку біологіи, создавъ научную теорію внутреннихъ функцій мозга, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку индивидуальная эволюція позволяетъ ихъ оцѣнить.

Все это даетъ возможность окончательно понять совокупность социальныхъ и умственныхъ условій, благодаря которымъ открытіе социологическихъ законовъ и, слѣдовательно, созданіе позитивизма должны были имѣть мѣсто именно въ то время, когда я выступилъ на философскомъ поприщѣ, т.-е. черезъ одно поколѣніе послѣ прогрессивной диктатуры Конвента или почти съ момента паденія ретроградной тираніи Бонапарта.

Итакъ, великое революціонное потрясеніе и даже наступившая послѣ него долгая реакція должны были предшествовать и подготовить систематическую концепцію новой общей доктрины. Если уже философская обработка позитивизма требовала такого подготовленія, то оно было еще болѣе необходимо для его общественнаго признанія: для этого надо было обезпечить достаточную свободу изложенія и обсужденія его и въ особенности расположить въ его пользу общественное мнѣніе. Было бы излишне здѣсь настаивать на столь очевидной необходимости.

Г Л А В А III.

Доказательства безсилія метафизической или критической доктрины.

Послѣ того, какъ мы признали, что позитивизмъ явился результатомъ первой фазы революціи, мы должны теперь разсмотрѣть, почему онъ долженъ былъ руководить и второй фазой.

Здравая историческая оцѣнка далеко не устанавливаетъ того, что революція вызвала разрушеніе стараго порядка; напротивъ, она доказываетъ, что этотъ великій кризисъ обусловленъ сначала произвольнымъ, затѣмъ систематическимъ внутреннимъ разложеніемъ, которому, начиная съ четырнадцатаго вѣка, средневѣковая политическая система все болѣе и болѣе подвергалась на всемъ Западѣ и, въ особенности, во Франціи. Отнюдь не продолжая отрицательнаго движенія предшествовавшихъ пяти вѣковъ, революція тотчасъ же кладетъ ему предѣлъ, обнаруживая въ окончательномъ потрясеніи непоколебимое рѣшеніе всецѣло отречься отъ одряхлѣвшаго строя и непосредственно приступить къ полному преобразованію. Это рѣшеніе особенно ярко выразилось въ совершенномъ уничтоженіи королевской власти, съ которой были послѣдовательно связаны все обломки духовнаго и гражданскаго характера стараго французскаго государственнаго строя. Но за исключеніемъ этого необходимого предварительнаго акта, занявшаго только первое засѣданіе главнаго революціоннаго собранія, движеніе въ цѣломъ имѣло съ самаго начала, по существу, органическое назначеніе, въ особенности обнаружившееся, когда республиканское направлѣніе стало преобладающимъ.

Тѣмъ не менѣе ясно, что, вопреки этой основной тенденціи, первая часть революціи въ дѣйствительности была по преимуществу отрицательной. Эта первоначальная неудача въ области созидательной была вызвана не только настоятельными требованіями трудной и славной борьбы, которую Франція вела за свою независимость противъ грозныхъ нападеній ретроградной коалиціи; ее должно, главнымъ образомъ, приписать чисто-критическому характеру метафизическихъ доктринъ, которыя однѣ только могли руководить революціоннымъ движеніемъ.

Несмотря на естественную солидарность двухъ непрерывныхъ развитій,—отрицательнаго и положительнаго,—совершавшихся съ конца среднихъ вѣковъ, первое по необходимости оказалось болѣе подвинувшимся, чѣмъ второе. Дряхлость стараго режима должна была, такимъ образомъ, вызвать желаніе полного обновленія прежде, чѣмъ предварительное подготовленіе новаго строя могло быть достаточно выполнено, чтобы его истинная природа стала въ общихъ чертахъ очевидной. Приходится даже признать, что рѣшительная разработка преобразовательной доктрины не только не могла предшествовать революціонному потрясенію, но стала возможна лишь подъ его напоромъ. Не трудно поэтому понять непреодолимую неизбѣжность примѣнять въ это время въ качествѣ органическихъ принциповъ чисто-критическія доктрины, долженствовавшія руководить предшествовавшей борьбой. Хотя эта отрицательная метафизика становилась беспочвенной какъ только старый порядокъ былъ открыто осужденъ, однако, ея догматы были единственными общепринятыми и содержали единственную формулу, которая соотвѣтствовала соціальному прогрессу. Итакъ, первоначальное движеніе должно было совершаться подъ руководствомъ безусловно отсталой доктрины, которая не могла удовлетворить своему новому назначенію.

Эта философія, по необходимости бессильная что-либо создать, имѣла органическое значеніе только въ томъ отношеніи, что она туманно формулировала, скорѣе сентиментальную, чѣмъ рациональную, программу политическаго будущаго, но нисколько не указывала какимъ образомъ къ нему подготовиться. Критическіе догматы, возведенные, такимъ образомъ, въ органическіе принципы, должны были вскорѣ, въ силу своего абсолютнаго характера, развить глубокое анархическое стремленіе столь же враждебное основамъ новаго порядка, какъ и развалинамъ стараго строя.

Итакъ, рѣшительный опытъ, память о которомъ неизгладима и который благодаря этому не можетъ быть повторенъ, показываетъ безусловную органическую неспособность доктрины, руководившей въ началѣ революціоннымъ движеніемъ, которое только доказало настоятельную необходимость полного обновленія, не указавъ, однако, его характера.

Г Л А В А IV.

Періодъ реакціи (отъ 1794 до 1830 г.).

Въ создавшемся анархическомъ состояніи философіи и политики возникла сильная потребность въ порядкѣ, которая должна была вызвать продолжительную ретроградную реакцію; послѣдняя началась легальнымъ деизмомъ Робеспьера, особенно развивалась послѣ завосваній Бонапарта и слабо продолжалась, несмотря на

воцарившійся миръ, при его жалкихъ преемникахъ. Ея прочнымъ результатомъ было только историческое и догматическое доказательство школы Де Мэстра ничтожнаго соціального значенія современной метафизики; въ умозрительномъ отношеніи ея недостаточность проявилась въ рѣшительномъ распространеніи позитивнаго метода на самыя высокія біологическія теоріи, благодаря удачнымъ работамъ Кабаниса и въ особенности Галля. Впрочемъ, это медленное противодѣйствіе окончательному освобожденію человѣчества далеко не достигло своей политической цѣли, а пробудило только влеченіе къ прогрессу, вслѣдствіе непреодолимаго отвращенія, которое внушала всюду мысль о возстановленіи стараго порядка, одряхлѣвшаго до того, что его природа и условія стали непонятными даже для тѣхъ, кто старался его возродить.

Это неизбежное пробужденіе революціоннаго духа стало обнаруживаться съ момента, когда, благодаря наступившему миру, пала главная опора реакціонной системы. Но это обновленіе отрицательной метафизики не сопровождалось болѣе никакими иллюзіями насчетъ ея органической способности. Ея догматы были приняты, за неимѣніемъ лучшей доктрины, въ сущности, только какъ средство для опроверженія ретроградныхъ принциповъ, подобно тому, какъ послѣдніе обязаны были кажущейся благосклонностью къ нимъ общественнаго мнѣнія только потребности сдерживать анархическія стремленія. Возникшіе новые споры о старыхъ предметахъ вскорѣ показали публикѣ, что окончательное разрѣшеніе волнующихъ ее вопросовъ еще невозможно; поэтому она придавала реальное значеніе только условіямъ порядка и свободы, ставшими не менѣе необходимыми для философской работы, чѣмъ для матеріальнаго благополучія.

Такое положеніе вещей оказалось чрезвычайно благопріятнымъ для построенія окончательной доктрины, основной принципъ которой дѣйствительно выяснился въ теченіе этой послѣдней фазы ретрограднаго движенія, когда я въ 1822 г. открылъ двойной общій законъ теоретической эволюціи.

Г Л А В А V.

Стаціонарное состояніе (отъ 1830 до 1848 г.).

Кажущееся равнодушіе публики, не видѣвшей ни на одномъ знамени истинной формулы соціального будущаго, было принято слѣпой властью за молчаливое одобреніе ея бесполезныхъ проектовъ. Но лишь только гарантіямъ прогресса стала угрожать серьезная опасность, памятное потрясеніе 1830 г. положило навсегда конецъ ретроградной политикѣ, начавшейся тридцать шесть лѣтъ тому назадъ. Ея основы стали уже столь шатки, что ея сторонники сами собою дошли до отрицанія своихъ собственныхъ доктринъ и стали развивать на свой ладъ главныя революціонныя ученія. Послѣднія, въ свою очередь, открыто отвергались ихъ старыми приверженцами, по мѣрѣ того какъ они становились достояніемъ правительства. Двойное и рѣшительное разрушеніе реакціонной системы наилучшимъ образомъ характеризуется для исторіи спорами, относящимися къ свободѣ образованія, которая въ продолженіе двадцати лѣтъ попеременно то допускалась, то отвергалась, во имя однихъ и тѣхъ

же мнимыхъ принциповъ, представлявшихъ съ обѣихъ сторонъ только отстаиваніе своихъ интересовъ. Это коренное разложеніе старыхъ убѣжденій непосредственно привело къ пробужденію общественнаго мнѣнія, требовавшаго отнынѣ согласованія духа порядка съ духомъ прогресса. Но это требованіе еще явственнѣе обнаружило полное отсутствіе дѣйствительнаго рѣшенія этой великой задачи, ибо позитивизмъ, единственно содержавшій принципъ рѣшенія, еще только нарождался. Напротивъ, все ходячія мнѣнія стали одновременно анархическими и ретроградными. Что же касается того воззрѣнія, которое предполагало ихъ согласованія, то благодаря своему органическому ничтожеству оно могло имѣть лишь то реальное значеніе, что одинаково поощряло и анархію и реакцію, постоянно уравнивая ихъ путемъ натравливанія ихъ другъ на друга. Никто, въ сущности, не видѣлъ серьезнаго разрѣшенія великой революціи въ мнимомъ созданіи конституціонной монархіи, которая противорѣчила всему прошлому Франціи и могла намъ дать только тщетное эмпирическое подражаніе несовершенному политическому строю, преимущественно годному для Англіи.

Такимъ образомъ, эти послѣднія восемнадцать лѣтъ слѣдуетъ разсматривать какъ эпоху неподвижнаго состоянія, когда отсутствіе господствующей доктрины мѣшало приступить къ органическому завершенію революціи, несмотря на то, что ретроградная реакція, вызванная первоначальнымъ потрясеніемъ, окончательно прекратилась. Одни только настоящіе философы вступили на новый революціонный путь съ тѣхъ поръ, какъ построение социальной науки позволило, наконецъ, точно опредѣлить общій характеръ человѣческаго будущаго, неизвѣстнаго моему главному предшественнику. Но для того, чтобы преобразовательная доктрина могла свободно стремиться къ мирному завоеванію общества, нужно было открыто осудить оффиціальную ложь объ окончаніи революціи благодаря установленію парламентарнаго режима, и предоставить руководство духовнымъ перерожденіемъ независимымъ мыслителямъ. Таково, несомнѣнно, будетъ двоякое философское воздѣйствіе чудеснаго политическаго превращенія, пережитого Франціей.

Г Л А В А VI.

Уничтоженіе королевской власти. Республиканскій духъ предполагаетъ подчиненіе политики морали.

Благодаря паразитическому инстинкту нашихъ энергичныхъ пролетаріевъ, слабыя ретроградныя покушенія власти, переставшей удовлетворять своему первоначальному назначенію, были замѣчены и вызвали безвозвратное уничтоженіе французской королевской власти, которая давно уже потеряла свое бывшее обаяніе и составляла только сильное препятствіе для прогресса, не представляя никакой пользы для порядка. Ея бесполезное господство непосредственно мѣшало духовному преобразованію, но въ то же время ея дѣйствительное вліяніе было недостаточно для прекращенія жалкаго политическаго волненія, поддерживаемаго соперничествомъ чисто личныхъ интересовъ.

Республиканскій принципъ въ своемъ отрицательномъ значеніи окончательно резюмируетъ первую часть революціи, дѣлая невозможнымъ всякое возвращеніе королевской власти, которая, начиная со второй половины царствованія Людовика XIV, естественно объединяла всѣ ретроградныя стремленія. Въ своемъ положительномъ смыслѣ, онъ выражаетъ прямое начало преобразованія, провозглашая основное подчиненіе политики морали, т.-е. неизмѣнное посвященіе всѣхъ силъ служенію обществу.

Безъ сомнѣнія, этотъ принципъ существуетъ еще только какъ чувство; но именно на почвѣ чувства онъ долженъ былъ возникнуть и послѣ своей необходимой систематизаціи онъ именно какъ чувство всегда будетъ господствовать, какъ это устанавливаетъ первая часть настоящаго разсужденія. Съ этой точки зрѣнія французы, какъ достойный авангардъ великой семьи западныхъ народовъ, въ сущности, начали уже нормальную эру: ибо они безъ всякаго теологическаго вмѣшательства провозгласили истинный социальный принципъ, возникшій впервые въ средніе вѣка подъ влияніемъ католицизма, но получившій возможность первенствовать только подъ руководствомъ болѣе совершенной философіи и въ лучше подготовленной средѣ. Такимъ образомъ, Французская республика стремится освятить основную доктрину позитивизма, утверждающую всеобщее преобладаніе чувства надъ разсудкомъ и даже надъ дѣятельностью. Такая исходная точка должна вскорѣ привести общественное мнѣніе къ пониманію новой философіи, какъ единственно способной привести въ систему этотъ окончательный строй.

Г Л А В А VII.

Необходимое согласованіе между порядкомъ и прогрессомъ. Порядокъ останется регрессивнымъ, пока прогрессъ будетъ анархическимъ.

Новое положеніе вещей дѣлаетъ болѣе нагляднымъ вопросъ о необходимомъ согласованіи между порядкомъ и прогрессомъ, поставленный въ теченіе предыдущаго политическаго кризиса. Въ то же время полное безсиліе всѣхъ современныхъ шеоля выполнить эту безспорную программу становится, такимъ образомъ, болѣе очевиднымъ. Ибо безвозвратное уничтоженіе королевской власти разрушаетъ одновременно и послѣднее серьезное препятствіе, мѣшавшее еще социальному прогрессу, и единственную сохранившуюся гарантію общественного порядка.

Однако, всѣ политическія направленія, побуждаемыя теперь съ двухъ сторонъ къ строительству, ограничиваются чисто отрицательной дѣятельностью, состоящей для каждаго въ критикѣ—и то весьма неумѣлой—заблужденій противниковъ.

Въ состояніи, гарантирующемъ прогрессъ, но оставляющемъ беззащитнымъ порядокъ, послѣдній естественно требуетъ большихъ попеченій, для которыхъ нѣтъ еще надлежащаго систематическаго органа. Между тѣмъ опытъ рѣшительно доказалъ чрезвычайную непрочность всякаго чисто матеріальнаго строя, основаннаго исключительно на интересахъ и не опирающагося ни на чувства, ни на убѣжденія. Но съ другой стороны, при отсутствіи дѣйствительно господствующихъ доктринъ,

духовный порядокъ остается невозможнымъ. Нельзя даже рассчитывать на политическое вліяніе соціального чувства, которое, будучи лишено принциповъ, часто приводитъ къ безпорядку. Въ силу этого, хотя недостаточность матеріального режима всеобще признана, онъ по необходимости продолжается. Однако, республиканское состояніе уничтожаетъ наиболѣе характерное свойство этого режима, именно взяточничество, которое замѣнилось болѣе или менѣе продолжительнымъ усиленіемъ гнета всякій разъ, когда анархія особенно усиливается. Но эти временныя мѣры соразмѣрны соотвѣствующимъ требованіямъ момента, между тѣмъ какъ порядокъ, которому въ этомъ случаѣ угрожаетъ большая опасность, нуждается для своего поддержанія въ болѣе энергичныхъ средствахъ.

Недолго спустя послѣ первоначальнаго составленія этого разсужденія, безпримѣрное революціонное движеніе ¹⁾ показало, что для защиты общественнаго порядка республика имѣетъ въ своемъ распоряженіи силы, значительно превосходящія тѣ, которыми могла располагать монархія. Королевская власть теряетъ, такимъ образомъ, единственное преимущество, которое говорило еще въ ея пользу, и отнынѣ ея единственное политическое проявленіе заключается въ ретроградномъ движеніи.

Между тѣмъ, благодаря вышеуказанному противорѣчивому положенію, ея партія какъ-будто стала теперь органомъ сопротивленій, поддерживающихъ матеріальный порядокъ. Такъ какъ только ея доктрины обладаютъ еще извѣстнымъ органическимъ, хотя и ретрограднымъ характеромъ, консервативные элементы объединяются въ ней, не встрѣчая серьезнаго противодѣйствія со стороны прогрессивныхъ элементовъ, смутно чувствующихъ свою настоящую неспособность. Но въ то же время оказывается, что эти принципы въ корень разрушены даже у приверженцевъ этой партіи, официальное значеніе которыхъ покоится на свободномъ одобреніи революціонныхъ догматовъ, обреченныхъ, такимъ образомъ, гибнуть въ лагерѣ ретроградовъ. Потребность въ порядкѣ теперь такъ сильна, что она на время доставляетъ преобладаніе партіи, лишившейся своихъ старыхъ убѣжденій и, казалось, уже исчезнувшей съ политическаго горизонта раньше водворенія нашей республики. Только позитивизмъ можетъ объяснить и положить конецъ этому ненормальному положенію вещей, основанному на слѣдующемъ очевидномъ законѣ; порядокъ остается регрессивнымъ, пока прогрессъ носитъ анархическій характеръ.

Но въ сущности попятное движеніе неосуществимо и его принципы всегда нейтрализуются непослѣдовательными уступками. Несмотря на самохвальство вожаковъ этого движенія, увѣряющихъ, что республиканскій строй разрушенъ, онъ самопроизвольно продолжаетъ существовать въ силу только своей своевременности, которая становится еще очевиднѣе отъ ребяческаго противодѣйствія почти всѣхъ официальныхъ властей. Когда инстинктъ совершенствованія будетъ систематизированъ, его непреодолимый подъемъ вскорѣ укажетъ истинный источникъ современнаго строя.

¹⁾ Іюньскіе дни 1848 г.

Г Л А В А VIII.

Неудовлетворительность различныхъ политическихъ партій.

Кажущееся господство теологическихъ теорій, безсознательно подготовляя этотъ нормальный выходъ, ставитъ позитивизмъ въ положеніе, о которомъ я мечталъ вотъ уже десять лѣтъ, именно создаетъ возможность непосредственной борьбы между двумя органическими системами безъ всякаго вмѣшательства критики. Метафизика, которая всегда была непослѣдовательна, теперь окончательно признается бесполезной въ томъ самомъ строѣ, въ которомъ она надѣялась первенствовать. Когда дѣло доходитъ до созидательной работы, то вскорѣ обнаруживается полная бесполезность всѣхъ тѣхъ школъ, которыя ограничиваются непрерывными протестами противъ теологическихъ учрежденій, допуская, однако, ихъ основные принципы. Онѣ настолько обезсилены, что не могутъ болѣе выполнять надлежащимъ образомъ своей старой отрицательной функціи, отнынѣ ставшей побочной принадлежностью позитивизма, являющагося единственнымъ твердымъ оплотомъ какъ противъ ретрограднаго движенія, такъ и противъ анархіи.

Дѣйствительно, психологи въ собственномъ смыслѣ потерпѣли пораженіе одновременно съ конституціонной королевской властью вслѣдствіе тѣснаго сродства этихъ двухъ продуктовъ протестантства. Но ихъ естественные противники, идеологи, которые, казалось, должны были, такимъ образомъ, обрѣсти свое былое вліяніе на народъ, не могли вернуть къ своимъ устарѣвшимъ доктринамъ былого довѣрія революціонеровъ. Наиболѣе передовые изъ нихъ, недостойные наслѣдники вольтеровской и даптоновской школъ, показали себя совершенно неспособными, по недостатку сердца и ума, руководить второй частью революціи которую они едва отличаютъ отъ первой. Я сначала судилъ о нихъ по чисто исключительному среди нихъ типу, по благородному Арману Каррелю, который, къ сожалѣнію, столь рано былъ похищенъ у нашей республики. Истинныя республиканскія убѣжденія не могли существовать у тѣхъ, кто, будучи воспитаны въ парламентскихъ интригахъ, руководили или содѣйствовали продолжительному заговору французской печати, имѣвшимъ цѣлью реабилитировать Бонапарта. Ихъ жалкая власть могла поддерживать матеріальный порядокъ, только опираясь на ретроградную партію; и они, постыдно отрекшись отъ своей философской вѣры, стали вскорѣ просто ея помощниками. Этотъ чудовищный союзъ останется навсегда характернымъ для гнуснаго предпріятія, всѣ свободные соучастники котораго вскорѣ получатъ справедливое пожизненное наказаніе въ ожиданіи суроваго приговора исторіи.

Но эта же тенденція реакціоннаго лицемѣрія уже ясно проявилась у другой группы деатовъ, учениковъ Руссо и подражателей Робеспьера. Хотя они, какъ недолго стоявшіе у кормила правленія, не такъ низко пали въ глазахъ народа, все же они не имѣютъ теперь никакой реальной точки опоры. Ихъ дикія анархическія воззрѣнія прямо несовмѣстимы со всеобщимъ современнымъ настроеніемъ, поддерживающимъ неизмѣнно промышленную дѣятельность, научный духъ и эстетическіе

вкусы. Эти ученые отъ гильотины, пустые софизмы которыхъ хладнокровно доказывали необходимость исключительныхъ жестокостей, были вскорѣ вынуждены для сохраненія своей популярности одобрить временное уничтоженіе государственнаго эшафота. Та же необходимость заставляетъ ихъ теперь отказаться отъ единственнаго реального смысла ихъ кровавой эмблемы, служащей для означенія ихъ партіи, которая слишкомъ неопредѣленна, чтобы носить другое имя. Занятые слѣпой заботой о метафизическихъ правахъ, которыя народъ спокойно позволилъ у себя отнять, когда этого, повидимому, потребовалъ порядокъ, и въ которыхъ они упорно полагаютъ рѣшеніе республиканскаго вопроса, они также плохо поняли истинныя стремленія пролетаріата. Стремясь всегда угнетать во имя прогресса, они берутъ себѣ образцомъ государственнаго строя краткое и ненормальное политическое состояніе, которое никогда не повторится. Будучи единственными сторонниками войны въ эпоху ненарушаемаго мира и ограничивая упорядоченіе труда уничтоженіемъ промышленной іерархіи, созданной въ средніе вѣка, эти фразеры, проповѣдующіе анархію, во всѣхъ отношеніяхъ рѣшительно отвергаются своимъ вѣкомъ. Хотя пролетаріи питаютъ еще нѣкоторое довѣріе къ недостойнымъ или неспособнымъ вожакамъ, однако, теперь, когда метафизическіе предрассудки не смогутъ уже болѣе разжечь политическія страсти, это быстро падающее довѣріе не можетъ стать серьезной опасностью. Дѣйствительное значеніе анархической партіи заключается преимущественно въ роли пугала для ретроградной партіи, что побуждаетъ средніе классы выражать ей внѣшнее одобреніе, всегда противорѣчащее ихъ характеру и ихъ привычкамъ. Если бы, противъ всякаго вѣроятія, эти бесполезные уравниатели стали во главѣ правительства, то ихъ кратковременное царствованіе вызвало бы вскорѣ ихъ окончательное паденіе, ибо оно доказало бы народу ихъ полную неспособность руководить преобразованиемъ запада. Такимъ образомъ, подъ непрерывнымъ давленіемъ событій общественное мнѣніе все болѣе и болѣе высказывается противъ всякаго метафизическаго направленія, какъ оно раньше высказывалось противъ всякаго теологическаго направленія. Это окончательное паденіе всѣхъ отсталыхъ школъ подготавливаетъ всеобщее признаніе позитивизма, единственно соответствующаго истиннымъ стремленіямъ девятнадцатаго вѣка, равно какъ его существеннымъ потребностямъ.

Г Л А В А IX.

Необходимость новой общей доктрины.

Чтобы пополнить характеристику современнаго положенія вещей во Франціи, достаточно указать, что общій ходъ преній и, въ особенности, событій, показывая съ большей очевидностью, чѣмъ раньше, основную потребность въ дѣйствительно всеобщей доктринѣ, способной положить конецъ политическимъ шатаніямъ и устранить или прекратить нарушенія порядка, обнаруживаетъ также особую необходимость въ духовной власти, которая одна только можетъ служить гарантіей практическаго значенія подобной философіи. При всѣхъ своихъ безчисленныхъ разногласіяхъ наши ме-

тафизическія секты сходятся въ этомъ тѣсномъ смѣшеніи двухъ основныхъ властей, и это воззрѣніе, начиная съ четырнадцатаго вѣка и, въ особенности, подъ вліяніемъ протестанства, все болѣе и болѣе возводилось въ главный революціонный догматъ, которому ненавистенъ средневѣковой строй.

Подобно своимъ греческимъ предшественникамъ, мнимые современные философы, психологи или идеологи, всегда добивались полнаго сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ всѣхъ человѣческихъ властей; они даже распространяли это заблужденіе среди ученыхъ специалистовъ.

Только систематическій позитивизмъ позволяетъ теперь оцѣнить удивительный инстинктъ, побуждавшій всѣхъ выдающихся людей средневѣковья отдѣлять моральную власть отъ политической. Это основное дѣленіе, являющееся образцовымъ произведеніемъ соціального искусства и человѣческой мудрости, слишкомъ опередило свою эпоху для того, чтобы имѣть прочный успѣхъ, какъ вслѣдствіе теологическаго характера руководящихъ принциповъ, такъ и въ силу военного направленія активной жизни. Составляя главный фундаментъ будущаго строя, оно нынѣ пользуется пониманіемъ и уваженіемъ только въ новой философской школѣ, гдѣ и занимаетъ надлежащее почетное мѣсто, хотя оно пользуется также симпатіями народовъ, не принявшихъ протестанства.

Съ самаго начала революціи ученые педанты прямо стремились къ соціальному всемогуществу, о которомъ они всегда мечтали, какъ объ идеальномъ типѣ политическаго совершенства. Хотя естественные успѣхи общественнаго мнѣнія больше не допускаютъ опаснаго распространенія этой ретроградной утопіи, они, однако, еще слишкомъ безсистемны, чтобы помѣшать нѣкоторымъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Въ настоящее же время, когда политическое положеніе таково, что честолюбіе метафизическихъ новаторовъ можетъ не ограничиваться ролью простыхъ сторонниковъ министерства, они всѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, домогаются практическаго и теоретическаго главенства. Непрекращающіеся раздоры въ ихъ собственномъ лагерѣ и ихъ общее несогласіе съ современной средой устраняютъ опасеніе, что они когда-нибудь получатъ возможность серьезно препятствовать свободѣ мысли и проведутъ въ качествѣ закона какую-нибудь доктрину. Но они достаточно сдѣлали попытокъ въ этомъ направленіи, чтобы ясно показать общественному мнѣнію необходимо стѣснительный характеръ всякой соціальной теоріи, противорѣчащей истинному основному принципу новѣйшей политики, состоящему въ нормальномъ раздѣленіи двухъ главныхъ властей.

Такимъ образомъ, возмущеніе, которое вызоветъ честолюбіе метафизиковъ, неминуемо подвигнетъ на спеціальную оцѣнку рѣшительныхъ доказательствъ новой философіи, которая все болѣе и болѣе будетъ представлять это дѣленіе одинаково необходимымъ какъ для порядка, такъ и для прогресса. Если позитивисты попрежнему будутъ избѣгать всякаго соблазна, противнаго ихъ убѣжденіямъ, ихъ мирное поведеніе среди бесполезнаго политическаго волненія окончательно примиритъ безпристрастную публику съ этой великой идеей, отнынѣ освобожденной отъ вѣрованій, которыя необходимо сопутствовали ея первому историческому выступленію. Это невольное противопоставленіе даетъ все болѣе и болѣе понять, что какъ истинная свобода, такъ и дѣйствительное единогласіе возможны теперь только при господствѣ позитив-

ныхъ доктринъ, единственныхъ выдерживающихъ критику, такъ какъ онѣ покоятся на дѣйствительныхъ доказательствахъ.

Народная мудрость, созрѣвшая благодаря особеннымъ условіямъ современнаго политическаго состоянія, вскорѣ съ непреодолимой энергіей потребуетъ отъ философовъ, чтобы они сосредоточивали все свои силы на непосредственномъ управленіи умами и сердцами, безъ всякаго стремленія къ политическому господству; погоня за нимъ будетъ служить несомнѣннымъ признакомъ ихъ умственнаго безсилія и даже нравственнаго убожества.

Сверхъ того, уничтоженіе королевской власти обеспечиваетъ истиннымъ мыслителямъ полную свободу изслѣдованія и даже изложенія, покуда они сумѣютъ уважать условія порядка. Ибо, благодаря разрушенію этого послѣдняго остатка кастоваго режима, который раньше присваивалъ одному семейству право рѣшенія высокихъ соціальныхъ вопросовъ, освобожденіе отъ господства теологическихъ воззрѣній было вполне закончено. Какъ бы республиканскіе чиновники ни пытались угнетать, эта принадлежность королевской власти никогда не сможетъ серьезно перейти къ чисто временнымъ властямъ, которыя, будучи даже представлены отдѣльными личностями, всегда зависятъ отъ голосованія людей, не находящихся у власти. Позитивная философія безъ затрудненія докажетъ, что подобныя уполномоченные почти также, какъ и ихъ довѣрители, чужды тѣмъ логическимъ и научнымъ условіямъ, которыхъ требуетъ теперь всякая систематическая разработка моральныхъ и соціальныхъ доктринъ. Эти авторитеты, лишеныя духовной санкціи, могутъ, конечно, призывать къ подчиненію во имя порядка; но они могутъ рассчитывать на истинное уваженіе только тогда, когда они строго ограничиваются своей ролью въ гражданской жизни, не ища никакого умственнаго главенства. Даже прежде чѣмъ центральная власть создастъ надлежащіе практическіе органы, республиканскій режимъ установитъ это необходимое разграниченіе сферъ вліянія у народа, уже освободившагося отъ всякаго ретрограднаго или анархическаго фанатизма. Такое направленіе разовьется тѣмъ лучше, чѣмъ больше возрастающія заботы о поддержаніи матеріальнаго порядка будутъ отвлекать дѣйствующія власти отъ всякаго вмѣшательства въ духовный порядокъ, созданіе котораго, такимъ образомъ, окажется всецѣло въ рукахъ свободныхъ мыслителей. Не случайный и даже не личный характеръ носитъ то огромное завоеваніе, которое я сдѣлалъ въ теченіе всей моей ученой дѣятельности, добившись свободы изложенія,— сначала письменнаго, затѣмъ устнаго—при различныхъ угнетавшихъ образахъ правленія. Отнынѣ всякій истинный философъ получитъ равносильную возможность, представляя, подобно мнѣ, справедливыя интеллектуальныя и моральныя гарантіи, которыхъ публика и правительство должны требовать отъ систематическихъ органовъ человѣчества. Къ какимъ бы жестокимъ мѣрамъ ни вынуждала когда-либо необходимость обуздать уравнителей, я смѣю увѣрить, что строители всегда будутъ уважаемы и вскорѣ будутъ призваны на помощь общественному порядку, который не можетъ долго обходиться безъ санкціи разума.

Такимъ образомъ, благодаря важному политическому измѣненію, имѣвшему мѣсто во Франціи, вторая часть великой революціи, открывшаяся теперь публикѣ, какъ она уже давно открылась истиннымъ философамъ, стремится болѣе непосредственно и болѣе быстро развить свой настоящій общій характеръ, призывая новую

всеобщую доктрину руководить окончательнымъ преобразованиемъ мнѣній и нравовъ, что является единственнымъ твердымъ основаніемъ для постепеннаго преобразованія соціальныхъ учреждений. Но, указавъ какимъ путемъ позитивизмъ получаетъ теперь это высокое назначеніе въ силу измѣненій, происшедшихъ самостоятельно въ самомъ центрѣ первоначальнаго революціоннаго движенія, слѣдуетъ дополнить эту оцѣнку, представляя духовное преобразование во всемъ характеризующемъ его объемѣ, такъ какъ, согласно здравой исторической теоріи, оно должно непременно обнять весь западъ Европы.

Г Л А В А X.

Реформа должна быть сначала интеллектуальная; она должна распространиться на весь западъ.

Огромный революціонный періодъ, отдѣляющій насъ отъ среднихъ вѣковъ, изгладилъ изъ нашей памяти основную связь, подготовленную завоеваніями Рима и установившуюся при Карлѣ Великомъ между различными западными народами, достигшими уже католико-феодальнаго состоянія. Несмотря на національныя различія, впоследствии увеличившіяся, благодаря религіознымъ несогласіямъ, эта обширная республика обнаружила всюду, въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ, такое интеллектуальное и соціальное развитіе, одновременно положительное и отрицательное, равнаго которому остальная, даже европейская, часть человѣчества не достигла до сихъ поръ. Хотя разрывъ узъ католицизма и упраздненіе рыцарскихъ обычаевъ значительно ослабили сначала общее чувство подобнаго братства, но оно стремилось возродиться въ новыхъ формахъ вслѣдствіе частичнаго сродства, вытекающаго изъ повсемѣстнаго преобладанія промышленной жизни, изъ общей эстетической эволюціи и изъ очевидной научной солидарности. Когда политическое разложеніе стало достаточно сильнымъ, чтобы всюду вызвать полное обновленіе, это сходство цивилизаціи выразилось въ общемъ инстинктивномъ желаніи участвовать въ соціальномъ движеніи, происходившемъ до сихъ поръ въ одной только націи.

Починъ въ неизбѣжномъ великомъ кризисѣ по необходимости выпалъ на долю населенія Франціи, которое было къ этому подготовлено лучше всякаго другого какъ вслѣдствіе кореннаго уничтоженія здѣсь стараго режима, такъ и благодаря основной разработкѣ французскими мыслителями новой системы. Но дѣятельныя симпатіи, выказанныя на всемъ западѣ къ первымъ шагамъ нашей революціи, показали, что наши западные братья предоставляютъ намъ только честь опаснаго почина въ общемъ преобразованіи передовой части человѣчества, какъ это провозгласило, даже въ разгарѣ нашей оборонительной войны, наше памятное республиканское собраніе. Военныя заблужденія, которыя затѣмъ характеризовали главную фазу реакціи, должны были, безъ сомнѣнія, заглушать съ обѣихъ сторонъ привычное чувство этой необходимой солидарности. Но, благодаря предыдущимъ свѣжпмъ событіямъ, оно было всюду до того глубоко заложено, что, вопреки непрерывнымъ усиліямъ различныхъ партій, заинтересованныхъ въ увѣковѣченіи этого исключительнаго раздѣленія, наступившій

миръ сдѣлалъ его снова дѣятельнымъ. Повсемѣстное паденіе различныхъ теологическихъ воззрѣній значительно облегчило это естественное стремленіе, такъ какъ изъяскъ главный источникъ разногласій. Въ теченіе послѣдней фазы реакціи и, въ особенности, въ продолженіе послѣдовавшей за ней только что закончившейся продолжительной остановки, всѣ западно-европейскіе народы старались идти по пути, болѣе или менѣе совпадающему съ общимъ ходомъ французской революціи. Нашъ послѣдній политическій переворотъ могъ только укрѣпить это общее настроеніе, которое не можетъ, однако, тотчасъ произвести подобныя измѣненія у менѣе подготовленныхъ народовъ.

Для каждаго понятно, что это однообразіе внутренняго волненія способствуетъ все болѣе и болѣе упроченію внѣшняго мира, благопріятствовавшаго его распространенію. Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе систематическихъ узъ, равноцѣнныхъ тѣмъ, которыя объединяли народы въ средніе вѣка, всеобщее вліяніе мирныхъ и разумныхъ современныхъ нравовъ создало уже между всѣми западно-европейскими націями родъ самопроизвольнаго братства, которое до сихъ поръ невозможно было осуществить и которое не позволяетъ болѣе разсматривать никакое окончательное преобразование, какъ чисто національное.

Такая точка зрѣнія болѣе всякой другой способна ясно указать истинный общій характеръ второй части революціи. Первая часть, хотя въ итогѣ была полезна для всего запада, должна была развиваться, главнымъ образомъ, во Франціи, потому что нашъ народъ единственно созрѣлъ для первоначальнаго потрясенія, которое должно было даже воспламенить его національный патріотизмъ, дабы онъ могъ сопротивляться ретроградной коалиціи. Напротивъ, органическое завершеніе, начавшееся послѣ того, какъ общій кризисъ достигъ своихъ естественныхъ размѣровъ, слѣдуетъ отнынѣ всегда разсматривать, какъ дѣло общее всей западной Европѣ. Оно состоитъ, главнымъ образомъ, въ духовномъ преобразованіи, настоятельная необходимость котораго одинаково, хотя въ различныхъ формахъ, обнаружилась у пяти націй, составляющихъ нынѣ великую семью европейскихъ народовъ. Съ другой стороны, европейскій характеръ, все болѣе и болѣе выпукло выступающій въ преобразовательномъ движеніи, способенъ выдвинуть на первый планъ интеллектуальное и нравственное преобразование, тогда какъ перестройка гражданскихъ учреждений по необходимости должна будетъ представлять глубокія національныя различія. Въ настоящее время первая социальная потребность на всемъ западѣ—это общая доктрина и одинаковые права, покоющіеся на однообразной системѣ всеобщаго воспитанія, руководимой и, примѣняемой одной и той же духовной властью. По мѣрѣ того, какъ эта потребность будетъ удовлетворяема, будетъ совершаться всюду гражданское преобразование сообразно особенностямъ каждой національности; но эти необходимыя различія нисколько не нарушатъ основнаго единства великой позитивистской республики, систематическая связь которой будетъ болѣе полной и болѣе прочной, чѣмъ связь католической республики, существовавшей въ средніе вѣка.

Такимъ образомъ, общее состояніе западной Европы не только способствуетъ тому, что философское движеніе одерживаетъ верхъ надъ политическими волненіями, оно, кромѣ того, вызываетъ рѣшительное господство духовной власти, которая одна только и можетъ произвести это свободное и систематическое обновленіе миѣній и

правовъ во всей его обширности и съ надлежащимъ единообразіемъ. Поэтому старый революціонный предразсудокъ о смѣшеніи двухъ властей становится теперь прямо вреднымъ для социальнаго преобразованія, которое онъ нѣкогда подготовилъ. Съ одной стороны, онъ выдвигаетъ на первый планъ національныя особенности, которыя должны уже подчиниться задачамъ обще-европейскаго характера; и въ то же время, въ виду того, что дѣйствительное тождество кризиса требуетъ всюду одинаковаго рѣшенія, онъ побуждаетъ къ выполнению этого условія однородности посредствомъ принятія одинаковыхъ гражданскихъ учрежденій, что является столь же несбыточнымъ, какъ и опаснымъ.

Хотя въ моемъ основномъ трудѣ я тщательно опредѣлилъ, на основаніи совокунности прошлаго, составъ этой огромной европейской семьи, тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайной важности, которую это понятіе пріобрѣтаетъ теперь, я считаю необходимымъ прямо мотивировать здѣсь методическое перечисленіе его главныхъ элементовъ.

Г Л А В А XI.

Западная республика обнимаетъ Францію, Италію, Испанію, Англию и Германію.

Послѣ паденія римскаго господства и, въ особенности, начиная съ Карла Великаго, Франція постоянно составляла необходимый социальный и географическій центръ ядра отборной части человѣчества. Единственное крупное предпріятіе, которое западъ совершилъ съ общаго согласія,—именно, памятные крестовые походы, характеризующіе главную фазу средневѣковья—было, очевидно, выполнено подъ французскимъ вліяніемъ. Правда, когда общее разложеніе католико-феодальнаго режима стало принимать систематическій характеръ, центръ потрясенія западной Европы оказался перемѣщеннымъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Отрицательная метафизика появилась сперва въ Германіи; затѣмъ ея приложеніе къ гражданскому устройству имѣло впервые мѣсто въ Голландіи и Англии въ формѣ двухъ характерныхъ революцій, которыя, хотя и были неполными, вслѣдствіе недостаточной умственной подготовки, однако, послужили вступленіемъ къ великому кризису. Но послѣ этого двоякаго предварительнаго приложенія, обнаружившаго истинное социальное назначеніе критическихъ догматовъ, ихъ полное согласованіе и рѣшительное распространеніе совершались во Франціи, которая вновь становится главнымъ центромъ для разработки общихъ политическихъ и нравственныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, первенство, которое пріобрѣла Франція въ преобразовательномъ движеніи и которое все болѣе и болѣе укрѣпляется, является въ сущности только естественнымъ возвращеніемъ къ нормальному устройству запада, временно измѣнившемуся въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Новыя перемѣщенія центра социальнаго движенія можно ожидать только въ столь отдаленномъ будущемъ, что они насъ не должны тревожить; они, на самомъ дѣлѣ, могутъ быть вызваны широ-

кимъ распространеніемъ цивилизаціи за предѣлы западной Европы, какъ я это укажу въ концѣ этого разсужденія.

На сѣверѣ и на югѣ отъ этого естественнаго центра находятся двѣ пары западныхъ государствъ, главную связь которыхъ будетъ всегда составлять Франція, какъ благодаря своимъ правамъ и языку, такъ и вслѣдствіе своего географическаго положенія. Въ первую пару, являющуюся по существу протестантской, нужно прежде всего поставить многочисленное населеніе Германіи съ различными примыкающими къ ней государствами, въ особенности, Голландію, которая, начиная съ среднихъ вѣковъ, составляла во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе передовую ея часть; затѣмъ сюда входитъ британское населеніе съ сѣверо-американцами включительно, несмотря на ихъ нынѣшнее соперничество. Вторая пара, по преимуществу католическая, обнимаетъ: на востокѣ обширное итальянское населеніе, всегда ясно отличающееся своими особенностями, не взирая на разложеніе его государственнаго строя; на западѣ совокупность испанскаго населенія, отъ котораго социальная наука не должна отдѣлять родственныхъ ему португальцевъ, и которое столь распространило вліяніе западной Европы своей широкой, колонизаціонной дѣятельностью.

Чтобы дополнить социологическое опредѣленіе состава передовой части человѣчества, нужно сюда добавить два второстепенныхъ элемента, которые, относясь исторически—одинъ въ древней, другой въ новой исторіи—къ западнымъ народамъ, а географически къ восточнымъ, составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ виду ихъ настоящаго состоянія, естественный переходъ между востокомъ и западомъ; эти элементы суть: на югѣ греческое населеніе и на сѣверѣ польское. Здѣсь не мѣсто указывать различныя промежуточныя звенья, сближающія или отдѣляющія главныя части великой семьи.

Такова огромная республика, умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ которой новая философія должна теперь руководить, комбинируя починъ, исходящій изъ французскаго центра съ естественными реакціями, посредствомъ которыхъ каждый изъ другихъ элементовъ долженъ совершенствовать этотъ общій порывъ. Такая задача наилучшимъ образомъ характеризуетъ социальную способность позитивизма, дѣйствительно могущаго выполнить это назначеніе, для котораго метафизическая философія годится не болѣе, чѣмъ теологическая. Если дряхлость послѣдней обусловила разрывъ связи, существовавшей въ средніе вѣка между западными народами, то разрушительная дѣятельность второй была прямымъ факторомъ этого событія. Поэтому ни одна изъ нихъ не можетъ претендовать на роль объединительницы элементовъ, предшествовавшее отдѣленіе которыхъ преимущественно совершалось подъ теологико-метафизическимъ вліяніемъ. Исключительно самопроизвольному позитивизму, одновременно промышленному, эстетическому и научному, мы обязаны нѣкоторыми новыми отношеніями, которыя, начиная съ среднихъ вѣковъ, все болѣе и болѣе готовятъ возстановленіе связи между западными государствами.

Итакъ, систематическій позитивный духъ, достигшій, наконецъ, своей полноты, единственно способенъ стать во главѣ объединительнаго движенія. Только ему надлежитъ кореннымъ образомъ разсѣять антипатіи, питаемыя еще различными національностями другъ къ другу, не измѣняя, однако, естественныхъ качествъ каждой

изъ нихъ, дабы создать путемъ мудраго сочетанія этихъ качествъ, общій геній новаго запада.

Г Л А В А XII.

Первая попытка отдѣлить духовную власть отъ свѣтской имѣла мѣсто въ католическомъ средневѣковѣ.

Повсемѣстное распространение великаго кризиса дѣлаетъ вполне очевиднымъ его дѣйствительно общій характеръ, уже установленный прямымъ изслѣдованіемъ его сущности. Такимъ образомъ, всѣ высокія соціальныя соображенія, касающіяся какъ вѣдшихъ, такъ и внутреннихъ вопросовъ, единогласно говорятъ за то, что вторая часть революціи должна состоять преимущественно въ преобразованіи принциповъ и правовъ на всемъ западѣ, дабы въ результатѣ создалось общественное мнѣніе, непреодолимое преобладаніе котораго опредѣлитъ затѣмъ постепенное образованіе политическихъ учрежденій, соотвѣтствующихъ особенностямъ каждой національности, подъ общимъ руководствомъ духовной власти, которая надлежащимъ образомъ разработала основную доктрину.

Общій духъ этой доктрины, главнымъ образомъ, историческій, между тѣмъ какъ отрицательная часть революціи должна была доставить преобладаніе анти-историческому направленію. Слѣпая ненависть къ прошлому была тогда необходима, чтобы рѣшительно порвать со старымъ порядкомъ. Напротивъ, отнынѣ для нашего полнаго освобожденія требуется, чтобы мы прежде всего воздали должное прошлому; такая справедливая оцѣнка особенно свойственна истинному позитивному духу, единственно способному, благодаря своей неизмѣнно относительной природѣ, встать на подобную точку зрѣнія. Лучшій признакъ истиннаго превосходства заключается, безъ сомнѣнія, какъ для доктринъ, такъ и для лицъ, въ правильной оцѣнкѣ всѣхъ своихъ противниковъ. И таково необходимое стремленіе настоящей соціальной науки, основывающей теперь опредѣленіе будущаго на систематическомъ созерцаніи прошлаго. Дабы одна и та же идея окончательнаго преобразованія, всегда точно связанная съ совокупностью человѣческой эволюціи, могла всюду свободно стать господствующей, существуетъ только одинъ путь—навсегда разсѣять смутные и нестройные образы, вызванные произвольными внушеніями. Сверхъ того, возрастающее преобладаніе соціального чувства совмѣстно съ естественнымъ прогрессомъ общественнаго мнѣнія способствуютъ тому, чтобы послѣдняя часть революціи пріобрѣла этотъ историческій характеръ, который ее глубоко отличить отъ первой, на что уже указываютъ многія самопроизвольныя склонности.

Въ виду этого общаго расположенія позитивизмъ никогда не долженъ скрывать основное отношеніе, существующее между духовнымъ преобразованиемъ, которое онъ совершилъ и удивительной попыткой въ этомъ направленіи, составляющей главную характерную черту средневѣковья. Далеко не предлагая человѣчеству разсматривать свое грядущее преобразование, какъ не имѣющее корней въ прошломъ, мы постоянно будемъ призывать его, достигшаго нынѣ зрѣлаго состоянія, осуществить,

наконецъ, благородное предпріятіе, задуманное имъ въ юношескомъ возрастѣ, когда умственные и соціальныя условія не позволяли еще добиться въ этомъ отношеніи рѣшительнаго успѣха. Мы слишкомъ полны будущимъ, чтобы опасаться, что насъ могутъ когда-либо серьезно заподозрить въ возвратѣ къ прошлому. Это обвиненіе было бы въ особенности странно со стороны тѣхъ изъ нашихъ противниковъ, которые видятъ теперь политическое совершенство въ первоначальномъ, теократическомъ или военномъ смѣшеніи двухъ основныхъ властей.

Раздѣленіе этихъ властей въ средніе вѣка составляетъ самый крупный шагъ, который до сихъ поръ сдѣлала общая теорія соціального порядка. Хотя окончательное осуществленіе этой идеи по необходимости должно было быть отложено до лучшихъ временъ, тѣмъ не менѣе, эта характеристическая попытка указала существенную цѣль и даже начертала главные результаты. Она же положила основаніе догмата о постоянномъ подчиненіи политики требованіямъ нравственности; этотъ догматъ есть отличительная черта современной общественности и онъ пережилъ, несмотря на серьезные и частые нападки, даже паденіе вѣрованій, впервые его провозгласившихъ, какъ это видно изъ того, что онъ получилъ республиканскую санкцію у наиболѣе передовой націи. Оттуда, слѣдовательно, беретъ свое начало это дѣятельное чувство собственнаго достоинства, соединенное съ сознаніемъ всеобщаго братства, характеризующее западные народы, въ особенности, тѣ, которые не приняли протестантства. Сюда нужно отнести также единодушное стремленіе оцѣнивать людей сообразно ихъ личнымъ умственнымъ или нравственнымъ качествамъ, независимо отъ ихъ общественнаго положенія, всецѣло при томъ признавая необходимость неравенства въ распредѣленіи соціальныхъ функцій, вытекающаго изъ неизбежнаго практическаго преобладанія однѣхъ надъ другими. Съ этой же попыткой должно связать народные обычаи свободнаго обсужденія вопросовъ нравственности и даже политики, обычаи, основанные на правѣ и обязанности каждаго примѣнять къ сужденію о поступкахъ и лицахъ универсальную доктрину, введенную въ общественное образованіе. Наконецъ, было бы излишне указывать прямую тенденцію этого важнаго учрежденія создать единство западныхъ народовъ, которое не имѣло другой систематической связи.

Все эти соціальныя результаты, обычно приписываемые преимуществамъ христіанской религіи, при здоровой исторической оцѣнкѣ оказываются исходящими изъ одного главнаго источника, именно, изъ католическаго раздѣленія двухъ властей. Они остались достояніемъ только тѣхъ странъ, гдѣ этотъ режимъ могъ первенствовать, хотя и въ другихъ странахъ господствовала равноцѣнная мораль или даже тождественная религія. Впрочемъ, разложеніе католическаго организма значительно способствовало ихъ измѣненію, несмотря на ихъ тѣсную связь съ современными правами, въ особенности тамъ, гдѣ старались вернуть этой доктринѣ ея первоначальные авторитетъ и чистоту.

Позитивизмъ во всехъ отношеніяхъ воздалъ уже должное католицизму въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ любой изъ его собственныхъ защитниковъ, не исключая и знаменитаго Де-Мэстра, какъ это признали нѣкоторые искренніе органы ретроградной школы. Но эта справедливая оцѣнка не покоится только на величій задачи, выпавшей, такимъ образомъ, на долю среднихъ вѣковъ въ общей эволюціи человѣчества. Она вытекаетъ также изъ точнаго историческаго доказательства скороспѣлости та-

кого предпріятія, политическая неудача котораго зависѣла, главнымъ образомъ, отъ несовершенства руководящихъ доктринъ и противодѣйствія соотвѣтствующей среды. Хотя монотеизму гораздо менѣе, чѣмъ политеизму, противно постоянное раздѣленіе двухъ властей, но по необходимости абсолютная природа всякаго богословскаго на- правленія способствовала всегда вырожденію этого порядка въ чистую теократію. Его паденіе было даже опредѣлено окончательнымъ преобладаніемъ этого неизбѣжнаго стремленія, вызвавшаго въ четырнадцатомъ вѣкѣ всеобщее осужденіе, есте- ственными выразителями котораго явились короли. Точно также, хотя это раздѣленіе властей болѣе согласуется съ собственно оборонительными войнами среднихъ вѣковъ, чѣмъ съ системой завоеваній древности, тѣмъ не менѣе, всякій настоящій военный духъ кореннымъ образомъ его отвергаетъ, какъ противное сосредоточенію власти, котораго требуетъ военный режимъ.

Поэтому это раздѣленіе могло въ то время быть дѣйствительно систематически продумано только нѣкоторыми выдающимися духовными или свѣтскими мыслителями. Его кратковременное осуществленіе было, главнымъ образомъ, необходимымъ резуль- татомъ всего умственнаго и соціального состоянія. Оно почти всегда представляло собой только видъ чрезвычайно непрочнаго равновѣсія, постоянно колеблющагося между теократіей и имперіей.

ГЛАВА XIII.

Отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Учрежденіе духовной власти, какъ органа Западной Республики.

Единственно позитивная цивилизація современнаго запада способна совершить теперь то, что могло быть только задумано въ средніе вѣка, при чемъ она утили- зируетъ не только эту удивительную попытку среднихъ вѣковъ, но также и необхо- димую къ ней подготовку. Научное направленіе новой философіи и промышленный характеръ современной дѣятельности естественнымъ образомъ способствуютъ тому, чтобы отнынѣ сдѣлалось неизбѣжнымъ и даже общенароднымъ предпріятіемъ по- стоянное раздѣленіе властей, одновременно самопроизвольное и систематическое, ко- торое въ средніе вѣка могло быть только смутно предчувствуемо, въ силу благо- творныхъ внушеній пылкаго инстинкта прогресса.

Въ умственномъ отношеніи это предпріятіе на самомъ дѣлѣ сводится къ не- обходимому раздѣленію между теоріей и практикой, раздѣленію уже допущенному, хотя эмпирически, на всемъ западѣ относительно самымъ незначительныхъ предме- товъ, и было бы странно считать его нежелательнымъ для самыхъ трудныхъ—на- уки и искусства. Съ соціальной точки зрѣнія оно въ особенности устанавливаетъ естественное различіе между воспитаніемъ и дѣйствіемъ или между моралью и по- литикой, различіе, непрерывное развитіе котораго никто не дерзнулъ бы теперь открыто не признавать однимъ изъ главныхъ благодѣяній прогрессивной цивилизаціи. Дѣйствительная нравственность и истинная свобода глубоко заинтересованы въ томъ, чтобы поведеніе и сужденіе могли покоиться на настоящихъ принципахъ, примѣ-

невнѣ которыхъ, даже наиболѣе доступное доказательству, было бы почти всегда недостаточнымъ, если бы оно обусловливалось исключительно и непосредственно приказаніемъ или подчиненіемъ. Въ отношеніи общей гармоніи политическихъ силъ ясно, что двѣ власти, теоретическая и практическая, имѣютъ столь различные источники и пути касательно сердца, ума и характера, что отнынѣ увѣщательное и повелительное вліянія не могутъ исходить отъ однихъ и тѣхъ же органовъ. Всякое серьезное стремленіе осуществить эту ретроградную утопію, могло бы привести только къ невыносимому господству посредственностей, одинаково неспособныхъ въ обѣихъ областяхъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи настоящаго разсужденія будетъ сверхъ того доказано, что это основное раздѣленіе естественнымъ образомъ все болѣе и болѣе окажется подъ непреодолимымъ спеціальнымъ покровительствомъ двухъ соціальныхъ элементовъ, по преимуществу отличающихся здравымъ смысломъ и нравственностью.

Наши нравы уже столь благопріятны этому существенному принципу всякой истинной современной политики, что если ему противятся, то исключительно только въслѣдствіе его первоначальной близости къ нынѣ устарѣвшимъ вѣрованіямъ. Но эти революціонныя предубѣжденія разсѣются, когда безпристрастная публика увидитъ, что эта важная идея составляетъ нераздѣльную часть доктрины, единственно дѣйствительно свободной отъ всякихъ теологическихъ воззрѣній.

Каждое человѣческое понятіе и даже каждое соціальное улучшеніе должно было возникнуть сначала подъ внушеніемъ теологій, какъ это ясно доказываютъ всѣ факты, даже самые незначительные. Тѣмъ не менѣе, это никогда не мѣшало человѣчеству окончательно присваивать себѣ успѣхи, которыми оно было обязано первоначальному господству покидаемыхъ имъ затѣмъ вѣрованій. То же самое будетъ съ этимъ великимъ политическимъ принципомъ, который уже понимается реально только позитивистами и лишь какъ естественный выводъ изъ его частичныхъ повѣрокъ.

Единственное и прямое противодѣйствіе, которое онъ встрѣчаетъ теперь, исходить изъ лагеря метафизиковъ, такъ какъ онъ затрагиваетъ ихъ честолюбивыя притязанія на абсолютное господство. Оттуда же раздается всегда странный и часто ложный упрекъ въ теократизмѣ, направляемый иногда по адресу философѣвъ, открыто освободившихся отъ всякихъ вѣрованій, служащихъ для ихъ противниковъ средствомъ избѣгать рѣшительнаго спора.

Но тяжкія соціальныя неурядицы, которыя вскорѣ вызоветъ бесполезное упрямство педантовъ, желающихъ регулировать законами то, что должно быть воспитано нравами, ясно покажутъ общественному мнѣнію безусловную своевременность позитивистскаго догмата о систематическомъ отдѣленіи моральнаго правительства отъ политическаго. Первое, располагая только силой убѣжденія, ограничивается всегда въ активной жизни ролью простаго совѣтника, между тѣмъ какъ второе, опираясь на матеріальную силу, прямо указываетъ поведеніе.

На основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній органическое направленіе, долженствующее характеризовать вторую часть революціи, представляется какъ сочетаніе выдающагося соціальнаго генія средневѣковья съ поразительнымъ политическимъ инстинктомъ конвента. Въ промежуткѣ между этими двумя эпохами избранная часть

человѣчества дѣйствительно была лишена всякой систематической организаціи и въ ней совершился двоякій переломъ: разложеніе стараго порядка и подготовленіе новаго. Эти предварительныя условія нынѣ достаточно выполнены: ибо, съ одной стороны, желаніе соціального обновленія стало неопределимымъ, между тѣмъ какъ съ другой, философія, предназначенная имъ руководить, уже построена.

Итакъ, отнынѣ мы призваны вновь прямо приступить къ осуществленію, на лучшихъ умственныхъ и соціальныхъ основаніяхъ, великаго предпріятія, на которое покушались средніе вѣка, результатомъ котораго должно быть установленіе на всемъ западѣ мирнаго и разумнаго порядка, покоящагося на систематическомъ и постоянномъ преобладаніи всеобщей любви, господствующей и надъ умозрѣніемъ и надъ дѣйствіемъ. Общій ходъ этого переустройства будетъ такой же, какъ и ходъ предварительной ломки. Последняя началась въ четырнадцатомъ вѣкѣ уничтоженіемъ на западѣ функций стараго организма; точно такъ же, окончательное преобразование начнется теперь съ прямого удовлетворенія интеллектуальныхъ и моральныхъ потребностей, общихъ пяти передовымъ народамъ.

Г Л А В А XIV.

Нравственное ученіе позитивизма. Оно состоитъ въ возвышеніи альтруизма надъ эгоизмомъ, общественныхъ интересовъ надъ личными.

Дабы лучше охарактеризовать соціальное назначеніе позитивизма, я долженъ вкратцѣ указать на присущую ему способность окончательно систематизировать всеобщую нравственность, которая составляетъ цѣль философіи и отправной пунктъ политики. Такъ какъ о всякой духовной власти слѣдуетъ, главнымъ образомъ, судить со стороны этого свойства, то ничто не можетъ лучше обнаружить естественное превосходство духовной стороны позитивизма надъ таковой католицизма.

Для позитивизма моральное искусство состоитъ въ возвышеніи систематическихъ инстинктовъ надъ эгоистическими побужденіями, общественности надъ личностью. Такой взглядъ на нравственность присущъ новой философіи, которая систематизируя успѣхи, сдѣланные современными народами, одна только даетъ истинную теорію человѣческой природы, столь несовершенно представленную католицизмомъ.

Пользуясь существеннымъ принципомъ біологіи, утверждающимъ основной перевѣсъ органической жизни надъ всей животной жизнью, соціологія труда объясняетъ самопроизвольное вліяніе личныхъ чувствъ, всегда болѣе или менѣе связанныхъ съ инстинктомъ самосохраненія. Но она прямо примиряетъ это неизбежное первенство съ постояннымъ существованіемъ доброжелательныхъ страстей, которыя католическая теорія представляла чуждыми нашей организаціи и внушенными только сверхъестественной благодатью, не подчиняющейся никакимъ законамъ.

Такимъ образомъ, великая задача состоитъ въ томъ, чтобы доставить искусственнымъ путемъ общественному чувству то преобладаніе, которымъ личное чувство

естественно пользуется. Ея рѣшеніе покоится на другомъ біологическомъ принципѣ на принципѣ развитія функцій и органовъ при постоянномъ ихъ упражненіи и ихъ стремленія атрофироваться, коль скоро они долгое время остаются въ бездѣйствіи. Наша же соціальная жизнь по необходимости вызываетъ непрерывный подъемъ симпатическихъ инстинктовъ, между тѣмъ какъ оно стѣсняетъ развитіе личныхъ наклонностей, свободное проявленіе которыхъ вскорѣ привело бы къ прекращенію всѣхъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Первые, слѣдовательно, возмѣщаютъ до известной степени свою первоначальную слабость свойственной имъ способностью къ почти безконечному расширенію; и естественное вліяніе вторыхъ болѣе или менѣе умѣряется неизбѣжнымъ сопротивленіемъ.

Эти два неизмѣнныхъ стремленія естественнымъ образомъ возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ человѣчество развивается и ихъ двойной прогрессъ служить главнымъ показателемъ нашего постепеннаго совершенствованія. Мудрое систематическое вліяніе какъ частное, такъ и общественное можетъ значительно улучшить этотъ естественный порядокъ вещей, увеличивая благопріятныя вліянія и уменьшая вліяніе ихъ антагонистовъ.

Такова цѣль моральнаго искусства, которое, какъ и всякое другое, имѣетъ неизбѣжныя границы, хотя въ данномъ случаѣ они должны быть менѣе узкими, такъ какъ здѣсь явленія, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной сложности, болѣе доступны измѣненію.

Такимъ образомъ, позитивная мораль, признавая за всеобщимъ принципомъ непосредственное преобладаніе соціального чувства, отличается не только отъ морали метафизической, но также и отъ богословской. Человѣческое счастье какъ частное, такъ и общественное она видитъ въ возможно большемъ развитіи доброжелательныхъ чувствъ, являющихся и наиболѣе пріятными и единственными, расширеніе которыхъ можетъ произойти одновременно у всѣхъ людей.

Это ученіе столь же глубокое и чистое, какъ оно просто и истинно, можетъ вытекать только изъ философіи, которая, благодаря характеризующей ее реальности, дошла уже до установленія умственного первенства соціальной точки зрѣнія, единственно способной связать всѣ наши позитивныя умозрѣнія какъ логическія, такъ и научныя. Метафизика, въ виду ея интуитивнаго метода, не могла никогда рационально выйти изъ индивидуальной сферы. Теологія, въ особенности христіанская, могла подняться до соціальныхъ теорій только косвенно, подъ давленіемъ настоятельныхъ требованій практики. Ея естественное направленіе носило по необходимости личный характеръ какъ относительно цѣли, поставленной жизни каждаго человѣка, такъ и касательно чувства, которое она считаетъ главнымъ.

Хотя наши великодушныя чувства должны были въ началѣ проявиться при теологическомъ режимѣ, однако, его нравственное значеніе слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать мудрости духовенства, исправлявшаго существенные недостатки единственной доктрины, которую оно могло въ то время примѣнять, сообразуясь съ соціальными условіями, вытекавшими изъ самопроизвольнаго антагонизма между воображаемыми и реальными интересами. Напротивъ, въ позитивномъ состояніи моральная способность прямо присуща доктринамъ и можетъ достигнуть значительнаго развитія тотчасъ, какъ только установятся соотвѣтственныя убѣжденія, прежде чѣмъ

создастся какая-либо духовная организація, хотя это свойство не избавляетъ отъ необходимости въ подобной организаціи. Въ то время, какъ систематическая мораль, тѣсно связанная съ совокупностью реальныхъ знаній, приобрѣтаетъ, такимъ образомъ, постоянство, дотолѣ невозможное, самопроизвольная мораль подъ непосредственнымъ и непрерывнымъ давленіемъ соціального чувства стремится подчинить своему вліянію всю человѣческую индивидуальную или коллективную жизнь.

Чтобы лучше понять совершенное единство позитивной морали, которымъ она обязана своему единому принципу всеобщей любви, слѣдуетъ рассмотретьъ значеніе этого принципа въ естественной систематизаціи ея различныхъ частей и въ спеціальной разработкѣ каждой изъ нихъ.

Г Л А В А XV.

**Нравственная прогрессія чувствъ: личныя, семейныя, общественныя.
Человѣческое сердце можетъ перейти отъ перваго члена къ третьему
только подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ.**

Общая послѣдовательность частей позитивной морали согласно тремъ главнымъ ступенямъ нашей жизни, — личной, семейной и общественной, — самопроизвольно представляетъ постепенное развитіе основного чувства, мало-по-малу развивающагося изъ аффектовъ, которые становятся все менѣе и менѣе энергичными, но все болѣе и болѣе возвышенными. Эта естественная прогрессія въ дѣйствительности составляетъ наше главное средство для достиженія по возможности нормального преобладанія общности надъ личностью. Въ самомъ дѣлѣ, между этими двумя крайними состояніями человѣческаго сердца существуетъ промежуточное состояніе, способное опредѣлить самопроизвольный переходъ, на которомъ покоится истинное рѣшеніе нравственной проблемы. Только благодаря семейнымъ обязанностямъ человѣкъ измѣняетъ своему первоначальному себялюбію и можетъ надлежащимъ образомъ подняться къ конечной ступени, къ общественной. Всякую попытку направлять нравственное воспитаніе непосредственно къ усилению послѣдней, минуя промежуточную ступень, слѣдуетъ разсматривать какъ совершенно несбыточную и сопряженную съ серьезными опасностями для соціального порядка. Такая утопическая теорія, слишкомъ распространенная теперь, не только не составляетъ дѣйствительнаго соціального прогресса, но представляетъ, въ сущности, рѣзкій поворотъ назадъ, основанный на ложной оцѣнкѣ древности.

Въ виду основного назначенія семейной жизни служить естественной связью между себялюбіемъ и общественностью, достаточно будетъ показать здѣсь ея необходимое устройство, чтобы охарактеризовать общій планъ позитивной морали, всегда соотвѣтствующей порядку естественныхъ отношеній.

Индивидуальная эволюція соціального чувства начинается въ семьѣ благодаря неизбѣжной дѣтской привязанности, этому первому источнику нашего нравственнаго воспитанія, изъ котораго возникаетъ инстинктъ непрерывности и, слѣдовательно, уваженіе предковъ: именно такимъ образомъ каждое новое существо первоначально

вступаютъ въ связь со всей совокупностью человѣческаго прошлаго. Вскорѣ затѣмъ братская любовь дополняетъ этотъ первый зародышъ общественности, присоединяя къ нему прямой инстинктъ дѣйствительной солидарности. Возмужалость открываетъ далѣе новую семейную эволюцію, вводя совершенно добровольныя и поэтому еще болѣе общественныя отношенія, чѣмъ невольныя связи незрѣлаго возраста. Эта вторая эпоха нравственнаго воспитанія начинается съ супружеской привязанности, являющейся главнымъ фундаментомъ всѣхъ остальныхъ; въ ней взаимность и нерасторжимость брачныхъ узъ обезпечиваютъ полноту преданности. Названіе этого высшаго типа симпатическихъ инстинктовъ не требуетъ никакого опредѣленія. Изъ этого союза по преимуществу естественно вытекаетъ послѣдняя семейная привязанность, именно родительская, которая, уча насъ любить нашихъ потомковъ, завершаетъ наше самопроизвольное посвященіе въ универсальную общественность; такимъ образомъ, мы связываемся съ будущимъ, какъ сначала мы приобщаемся къ прошлому.

Я долже́нъ былъ помѣстить группу семейныхъ чувствъ, касающихся добровольныхъ отношеній, послѣ той, которая относится къ невольнымъ привязанностямъ, дабы прослѣдить индивидуальное теченіе аффективной эволюціи съ цѣлью представить семейную жизнь, какъ необходимое промежуточное состояніе между личнымъ и социальнымъ существованіемъ. Но расположеніе должно быть обратное, когда прямо устанавливается собственная теорія семьи въ качествѣ естественнаго элемента общества. Тогда нужно разсматривать сперва чувство, составляющее главный фундаментъ семьи, строя новую социальную единицу, часто сводящуюся къ основной парѣ. Семья, однажды созданная брачнымъ союзомъ, увѣковѣчивается въ силу родительской привязанности, сопутствующей дѣтской любовью, и распространяется затѣмъ благодаря братскимъ узамъ, единственно способнымъ непосредственно сблизить различныя семьи.

Въ этомъ новомъ порядкѣ семейныя чувства расположены по ихъ убывающей энергіи и возрастающему распространенію. Хотя послѣднее чувство обыкновенно изъ всѣхъ наименѣе сильное, оно, однако, приобретаетъ важное значеніе, если разсматривать его, какъ прямой переходъ отъ чисто семейныхъ привязанностей къ социальнымъ отношеніямъ, естественнымъ типомъ которыхъ всюду является братство. Но для того, чтобы дополнить краткій очеркъ этой теоріи, социологія должна еще помѣстить между этими двумя порядками чувствъ третій, промежуточный, слишкомъ мало оцѣненный до сихъ поръ, касающійся слугъ, въ которомъ семейныя отношенія смѣшиваются съ общественными. Одно названіе этой связи должно быть въ настоящее время, несмотря на наши анархическіе нравы, достаточно, чтобы напомнить намъ, что во всякомъ нормальномъ состояніи человѣчества она составляетъ естественное дополненіе къ семейнымъ привязанностямъ, предназначенное завершить самопроизвольное воспитаніе социальнаго чувства путемъ спеціальнаго обученія подчиненію и повелѣванію, при чемъ и то и другое, должны регулироваться всеобщимъ принципомъ взаимной любви.

Этотъ бѣглый очеркъ главной нравственной теоріи достаточно характеризуетъ основное качество позитивной систематизаціи, оцѣнка которой будетъ дана на протяженіи всего трактата, для котораго настоящее разсужденіе служитъ только общимъ вступленіемъ. Тѣмъ не менѣе, я считаю необходимымъ еще указать здѣсь полное

преобразование личной морали, въ которую только позитивизмъ впервые вводитъ единый принципъ всей новой доктрины тѣмъ, что связываетъ непосредственно съ любовью то, что относилось къ эгоизму даже въ католической философіи.

ГЛАВА XVI.

Альтруизмъ есть истинное основаніе личной морали.

Такъ какъ чувства могутъ развиваться лишь путемъ постоянного ихъ упражненія, тѣмъ болѣе необходимаго, чѣмъ ихъ природная энергія слабѣе, то, злоупотребляя легкостью оцѣнки, отличающей эту первую часть всеобщей нравственности, т.-е. сводя обязанности къ простымъ личнымъ соображеніямъ благоразумія, мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ прямое противорѣчіе съ истиннымъ духомъ аффективнаго воспитанія. Какъ бы реальна ни была польза для личности отъ подобныхъ предписаній, такое направленіе по необходимости вырабатываетъ корыстолюбивыя наклонности, которыя и такъ уже являются слишкомъ преобладающими и должны были бы, напротивъ, по возможности, систематически упраздниться. Сверхъ того, спеціальная цѣль, которая здѣсь преслѣдуется, часто не достигается благодаря тому, что нравственное рѣшеніе предоставляется усмотрѣнію личности, чѣмъ заранѣе санкціонируются естественныя разнообразія рѣшенія, а также то, что отдѣльное лицо, беря на свою отвѣтственность вытекающія для него послѣдствія, о которыхъ оно одно только можетъ судить, измѣняетъ установленное правило.

Въ силу свойственной ему реальности позитивизмъ всецѣло преобразовываетъ эти первоначальныя предписанія, прямо подчиняя личность общественности, такъ какъ рѣчь идетъ о примѣненіи ихъ въ области, гдѣ интересы индивидуума отнюдь не единственные. Позитивная мораль рекомендуетъ такія основныя добродѣтели, какъ, напримѣръ, выгоды отъ умѣренности, цѣломудрія и т. д., отнюдь не въ силу ихъ пользы для личности. Не отрицая ихъ дѣйствительной индивидуальной полезности, она старается не слишкомъ на ней настаивать, изъ опасенія поддерживать привычку къ личнымъ соображеніямъ. Она, въ особенности, никогда не дѣлаетъ изъ этихъ выгодъ реальнаго основанія для своихъ заповѣдей, всегда связанныхъ съ социальнымъ чувствомъ. Если бы даже исключительная организація человѣка предохраняла его отъ губительныхъ послѣдствій неумѣренности или прелюбодѣянія, трезвость и воздержаніе ему точно также строго предписываются, какъ необходимыя условія для надлежащаго выполненія имъ своихъ общественныхъ обязанностей. Это распространяется и на простѣйшую изъ всѣхъ личныхъ добродѣтелей, привычку къ чистоплотности; такимъ образомъ, облагораживается простое гигиеническое правило тѣмъ, что его связываютъ съ желаніемъ сдѣлать себя болѣе способнымъ служить другимъ. Только такимъ путемъ нравственное воспитаніе можетъ съ самаго начала пріобрѣсти свой истинный общій характеръ, пріучая человѣка подчиняться требованіямъ человечества въ своихъ малѣйшихъ поступкахъ, что приводитъ его, прежде всего къ преодоленію своихъ дурныхъ наклонностей, оцѣнка которыхъ тогда становится болѣе легкой.

Такое преобразование личной нравственности достаточно подтверждаетъ существовавшее превосходство позитивизма, уже указанное относительно семейной морали, составлявшей однако главную заслугу католицизма и первое основаніе его прекрасной систематизаціи.

Было бы излишне особо останавливаться на общественной нравственности въ собственномъ смыслѣ, гдѣ новая философія должна обнаружить еще болѣе прямую и болѣе полную способность, такъ какъ только она можетъ надлежащимъ образомъ встать на эту точку зрѣнія. Какъ относительно точнаго опредѣленія всѣхъ взаимныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ различныхъ реальныхъ отношеній, такъ и касательно укрѣпленія и расширенія основнаго чувства всеобщаго братства никакая метафизико-теологическая мораль не можетъ быть сравниваема съ позитивной, предписанія которой, всегда соотвѣтствующія общимъ законамъ нашей индивидуальной или коллективной природы, самопроизвольно приспособляются къ особенностямъ каждаго случая. Мнѣ въ настоящемъ разсужденіи придется еще неоднократно говорить объ этой естественной способности, такъ что здѣсь мнѣ вѣтъ надобности на этомъ болѣе настаивать.

Это бѣглое указаніе новой систематизаціи нравственности требуетъ теперь соотвѣтственнаго разсмотрѣнія общихъ средствъ, съ помощью которыхъ можно будетъ установить и примѣнить эту доктрину. Эти средства суть двухъ видовъ: одни, основныя, прямо относящіяся къ каждому моральному посвященію, устанавливаютъ принципы и регулируютъ чувства; другія, дополнительныя, способствуютъ правильному примѣненію принциповъ въ активной жизни. Эта двойная функція вначалѣ самопроизвольна, совершаясь единственно благодаря вліянію, даже косвенному, общей доктрины и соціальнаго инстинкта; но она достигаетъ полной силы только когда становится систематической принадлежностью соотвѣтственной духовной власти.

ГЛАВА XVII.

Нравственное воспитаніе должно быть основано на разсудкѣ и на чувствѣ.

Нравственное воспитаніе въ собственномъ смыслѣ позитивизмъ основываетъ одновременно на разсудкѣ и на чувствѣ, выдвигая, однако, послѣднее всегда на первый планъ, согласно руководящему принципу новой философіи.

Благодаря средствамъ перваго вида, нравственныя предписанія будутъ приведены, наконецъ, къ подлиннымъ доказательствамъ, могущимъ выдержать всякую критику на основѣ истиннаго познанія нашей личной и общественной природы, законы которой позволяютъ точно оцѣнить въ дѣйствительной частной или общественной жизни любое прямое или косвенное, спеціальное или общее вліяніе всякой привязанности, мысли, дѣйствія и привычки. Соотвѣтственныя убѣжденія могутъ стать столь же глубокими, какъ и тѣ, которыя создаются на основаніи лучшихъ научныхъ доказательствъ съ тѣмъ естественнымъ приращеніемъ въ силѣ, которое должно вы-

текать изъ ихъ высшаго значенія и ихъ тѣснаго соотношенія съ нашими наиболѣе благородными инстинктами.

Сила этихъ предписаній должна распространяться не только на тѣхъ людей, которые будутъ въ состояннн повять всю логическую справедливость подобныхъ доказательствъ. Многочисленные примѣры уже показали относительно всѣхъ другихъ позитивныхъ вопросовъ, что понятія, допущенныя только на вѣру, могутъ быть приняты и примѣнены съ такимъ же рвеніемъ и твердостью, какъ и тѣ понятія, которыя наилучшимъ образомъ обоснованы. Достаточно, чтобы умственные и нравственные условія этой необходимой вѣры были надлежаще выполнены; и часто современннй человѣкъ, вопреки его мнимои непокорности, слишкомъ легко подчиняется. Добровольное согласіе, которое мы ежедневно выражаемъ относительно какихъ-либо правилъ математическихъ, астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и біологическихъ наукъ, даже когда при этомъ затрагиваются важнѣйшіе интересы, безъ сомнѣнія, распространится на нравственные заповѣди, когда будетъ признано, что онѣ также доступны неопровержимымъ доказательствамъ.

Но развивая силу доказательства до невозможной дотолѣ степени, новая философія будетъ всегда избѣгать преувеличивать его значеніе для нравственнаго воспитанія, которое должно преимущественно покоиться на чувствѣ, какъ на то указываетъ простая общая постановка великой человѣческой проблемы. Какъ бы здравы ни были доказательства, ихъ исходная точка не можетъ быть непосредственно моральна, такъ какъ каждый будетъ оцѣнивать поведеніе другого скорѣе, чѣмъ свое, согласно требованіямъ безпристрастности и ясности, обязательнымъ для истинно научнаго умозрѣнія, которое всегда должно быть объективнымъ, а не субъективнымъ. А такая внѣшняя оцѣнка безъ непосредственнаго созерцанія своей собственной души, можетъ, правда, опредѣлить реальныя убѣжденія, но она не стремится развивать истинныя чувства, самопроизвольное упражненіе которыхъ она, напротивъ, можетъ нарушить и задержать, если она войдетъ въ привычку. Но такого излишества нечего опасаться у новыхъ моральныхъ руководителей человѣчества уже потому, что оно прямо противорѣчитъ тому глубокому познанію истинной человѣческой природы, которое ставитъ позитивизмъ неизмѣримо выше католицизма.

Такимъ образомъ, позитивное направленіе лучше всякаго другого всегда будетъ считать главнымъ источникомъ дѣйствительной нравственности прямой подъемъ, одновременно самопроизвольный и систематическій, соціальнаго чувства, которое оно постарается, по возможности, развивать даже съ самаго нѣжнаго возраста, пользуясь всѣми приѣмами, могущими быть указанными здравой философіей. Именно въ такомъ постоянномъ упражненнн и будетъ состоять, главнымъ образомъ, какъ частное, такъ и общественное нравственное воспитаніе, которому будетъ всегда подчинено умственное образованіе. Я дополню это общее указаніе ниже приводимой характеристикой народнаго воспитанія.

ГЛАВА XVIII.

**Моральное воздѣйствіе духовной власти на общественное мнѣніе;
распредѣленіе похвалъ и порицаній, прославленіе великихъ людей,
осужденіе главныхъ ретроградовъ.**

Какъ бы совершенно ни было полученное воспитаніе, оно не можетъ достаточно направлять поведеніе среди бурныхъ волненій активной жизни, если та же духовная власть, которая его направляла, не закрѣпитъ его значеніе, распространяя его систематическое приложеніе на всю нашу какъ частную, такъ и общественную жизнь путемъ надлежащаго напоминанія отдѣльнымъ лицамъ и классамъ или даже націямъ объ истинномъ смыслѣ забытыхъ или непризнанныхъ принциповъ, въ особенности, объ ихъ мудромъ примѣненіи въ каждомъ случаѣ. Но здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ основномъ воспитаніи, духовная власть должна менѣе обращаться къ чистому разуму, чѣмъ къ непосредственному чувству. Ея главная сила явится результатомъ могущественной организаціи общественнаго мнѣнія, которое будетъ санкціонировать ея справедливое распредѣленіе похвалъ и порицаній, какъ это будетъ особо указано въ третьей части настоящаго разсужденія.

Это моральное воздѣйствіе человѣчества на cadaго отдѣльнаго человѣка,—что является необходимымъ слѣдствіемъ всякаго истиннаго согласія между принципами и чувствами—должно быть развито при позитивномъ режимѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Большая реальность господствующей доктрины и полная общественность соотвѣтственной среды доставятъ въ этомъ отношеніи позитивной духовной власти нравственныя преимущества, которыми не обладалъ католическій духовный авторитетъ.

Это естественное превосходство обнаружится, въ особенности, въ правильной организаціи почитанія памяти усопшихъ, что является въ рукахъ всякой духовной власти драгоцѣннѣйшимъ добавленіемъ къ нравственному воспитанію. Абсолютный характеръ теологической доктрины, еще болѣе чѣмъ несовершенство соціальной среды, обусловилъ неудачу благородныхъ стремленій католицизма къ настоящей всеобщности. Несмотря на всѣ его усилія, онъ никогда не могъ обнять своей систематической санкціей болѣе, чѣмъ весьма ограниченную часть времени и мѣста, въ которой его оцѣнка была всегда столь слѣпа и несправедлива, что онъ за нее упрекаетъ теперь своихъ собственныхъ враговъ. Только позитивное прославленіе можетъ неослабно и послѣдовательно распространяться на всѣ эпохи и на всѣ мѣста. Основанное на истинной теоріи человѣческой эволюціи оно воздастъ должное каждому состоянію и каждой фазѣ ея, такимъ образомъ оно естественнымъ путемъ призоветъ потомство къ поддержкѣ всѣхъ моральныхъ заповѣдей даже частнаго характера, распространяя до малѣйшихъ случаевъ свою общую систему почитанія памяти усопшихъ всегда въ одномъ и томъ же духѣ.

Не забывая здѣсь впередъ съ указаніями, имѣющими войти въ трактатъ, введеніемъ къ которому служить настоящее разсужденіе, я считаю, однако, необходимымъ охарактеризовать теперь же эту способность позитивизма однимъ примѣромъ, кото-

рый можетъ доставить матеріаль для перваго ея примѣненія. Онъ состоитъ въ ежегодномъ торжественномъ чествованіи памяти на всемъ западѣ въ установленные дни нашихъ трехъ главныхъ предшественниковъ въ социальномъ отношеніи, Цезаря, Св. Павла и Карла Великаго, являющихся лучшими представителями древности, средневѣковья и связывающаго эти эпохи католицизма. Ни одинъ изъ этихъ выдающихся людей не могъ быть до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣненъ, вслѣдствіе отсутствія здоровой исторической теоріи, которая одна только и можетъ указать на ихъ важное участіе въ основной эволюціи. Этотъ пробѣлъ замѣтенъ даже по отношенію къ Св. Павлу, несмотря на почести, воздаваемые ему религіей; позитивизмъ естественнымъ образомъ поидеть дальше въ этомъ отношеніи, исторически представляя этого великаго человѣка, какъ истиннаго основателя того, что неточно называютъ христіанствомъ. Новая всеобщая доктрина еще въ болѣе сильной степени является единственною, способною правильно оцѣнить Цезаря, почти непризнаваемаго теологической и метафизической философіями, равно какъ Карла Великаго, предназначеніе котораго могло быть только весьма несовершенно обрисовано католицизмомъ.

Но не взирая на недостаточность систематическихъ сужденій, признательное общество самопроизвольно поддерживало культъ этихъ трехъ великихъ именъ. Отсюда понятно, насколько единодушно будетъ принято всею семьей западныхъ народовъ достойное позитивистское чествованіе ихъ памяти.

Чтобы дополнить этотъ характерный примѣръ, нужно еще добавить указаніе на двоякій результатъ здоровой исторической оцѣнки, которая приводитъ не только къ восхваленію, но и къ порицанію. Хотя послѣднее должно развиваться гораздо менѣе, чѣмъ первое, изъ опасенія чрезмѣрно культивировать тягостные и даже губительные аффекты, тѣмъ не менѣе нужно иногда умѣть энергично клеймить, дабы дѣлать болѣе нагляднымъ одобреніе и, слѣдовательно, болѣе укрѣплять социальныя принципы и чувства. Такъ, устанавливая систематическое почитаніе памяти трехъ великихъ людей, наиболѣе способствовавшихъ ускоренію человѣческой эволюціи, я предложилъ бы одновременно подвергать торжественному порицанію двухъ главныхъ ретроградовъ, которыхъ намъ представляетъ исторія, Юліана и Бонапарта, изъ которыхъ одинъ былъ болѣе безразсуденъ, а другой болѣе преступенъ. Реальное вліяніе этихъ двухъ отверженныхъ было достаточно обширно, чтобы ихъ справедливое періодическое клеймленіе могло стать одинаково популярнымъ во всѣхъ частяхъ запада ¹⁾.

Эти двѣ различныя оцѣнки прошлаго составляютъ одновременно неизбежное продолженіе и необходимое дополненіе основнаго назначенія духовнаго организма, а именно, подготовленіе будущаго путемъ воспитанія въ собственномъ смыслѣ слова. Но это назначеніе даетъ почву для другого рода дополнительныхъ функцій, имѣющихъ цѣлью прямо измѣнять настоящее, благодаря благотворному вліянію въ качествѣ совѣтника, которое всякая истинно воспитательная власть естественнымъ образомъ оказываетъ на любую часть активной жизни какъ частной, такъ и общественной. Хотя эти совѣты должны быть всегда свободно получаемы практическими

¹⁾ Впослѣдствіи Контъ взялъ обратно это предложеніе. См. *Système de Politique positive*, томъ IV, глава V.

дѣятелями, они, тѣмъ не менѣе, являются болѣе плодотворными, когда они мудро исходятъ отъ надлежащаго теоретическаго авторитета. Они преимущественно касаются взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ или народовъ и стремятся, по возможности, улаживать различные внутренніе или внѣшніе споры, возникающіе на всемъ протяженіи соціальной среды, которая, допуская одну и ту же доктрину и получая одно и то же воспитаніе, добровольно признаетъ однихъ и тѣхъ же интеллектуальныхъ и моральныхъ руководителей.

Въ третьей части настоящаго разсужденія мнѣ придется опредѣлить главную сферу этого второго рода дополнительныхъ функцій, которыми заканчиваю здѣсь систематическое указаніе нормальныхъ областей новой духовной власти.

Г Л А В А XIX.

Девизъ позитивизма: порядокъ и прогрессъ.

Предшествующія замѣчанія позволяютъ теперь опредѣлить, какимъ образомъ все характерныя черты, отличающія эту способность къ преобразованію, самопроизвольно реформируются въ основномъ, одновременно философскомъ и политическомъ, девизѣ (порядокъ и прогрессъ), созданіе и провозглашеніе котораго я всегда буду считать своей заслугой.

Прежде всего, одинъ только позитивизмъ можетъ прочно построить каждое изъ этихъ двухъ важныхъ понятій, разсматриваемыхъ въ одно и то же время, какъ научныя и соціальныя. Эта исключительная способность очевидна по отношенію къ прогрессу, яснаго и полнаго опредѣленія котораго ни одна другая доктрина не можетъ дать. Но, хотя касательно порядка она менѣе замѣтна, все же, какъ видно изъ разъясненій, данныхъ въ первой части настоящаго разсужденія, она и здѣсь не менѣе реальна, не менѣе глубока.

Всякая предыдущая философія по необходимости должна была считать порядокъ недвижнымъ; а эта идея совершенно непримѣнима къ современной политикѣ. Позитивная же философія, способная избѣгать понятія абсолюта, не вводя, однако, понятія произвола, можетъ, такимъ образомъ, дать единственное понятіе порядка, соответствующее нашей прогрессивной цивилизаціи. Она строитъ это понятіе на непоколебимомъ основаніи, сообщая ему объективный характеръ, согласно всеобщему догмату о непреложности естественныхъ законовъ, не допускающему въ этомъ отношеніи никакого субъективнаго уклоненія. Для новой философіи искусственный порядокъ, какъ соціальныхъ, такъ и всѣхъ другихъ явленій, необходимо покоится на естественномъ порядкѣ, обусловленномъ всюду совокупностью реальныхъ законовъ.

Г Л А В А XX.

Прогрессъ есть только развитіе порядка.

Основное согласованіе между порядкомъ и прогрессомъ составляетъ еще болѣе неотъемлемое преимущество позитивизма. Ни одна доктрина даже не пыталась привести это необходимое сліяніе, которое онъ самопроизвольно устанавливаетъ, переходя сообразно своей энциклопедической системѣ отъ малѣйшихъ научныхъ случаевъ до важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. Теоретически онъ сводитъ это согласованіе къ необходимому соотношенію между существованіемъ и движеніемъ, сперва разработанному относительно простѣйшихъ неорганическихъ явленій и затѣмъ дополненному біологическими понятіями. Послѣ этой двойной подготовки, доставляющей этому сочетанію внушительное научное основаніе, онъ опредѣляетъ его окончательное назначеніе, распространяя его на здравыя соціальныя умозрѣнія, откуда тотчасъ вытекаетъ его практическое значеніе, присущее всей позитивной систематизаціи. Порядокъ становится тогда неизмѣннымъ условіемъ прогресса, между тѣмъ какъ прогрессъ составляетъ непрерывную цѣль порядка.

Наконецъ, путемъ болѣе глубокой оцѣнки, позитивизмъ прямо представляетъ человѣческій прогрессъ, какъ состоящій всегда въ простомъ развитіи основного порядка, который по необходимости содержитъ въ себѣ зародышъ всѣхъ возможныхъ успѣховъ. Здравая теорія нашей индивидуальной или коллективной природы доказываетъ, что ходъ нашихъ превращеній совершается эволюціонно, безъ участія какого-либо творчества. Этотъ общій принципъ вполне подтверждается историческимъ изслѣдованіемъ, всегда вскрывающимъ уходящіе вглубь корни cadaго совершившагося измѣненія вплоть до наиболѣе глубокаго первоначальнаго состоянія, зародыша всѣхъ будущихъ усовершенствованій.

Въ силу этого основного тождества прогрессъ въ свою очередь становится показателемъ порядка. Поэтому анализъ идеи прогресса можетъ достаточно характеризовать двойное понятіе, на которомъ покоятся одновременно соціальныя наука и искусство. Разсматриваемая такимъ образомъ эта оцѣнка дѣлается болѣе доступной пониманію, въ особенности, въ наше время, когда новизна и важность теоріи прогресса сильно занимаютъ вниманіе публики, по своему понимающей огромное значеніе подобной идеи, какъ необходимое основаніе всякой здоровой моральной и политической доктрины.

Г Л А В А XXI.

Теорія прогресса: матеріальнаго, физическаго, интеллектѹального и моральнаго.

Позитивизмъ считаетъ постоянной цѣлью всего нашего личнаго и общественнаго существованія всеобщее совершенствованіе сперва внѣшнихъ условій и затѣмъ, въ особенности, нашей внутренней природы. Первый родъ прогресса—одинъ и тотъ же

для насъ и для всѣхъ болѣе высшихъ животныхъ, стремящихся болѣе или менѣе улучшить свое матеріальное положеніе. Несмотря на низменный характеръ прогресса этого рода, онъ, благодаря своей большей легкости, составляетъ для насъ необходимое начало совершенствованія, болѣе высокія степени котораго не могутъ быть оцѣнены народами, оставшимися чуждыми его болѣе грубой формѣ. Это-то и является причиной наблюдаемаго въ настоящее время сильнаго влеченія къ матеріальному прогрессу, въ которомъ избранная часть человѣчества черпаетъ, сверхъ того, самопроизвольное побужденіе къ болѣе благоприятнымъ улучшениямъ, систематическіе противники которыхъ не смѣютъ отвергать этой непроизвольной первоначальной соблазнительности. Впрочемъ, наша умственная и нравственная апатія, мѣшающая намъ предпринять какое-либо другое существенное совершенствованіе, объясняетъ, хотя и не оправдываетъ, чрезмѣрное значеніе, которое теперь придается матеріальному прогрессу.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что только второй родъ прогресса составляетъ главную характерную черту человѣчества, за исключеніемъ слабаго почина, обнаруживаемаго въ этомъ отношеніи нѣкоторыми высшими животными, которыя дѣйствительно въ самыхъ грубыхъ чертахъ стремятся улучшить также свою собственную природу.

Это истинно человѣческое совершенствованіе обнимаетъ три вида улучшеній, трудность которыхъ возрастаетъ одновременно съ ихъ важностью и обширностью, смотря по тому, касаются ли они нашей физической, интеллектуальной или моральной природы. Его первая ступень, которая можетъ быть разложена согласно тому же принципу, почти сливается своимъ началомъ съ простымъ матеріальнымъ прогрессомъ. Но въ цѣломъ она является гораздо болѣе важной и болѣе трудной, въ виду ея чрезвычайно большаго вліянія на наше истинное счастье. Мы, напримѣръ, болѣе выигрываемъ отъ малѣйшаго удлиненія нашей жизни или какого-либо укрѣпленія нашего здоровья, чѣмъ отъ болѣе старательныхъ усовершенствованій русла нашихъ рѣкъ или нашихъ искусственныхъ путей сообщенія, которыми никогда мы не достигнемъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются птицы благодаря ихъ естественной организаціи. Во всякомъ случаѣ, этотъ первый видъ внутренняго прогресса не можетъ считаться исключительно присущимъ человѣку, такъ какъ нѣкоторыя животныя дѣлаютъ кой-какіе самопроизвольные шаги въ этомъ направленіи, въ особенности, относительно чистоплотности, являющейся естественнымъ началомъ подобнаго рода совершенствованія.

Такимъ образомъ, человѣчество хорошо характеризуется только интеллектуальными и моральными преуспѣянiями, доступными для животныхъ лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, коллективный же подъемъ ихъ возможенъ только при нашемъ постоянномъ вмѣшательствѣ.

Эти двѣ высшія ступени полнаго совершенствованія не равны по своей цѣнности, обширности и трудности, подобно тому, какъ не равны двѣ низшія ступени, при чемъ мы ихъ всегда оцѣниваемъ по ихъ дѣйствительному вліянію на частное или общественное человѣческое счастье. Наше умственное, научное или эстетическое улучшеніе какъ со стороны метода наблюденія, такъ и со стороны индуктивной или дедуктивной способности, когда соціальное состояніе позволяетъ надлежащимъ

образомъ ею пользоваться, имѣть большее значеніе для нашей судьбы и доступно большому подъему, чѣмъ всё физическія и тѣмъ болѣе матеріальныя улучшенія.

Но согласно основному объясненію, данному въ началѣ настоящаго разсужденія, ясно, что истинное человѣческое счастье еще болѣе зависитъ отъ моральнаго прогресса, совершить который мы имѣемъ также больше возможности, хотя онъ и является болѣе труднымъ. Нѣтъ такого интеллектуальнаго улучшенія, которое въ этомъ отношеніи могло бы быть равноцѣнно, напримѣръ, дѣйствительному увеличенію доброты и мужества. Поэтому, чтобы упростить точное понятіе о совокупности нашей личной или общественной жизни, достаточно указать, что она должна быть, главнымъ образомъ, посвящена нравственному совершенствованію, приводящему насъ къ истинному счастью болѣе прямымъ и болѣе вѣрнымъ путемъ, чѣмъ всякое другое. Хотя оно не можетъ избавить насъ отъ предшествующихъ видовъ совершенствованія, долженствующихъ даже служить постепеннымъ подготовленіемъ къ нему, оно тѣмъ болѣе способно вмѣстить въ себя цѣль всей нашей жизни, что, благодаря этой связи, оно естественно вызываетъ всё другія совершенствованія.

Итакъ, наше совершенствованіе относится, главнымъ образомъ, къ двумъ нравственнымъ качествамъ, наиболѣе важнымъ для реальной жизни, а именно для аффективнаго импульса и активнаго рѣшенія; эти качества суть благорасположеніе и энергія; на это указываетъ удачная двусмысленность во всѣхъ нашихъ западныхъ языкахъ значенія слова сердце у двухъ половъ. Позитивная философія необходимо стремится развить эти качества болѣе непосредственно, болѣе полно и болѣе вѣрно, чѣмъ всякая другая предшествующая ей доктрина.

Подчиняя социальному чувству всё наши мысли, чувства и дѣйствія, она является пропитанной благорасположеніемъ. Что касается энергіи, то она ее всюду предполагаетъ и постоянно внушаетъ тѣмъ, что кореннымъ образомъ исключаетъ всякое стѣсненіе свободы, возбуждаетъ въ насъ сознаніе истиннаго достоинства и непрерывно побуждаетъ насъ къ частной и коллективной дѣятельности. Наше собственное вступленіе въ эту конечную форму существованія составляетъ въ этомъ отношеніи рѣшительное доказательство, обязывая каждого изъ насъ преодолѣть страхи, которые нѣкогда приводили въ колебаніе наиболѣе мужественные и наиболѣе гордые характеры.

Такова основная система человѣческаго совершенствованія, являющагося вначалѣ матеріальнымъ, далѣе физическимъ, затѣмъ интеллектуальнымъ и, наконецъ, въ особенности, моральнымъ. Эти четыре главныя ступени могутъ быть разложены согласно тому же правилу на второстепенныя, при чемъ между ними образуется много нормальныхъ переходовъ. Хотя я не могу здѣсь вдаваться въ эти подробности, все же считаю необходимымъ указать, что философскій принципъ всего этого разложенія, тождествененъ съ принципомъ истинной энциклопедической іерархіи, соответствующей или общности или сложности явленій. Оба ряда будутъ точно соответствовать другъ другу, если они будутъ составлены по одному и тому же способу. Они кажутся различными только въ виду необходимости болѣе подробно означать для научной цѣли ихъ нижнюю часть и для социальнаго приложенія — ихъ высшую часть. Но эта двойная лѣстница истины и добра приводитъ къ одному и тому же заключенію какъ въ томъ случаѣ, когда социальная точка зрѣнія ставится

выше всѣхъ другихъ, такъ и въ томъ, когда высшее благо полагается во всеобщей любви.

Эта систематическая оцѣнка основного девиза представляетъ собой краткую характеристику духовнаго преобразованія, составляющаго главное назначеніе новой философіи. Не трудно теперь понять, какимъ образомъ позитивизмъ осуществляетъ одновременно наиболѣе благородныя соціальныя попытки католицизма въ средніе вѣка и наиболѣе важныя условія великой программы конвента. Окончательно присваивая себѣ противоположныя достоинства, принадлежавшія раньше католичеству и революціонному духу, онъ обеспечиваетъ одновременное упраздненіе теологическаго и метафизическаго методовъ мышленія, такъ какъ отнынѣ, когда ихъ противорѣчивыя функціи лучше выполняются одной конечной доктриной, они оба уже бесполезны. Нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской должно было въ особенности вызвать это сліянiе и это необходимое очищеніе, ибо оно было главнымъ предметомъ этого долгаго подготовительнаго антагонизма.

Г Л А В А XXII.

Политическія указанія. Переходный режимъ. Временное правительство.

Опредѣливъ по возможности умственное и нравственное преобразованіе, которое должно характеризовать на всемъ западѣ вторую часть великой революціи, мнѣ остается указать необходимыя отношенія между этимъ философскимъ движеніемъ и всей современной политикой.

Хотя эволюція позитивизма въ основѣ независима отъ соціальныхъ стремленій, представляемыхъ нынѣ остатками старыхъ доктринъ, однако, общій ходъ событій можетъ оказать на нее воздѣйствіе, которое важно предвидѣть. Обратное, новая доктрина, хотя и лишена возможности значительно измѣнить соответствующую среду, способна, однако, произвести здѣсь улучшенія, на которыя нужно указать. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія трактатъ, предисловіемъ къ которому служить это сочиненіе, будетъ содержать тщательное изслѣдованіе характера, который долженъ имѣть нормальный переходъ, долженствующій по возможности облегчить наступленіе нормальнаго будущаго, опредѣленнаго истинной соціальной наукой. Поэтому эта вторая часть моего общаго введенія была бы неполной, если бы я не присоединилъ къ ней достаточное указаніе на то, какова должна быть эта временная политика, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока обновляющая доктрина свободно не получитъ рѣшительнаго перевѣса.

Главная характерная черта этой политики опредѣляется ея временнымъ назначеніемъ. Ни одно постоянное учрежденіе не можетъ создаться, пока будетъ длиться современная анархія мнѣній и нравовъ. Покуда глубокія убѣжденія и систематическія привычки не возьмутъ верхъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ соціальной жизни, могутъ имѣть успѣхъ лишь различныя мѣры, способныя облегчить это основное переустройство. Всѣ другія попытки по необходимости будутъ недолговѣчны, какъ

опытъ это уже неоднократно подверждалъ вопреки напрасной надеждѣ ихъ авторовъ, поддерживаемой вначалѣ народнымъ увлеченіемъ.

Это неизбѣжное условіе нашего революціоннаго состоянія было надлежащимъ образомъ понято только памятнымъ собраніемъ, руководившимъ республиканскимъ переворотомъ. Изъ всѣхъ верховныхъ властей, которыя на протяженіи двухъ поколѣній стараются вершать наши судьбы, только конвентъ сумѣлъ избѣжать высококомѣрной политической иллюзіи, будто можно строить вѣчныя учрежденія, не ожидая созданія интеллектуальнаго и моральнаго фундамента. Поэтому онъ одинъ и оставилъ наиболѣе глубокіе слѣды въ умахъ и сердцахъ. Въ силу только того, что его великія мѣропріятія открыто назывались временными, не исключая даже тѣхъ, которыя болѣе касались будущаго, чѣмъ настоящаго, они оказывались въ естественной гармоніи со средой, подлежавшей измѣненію. Всякій истинный философъ всегда будетъ испытывать почтительное восхищеніе къ этой инстинктивной мудрости, которая не только не могла опираться ни на какую реальную теорію, но ей приходилось непрерывно бороться съ обманчивой метафизикой, духомъ которой были проникнуты умы всѣхъ выдающихся государственныхъ людей, которыми можетъ гордиться западъ со смерти великаго Фридриха. Это превосходство было бы необъяснимо, если бы обусловившая его настоящая необходимость не способствовала также въ значительной степени его подъему тѣмъ, что обнаруживала невозможность существованія въ данное время какого-либо окончательнаго строя, или тѣмъ, что сдерживала анархическія иллюзіи официальной доктрины путемъ сильнаго сосредоточенія политики, которое одно только могло помѣшать ретроградному вторженію.

Когда эта спасительная необходимость потеряла свой острый характеръ, великое собраніе поддалось, хотя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ его предшественникъ, метафизическому влеченію къ отвлеченному и полному устройству мнимаго окончательнаго состоянія, продолжительность котораго не достигла даже предѣла, назначеннаго въ началѣ для предварительнаго режима, обезсмертившаго первую половину правленія конвента.

Согласно своему первоначальному постановленію это революціонное правительство должно было прекратить свое существованіе только въ моментъ общаго мира. Но если бы оно могло продержаться до этого срока, то, вѣроятно, пришлось бы сохранить его и на будущее время, въ виду дѣйствительной невозможности установить въ то время окончательный образъ правленія.

Эта исключительная политика была, безъ сомнѣнія, продиктована только неотложными нуждами тогдашняго положенія, какъ необходимая для нашей національной защиты. Однако, кромѣ этой временной необходимости, которая отодвигала на задній планъ всякое другое соображеніе, существовалъ болѣе глубокий и болѣе прочный мотивъ, который могла обнаружить только историческая теорія, тогда еще невозможная. Онъ состоялъ въ чисто отрицательной природѣ господствующей метафизики, которая обусловила полное отсутствіе интеллектуальныхъ и моральныхъ основаній, требуемыхъ истиннымъ политическимъ переустройствомъ. Хотя этотъ огромный пробѣлъ не сознавался, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ главной причиной, вслѣдствіе которой пришлось отложить введеніе окончательнаго режима. Воцарившійся миръ не замедлил бы его обнаружить, такъ какъ онъ былъ уже признанъ въ про-

тивномъ лагерѣ людьми, чуждыми справедливой республиканской борьбѣ. Онъ былъ, въ особенности, незамѣтенъ благодаря неизбежному первоначальному заблужденію, приписывавшему настоящую органическую способность чисто критическимъ доктринамъ, разработаннымъ въ теченіе предыдущаго вѣка. Когда именно это торжество революціонной метафизики сдѣлало очевиднымъ ея существенно анархическую природу, стремленіе къ окончательнымъ построеніямъ становится необходимымъ началомъ продолжительнаго ретрограднаго движенія, различныя фазы котораго заполняютъ все слѣдующее столѣтіе. Ибо отсутствіе принциповъ, пріуроченныхъ къ дѣйствительному преобразованію, заставило основать эти тщетныя попытки на принципахъ стараго строя, выражавшихъ единственныя понятія реального порядка, которыя были тогда доступны систематизаціи.

Г Л А В А XXIII.

Духовное преобразование должно предшествовать свѣтской реформѣ.

Наше революціонное состояніе, въ силу вышеуказаннаго обстоятельства, не позволяетъ еще и теперь приступить къ непосредственному свѣтскому преобразованію изъ опасенія новыхъ ретроградныхъ попытокъ, которыя отнынѣ оказались бы въ то же время и анархическими. Хотя позитивизмъ уже установилъ философскія основанія истиннаго окончательнаго режима, эти новые принципы, однако, еще столь мало развиты и, въ особенности, такъ плохо оцѣнены, что они никоимъ образомъ не могутъ руководить политической жизнью въ собственномъ смыслѣ. Покуда они не займутъ перваго мѣста въ умахъ и сердцахъ, на что потребуется, по меньшей мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, они не смогутъ управлять постепеннымъ возведеніемъ окончательныхъ учрежденій.

Въ настоящее время можно прямо заняться только духовнымъ преобразованиемъ, которое, не взирая на его чрезвычайную трудность, стало, наконецъ, настолько же осуществимымъ, насколько раньше оно было крайне необходимымъ. Когда оно будетъ достаточно двинуто впередъ, оно мало-по-малу опредѣлитъ дѣйствительное свѣтское преобразование, которое, будучи предпринято преждевременно, вызвало бы только новыя неурядицы.

Конечно, эти смуты не могутъ уже повлечь за собой такихъ же тяжелыхъ политическихъ послѣдствій, какъ раньше, такъ какъ именно наша глубокая духовная анархія препятствуетъ преобладанію всѣхъ дѣйствительныхъ одновременно прочныхъ и общихъ убѣжденій. Единственныя сильно преобладавшія доктрины безвозвратно обезсилены послѣ того, какъ неопровержимый опытъ, сопровождавшійся рѣшительной критикой, доказалъ всюду органическую несостоятельность и разрушительную тенденцію революціонной метафизики. Ослабленная сдѣланными теологическими уступками, которыя были вызваны ея созидательными стремленіями, она можетъ только привести къ политикѣ, вѣчно колеблющейся между ретроградными стремленіями и анархіей, или, вѣрнѣе, являющейся одновременно стѣснительной и разру-

шительной въ силу необходимости обуздывать социальную среду, для которой господство метафизики сдѣлалось столь же ненавистно, какъ и царство теологій.

Но хотя это коренной разладъ и долженъ теперь разсѣять всякое серьезное безпокойство о возможности глубокихъ политическихъ смуть, отнынѣ невозможныхъ въ виду отсутствія достаточной страстности, тѣмъ не менѣе, эмпирическія стремленія къ непосредственному созданію окончательнаго строя могутъ помимо ихъ неизбѣжной бесплодности вызвать еще прискорбныя нарушенія порядка. Внутреннее спокойствіе и внѣшній миръ покоятся теперь только на ослабленіи разрушительныхъ силъ, обусловленномъ расширеніемъ разрушительнаго движенія, но не существуетъ никакой прямой и нормальной гарантіи. Это странное положеніе вещей будетъ неминуемо продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться интеллектуальное и моральное междуцарствіе, не позволяющее установить надлежащее согласіе принциповъ и чувствъ, которое одно только способно создать въ этомъ двойномъ отношеніи реальную и полную безопасность.

Хотя самопроизвольность этого временнаго равновѣсія дѣлаетъ его болѣе прочнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, оно естественнымъ образомъ вызываетъ внутри и даже внѣ страны частыя тревоги, которыя, являясь всегда тягостными, нерѣдко влекутъ за собой на практикѣ губительныя реакціи. Всякая же попытка немедленно приступить къ свѣтской реформѣ не только не въ состояніи улучшить это положеніе, но всегда приводитъ къ ухудшенію его, искусственно оживляя одряхлѣвшія доктрины, которымъ нужно было бы предоставитъ естественно угасать. Тщетныя попытки со стороны власти къ ихъ пробужденію могутъ привести только къ нарушенію у публики и даже среди мыслителей умственной свободы, необходимой для мирнаго воцаренія истинныхъ и окончательныхъ принциповъ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что настало мирное время, наша новая республиканская политика, въ виду продолжающагося духовнаго междуцарствія, должна быть также, какъ и старая, по существу временной. Этотъ временный характеръ долженъ даже особенно рѣзко въ ней проявляться, такъ какъ не существуетъ уже никакихъ серьезныхъ иллюзій относительно органической цѣнности официальной метафизики, которая въ силу потребности въ какихъ-нибудь принципахъ, съ одной стороны, и по недостатку настоящей социальной доктрины—съ другой, нынѣ какъ будто воскресла, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ полнымъ отсутствіемъ систематическихъ убѣжденій у большинства дѣятельныхъ умовъ. Иллюзія, вначалѣ неизбѣжная, заставившая пользоваться чисто критическими принципами въ качествѣ органическихъ, не можетъ серьезно возродиться.

Чтобы успокоиться на этотъ счетъ, достаточно обратить вниманіе на повсемѣстное распространеніе промышленныхъ нравовъ, эстетическихъ вкусовъ и научныхъ стремленій, тройное самопроизвольное вліяніе которыхъ непримиримо съ социальнымъ господствомъ метафизическихъ догмъ, какъ идеологическихъ, такъ и психологическихъ. Не нужно особенно бояться естественнаго увлеченія, возвращающаго насъ теперь къ первой части революціи, дабы вновь укрѣпить наши республиканскія чувства, заставляя насъ скорѣе забыть и продолжительное ретроградное движеніе и двусмысленное неподвижное состояніе, отдаляющія насъ отъ первоначальнаго потрясенія, съ которымъ все болѣе и болѣе непосредственно будутъ связываться

окончательныя воспоминанія человѣчества. Удовлетворя этой потребности, общественный инстинктъ не замедлитъ въ то же время понять, что въ этой великой эпохѣ главнымъ предметомъ подражанія должна быть для насъ только поразительная мудрость, съ которой конвентъ въ теченіе прогрессивной фазы оцѣнилъ необходимость безусловно временной политики, оставляя до лучшихъ временъ окончательное переустройство. Есть основаніе надѣяться, что всякая новая попытка создать отвлеченную конституцію вызоветъ вскорѣ во Франціи, и, слѣдовательно, на всемъ западѣ глубокое общее убѣжденіе въ полной тщетѣ подобныхъ опытовъ.

Впрочемъ, это послѣднее усиліе угасающей метафизики совершится при условіяхъ полной свободы обсужденія и среди народа одинаково недовѣрчиво относящагося, какъ къ политическимъ сущностямъ, такъ и къ христіанскимъ тайнамъ. Ни одинъ изъ предыдущихъ опытовъ не прои³водился при условіяхъ столь неблагоприятныхъ для доктринъ, не допускающихъ истинныхъ доказательствъ, которыя составляютъ отнынѣ единственный возможный источникъ прочной вѣры. Такимъ образомъ, если даже новая конституція будетъ разработана со всей надлежащей тщательностью, общественное мнѣніе ее, можетъ быть отвергнетъ, прежде чѣмъ она будетъ окончена, не позволивъ ей оффиціально существовать даже то короткое время, въ теченіе котораго въ среднемъ продержались предшествующія конституціи. Всякая же попытка со стороны закона ограничить по этому предмету свободу преній только вѣрнѣе приведетъ къ этому естественному слѣдствію нашего умственного и соціального состоянія.

Г Л А В А XXIV.

Задача правительства въ теченіе духовнаго междуцарствія: обезпечить матеріальный порядокъ, гарантировать свободу слова и преній.

Необходимость, предписывающая намъ чисто временную политику, покуда будетъ длиться духовное междуцарствіе, опредѣляетъ также истинную природу этого переходнаго режима. Если бы революціонное правительство конвента продержалось до наступленія общаго мира, оно, безъ сомнѣнія, осталось бы и далѣе у власти, измѣнивъ только согласно новымъ потребностямъ свой главный характеръ. Пока продолжалась національная борьба, оно должно было представлять собой сильную диктатуру, одновременно духовную и свѣтскую, отличавшуюся отъ павшей королевской власти только болѣе высокой напряженностью вслѣдствіе чрезвычайно прогрессивнаго направленія; эта черта только и отличала ее отъ настоящей тираніи. Но миръ по необходимости положилъ конецъ этому полному сосредоточенію политики, безъ котораго защита республики была бы безуспѣшна. При измѣнившихся обстоятельствахъ временное правительство, обязанное своимъ существованіемъ только отсутствію истинныхъ соціальныхъ принциповъ, должно допустить полную свободу изложенія и преній, дотолѣ невозможную и даже опасную, но ставшую теперь необходимымъ условіемъ разработки и установленія новой всеобщей доктрины, которая одна лишь можетъ служить твердымъ основаніемъ для окончательнаго преобразования.

Это предполагаемое превращеніе собственно революціоннаго правительства должно осуществиться въ исключительной политикѣ, наиболѣе подходящей для французской республики, возрождающейся среди общаго отнынѣ непоколебимаго мира и глубокой духовной анархіи. Недостойные преемники конвента превратили въ ретроградную тиранію ввѣренную имъ силою обстоятельствъ прогрессивную диктатуру. Въ послѣднюю фазу долгой реакціи это полное сосредоточеніе было кореннымъ образомъ обезсилено противодѣйствіемъ на основаніи закона мѣстной власти. Хотя центральная власть домогалась всегда оффиціального всемогущества, однако, неизбежное расширение свободы изслѣдованія все болѣе и болѣе сводило на нѣтъ ея бесполезное духовное господство, оставляя ей только свѣтское главенство, котораго требовалъ общественный порядокъ. Въ теченіе перерыва, послѣдовавшаго за реакціей, даже свѣтская диктатура была законнымъ путемъ уничтожена, благодаря раздробленію центральной власти и усиленію мѣстной власти. Обѣ эти власти молча отказались руководить духовнымъ преобразованіемъ, посвятивъ себя всецѣло все болѣе и болѣе трудному поддержанію матеріальнаго порядка среди полной умственной анархіи, которую еще усиливалъ позорный эмпиризмъ, который считалъ возможнымъ основать общественный строй на однихъ только интересахъ, безъ всякаго нравственнаго фундамента.

Прогрессивный характеръ, по необходимости присущій нашей республикѣ, конечно, несомнѣнно придаетъ ей двумъ свѣтскимъ органамъ естественное усиленіе напряженности, которое въ прежнее время возбудило бы непреодолимое отвращеніе. Но каждый изъ нихъ совершилъ бы огромную ошибку, если бы онъ попытался теперь возродить въ какой-либо формѣ временную диктатуру конвента. Хотя подобная попытка не могла бы увѣнчаться успѣхомъ, она, тѣмъ не менѣе, вызвала бы тяжелыя смуты, которыя отнынѣ были бы одновременно и анархическими и ретроградными, соотвѣтственно природѣ окончательно дискредитированной метафизики, которая при этомъ была бы примѣнена.

Такимъ образомъ, полное отсутствіе твердыхъ и общихъ убѣжденій заставляеть вести теперь чисто временную политику, ограничивающуюся, главнымъ образомъ, матеріальнымъ порядкомъ; въ то же время благоприятныя условія внутренняго и внѣшняго положенія вещей не требуютъ другой политики для содѣйствія великому умственному и нравственному обновленію, долженствующему характеризовать окончательный строй. Разсѣивая навсегда оффиціальную ложь, согласно которой конституціонная монархія признавалась окончательнымъ результатомъ великой революціи, наша республика можетъ провозгласить непреложнымъ только свой единственный нравственный принципъ: полное и постоянное преобладаніе соціальнаго чувства, прямо посвящающаго общему благу всѣ реальныя силы.

Таково теперь единственное, истиннѣ окончательное правило, которое нѣтъ надобности предписывать, такъ какъ оно самопроизвольно вытекаетъ изъ всеобщихъ стремленій, не позволяющихъ его оспаривать съ тѣхъ поръ, какъ всѣ противорѣчивыя предразсудки совершенно разрушены. Но что касается доктринъ и, слѣдовательно, учреждений, могущихъ организовать это прямое царство универсальной общественности, наша республиканская форма правленія въ сущности остается неопредѣленной и допускаетъ множество режимовъ. Безвозвратнымъ, съ политической

точки зрѣнія, здѣсь является только полное уничтоженіе королевской власти, которая, въ какой бы формѣ она ни существовала, составляла съ давнихъ поръ во Франціи и даже, въ меньшихъ степеняхъ, на всемъ западѣ символъ регресса.

Это торжественное признаніе главенства социальнаго чувства—главная заслуга республиканской формы правленія—прямо отвергаетъ всякое притязаніе на непосредственное созданіе окончательнаго режима, такъ какъ это противорѣчитъ добросовѣстному исканію реального рѣшенія, предполагающаго наличность систематическихъ условій, источникомъ которыхъ не могутъ быть современные остатки прежнихъ доктринъ. Требуя, чтобы умственное и нравственное преобразование отнынѣ было искренно предоставлено свободному соперничеству всѣхъ мыслителей, истинные философы будутъ, такимъ образомъ, говорить отъ имени республики, для которой чрезвычайно важно помѣшать теперь стѣснительному освященію какого-либо изъ нерациональныхъ вѣрованій. Подобная поддержка будетъ гораздо болѣе цѣлесообразна для обезпеченія полной философской свободы противъ вредныхъ излишествъ политическаго движенія, чѣмъ инстинктивное сопротивленіе реакціонной власти, обнаруженное ею въ теченіе парламентарнаго перерыва.

Это сильное, но слѣпое отвращеніе къ непосредственному создаванію учрежденій, будетъ отнынѣ, къ счастью, замѣнено естественнымъ возрастаніемъ мудраго общественнаго равнодушія, вслѣдствіе неизбежнаго крушенія всѣхъ нестройныхъ попытокъ, внушенныхъ различными метафизическими утопіями. Единственная истинная философская опасность, которую можетъ представить новое политическое состояніе, заключается въ его стремленіи отвращать общество и даже мыслителей отъ всякаго глубокаго и продолжительнаго размышленія, побуждая ихъ отдаваться немедленнымъ практическимъ опытамъ, основаннымъ только на поверхностной и поспѣшной оцѣнкѣ. Слѣдуетъ признать, что наше современное настроеніе было бы совершенно неподходящимъ для первоначальной разработки преобразовательной доктрины, если бы эта доктрина не была уже проведена при принудительномъ равновѣсіи, которое одно только посвящало ей нашъ слабый умъ въ то время, какъ обезсиленная политическая реакція уже не въ состояніи была помѣшать свободному полету философской мысли. Но подлинная концепція возникла окончательно въ послѣднюю фазу ретрограднаго движенія; затѣмъ она развивалась и даже распространялась во время остановки его при парламентарномъ режимѣ. Въ настоящее время новая философія выступаетъ въ качествѣ руководительницы социальнымъ прогрессомъ, навсегда возобладавшимъ. Эти временныя настроенія, которыя могли бы помѣшать ея возникновенію, довольно благоприятны для ея оцѣнки, лишь бы только ея главные органы сумѣли всегда съ достоинствомъ избѣгать пошлаго соблазна, который побуждаетъ нынѣ многихъ мыслителей отдаваться интересамъ дня. Только позитивная философія способна хорошо оцѣнить ничтожество и серьезную опасность различныхъ метафизическихъ утопій, оспаривающихъ руководство окончательнымъ преобразованиемъ, и она вскорѣ отвлечетъ публику отъ этого бесполезнаго политическаго волненія, чтобы сосредоточить всеобщее вниманіе на полномъ обновленіи мнѣній и нравовъ на основаніи ея принциповъ.

Пока республиканское правленіе обезпечиваетъ позитивизму полную свободу, необходимую для его дѣйствительнаго назначенія, оно можетъ быть, съ другой точки

зрѣнія, разсматриваемо, какъ начало нормальнаго состоянія, постепенно опредѣляющаго основную независимость новой духовной власти отъ мѣстной или центральной временной власти. Не только правительство, въ собственномъ смыслѣ, вскорѣ вынуждено будетъ признать свою неспособность осудить общую доктрину, требующую наличности высокихъ научныхъ знаній, которымъ наши государственные люди большей частью чужды, но, кромѣ того, неурядицы, вызываемыя честолюбивыми мечтаніями метафизиковъ, неспособныхъ оцѣнить современное положеніе, побудятъ общество оказывать довѣріе только мыслителямъ, которые откажутся отъ всякой политической карьеры и торжественно посвятятъ себя философіи.

Такимъ образомъ, нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, систематически проводимое позитивизмомъ, явится результатомъ нашего республиканскаго режима, который, увлекаясь соблазнительной легкостью непосредственныхъ примѣненій, вначалѣ какъ будто мѣшаетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя кажется, что наши революціонные предразсудки насъ еще значительно удаляютъ отъ этого великаго соціального принципа, однако, опытъ вскорѣ заставитъ правительство и общество признать его, чтобы обезпечить одновременно порядокъ и прогрессъ, которымъ одинаково угрожаютъ метафизическія утопіи. Всѣ истинные мыслители будутъ стараться даже преодолѣть слѣпое отвращеніе, внушаемое имъ этимъ принципомъ, и признаютъ, что если онъ и осуждаетъ ихъ пустое политическое честолюбіе, зато онъ имъ открываетъ огромное поприще благороднаго нравственнаго возвышенія. Помимо своего высокаго соціального назначенія, этотъ новый путь одинъ только можетъ привести къ осуществленію справедливыхъ личныхъ притязаній на званіе истиннаго философа, которое въ настоящее время часто компрометируется стремленіемъ философовъ къ временнымъ успѣхамъ.

Г Л А В А XXV.

Девизъ 1830 года соотвѣтствовалъ политическому состоянію.

Истинный характеръ нашей современной политики настолько опредѣленъ общимъ состояніемъ, что практической инстинктъ опередилъ въ этомъ отношеніи здравыя теоретическія указанія, какъ это доказываетъ удачный девизъ (свобода, общественный порядокъ), самопроизвольно возникшій у средняго класса въ началѣ долгаго неподвижнаго состоянія. Этотъ девизъ, авторъ котораго неизвѣстенъ, не имѣлъ никакой реальной связи съ ретроградными стремленіями пришедшей въ упадокъ королевской власти. Хотя онъ по существу эмпириченъ, тѣмъ не менѣе, его самопроизвольность дѣлаетъ его болѣе способнымъ, чѣмъ всякое другое метафизическое правило, формулировать два главныхъ условія породившей его соціальной среды.

Систематизируя это внушеніе общественной мудрости, здравая философія должна теперь его укрѣпить двойнымъ дополненіемъ, необходимымъ для его перваго назначенія, но слишкомъ противорѣчащимъ современнымъ предразсудкамъ для того, чтобы вытекать изъ какого-либо пракческаго источника. Оно состоитъ въ одновременномъ

развитіи двухъ членовъ формулы и провозглашаетъ истинную свободу обученія и главенство центральной власти надъ мѣстной.

Краткость этого разсужденія не можетъ мнѣ помѣшать дать здѣсь же, въ томъ и другомъ отношеніяхъ, хотя и чрезвычайно бѣглое, но полное резюме разъясненій, предназначенныхъ для четвертаго тома настоящаго трактата.

Г Л А В А XXVI.

Свобода обученія. Упраздненіе бюджета исповѣданій и бюджета Университета.

Отнынѣ позитивизмъ дѣйствительно составляетъ единственное систематическое ученіе, допускающее настоящую свободу изложенія и критики, которую не могутъ открыто провозгласить доктрины, неспособныя выдержать глубокой критики, такъ какъ онѣ не въ состояніи представить какихъ-либо рѣшительныхъ доказательствъ. Эта свобода, издавна обезпеченная по отношенію къ письменному изложенію, должна теперь распространиться на устное изложеніе и должна быть дополнена отказомъ свѣтской власти отъ всякой учебной монополіи.

Свободное обученіе, къ которому одинъ только позитивизмъ можетъ вполне искренно стремиться, стало необходимымъ для нашего состоянія: съ одной стороны какъ переходная мѣра, а съ другой даже какъ возвѣщеніе нормальнаго будущаго. Съ первой точки зрѣнія оно составляетъ необходимое условіе для признанія всякой доктрины, способной установить на основаніи тщательнаго обсужденія твердыя и общія убѣжденія, которыя считаетъ необходимымъ всякая законная система народнаго образованія, хотя она и не въ состояніи ихъ создать. Во второмъ отношеніи свобода преподаванія характеризуетъ уже окончательное состояніе, провозглашая совершенную некомпетентность всякой свѣтской власти въ дѣлѣ воспитанія.

Итакъ, позитивизмъ нисколько не отрицаетъ, что обученіе должно быть подчинено извѣстнымъ правиламъ. Но онъ устанавливаетъ, что организація учебнаго дѣла невозможна до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться духовное междуцарствіе; и что когда она станетъ осуществимой, благодаря свободному вліянію всеобщей доктрины она будетъ исключительно принадлежать новой интеллектуальной и моральной власти. До тѣхъ поръ государство должно отказаться отъ всякой полной системы всеобщаго образованія, оно должно только мудро поощрять тѣ отрасли образованія, которыми обычно наиболѣе пренебрегаютъ въ частныхъ учебныхъ предпріятіяхъ, въ особенности, въ начальномъ образованіи. Тѣмъ не менѣе, однако, нужно заботливо поддерживать, усовершенствуя, поскольку это позволяетъ нынѣшнее состояніе знанія, различныя общественныя учрежденія для высшаго спеціальнаго образованія, основанныя или преобразованныя конвентомъ; ибо они содержатъ драгоцѣнныя самопроизвольные зародыши будущей учебной системы. Но все то, что великое собраніе упразднило, должно быть теперь окончательно уничтожено, не исключая даже научныхъ академій, губительное уметвенное и нравственное вліяніе которыхъ показало послѣ ихъ возстановленія, насколько мудро было ихъ первоначальное закрытіе.

Справедливое постоянное попеченіе правительства о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ должно относиться не къ доктринамъ, а къ правамъ, позорно забытымъ современнымъ законодательствомъ. Вотъ единственная общая официальная функція, которую долженъ сохранить въ этомъ отношеніи нашъ временный режимъ. За исключеніемъ же этого, онъ долженъ предоставить всеобщее образованіе свободнымъ попыткамъ частныхъ обществъ, дабы создать почву для возникновенія окончательной системы, немедленное построеніе которой было бы только опасной мечтой.

Главное условіе подобной свободы состоитъ нынѣ въ одновременномъ уничтоженіи теологическаго и метафизическаго бюджетовъ, предоставляя каждому материально поддерживать то исновданіе и образованіе, которыя онъ предпочитаетъ. Это двойное упраздненіе должно, впрочемъ, производиться со справедливостью и великодушіемъ, подобающимъ дѣйствительному преобразованію, стоящему выше всякаго злобнаго соперничества; нужно будетъ, такимъ образомъ, соотвѣтственно вознаградить лицъ духовнаго и педагогическаго персонала, которымъ придется пострадать отъ мѣры, которую они не могли предвидѣть. Такое отношеніе значительно облегчитъ это необходимое слѣдствіе изъ состоянія, которое въ виду отсутствія какой-либо свободно господствующей доктрины, запрещаетъ, какъ ретроградный поступокъ, законное признаніе какой-либо изъ устарѣвшихъ системъ, нѣкогда оспаривавшихъ другъ у друга духовное главенство. Наши республиканскіе нравы уже достаточно благоспріятны для этого режима, вопреки стремленію идеологовъ наслѣдовать психологамъ въ пользованіи метафизическими выгодами.

Г Л А В А XXVII.

Преобладаніе центральной власти необходимо для обезпеченія общественнаго порядка.

Что касается условій общественнаго порядка, то систематическая санкція позитивизма должна ихъ также значительно укрѣпить, преодолевъ революціонные предрассудки противъ прямого преобладанія центральной власти. Метафизическое дѣленіе власти на исполнительную и законодательную составляетъ только невѣрное эмпирическое отраженіе великаго раздѣленія, возникшаго въ средніе вѣка между двумя элементами, необходимыми для управленія человѣчествомъ. Не взирая на тщетныя попытки конституціи разграничить ихъ, мѣстная и центральная власть всегда будутъ оспаривать другъ у друга всю полноту свѣтскаго авторитета, нераціонально раздробленнаго между ними въ виду временной необходимости. Такъ какъ все прошлое Франціи было благоспріятно для преобладанія центральной власти до эпохи ея вырожденія къ концу семнадцатаго вѣка, то предпочтеніе, оказываемое нами нынѣ мѣстной власти, составляетъ въ дѣйствительности историческую несообразность, которая стремится прекратиться одновременно съ прекращеніемъ опасеній, что можетъ наступить реакція.

Республиканское состояніе, давая намъ въ этомъ отношеніи прочную гарантію, вскорѣ измѣнитъ обычное направленіе нашихъ политическихъ симпатій. Центральная

власть не только представляетъ единственную дѣйствительно отвѣтственную власть, но является нынѣ наиболѣе приспособленной для нашихъ существенныхъ потребностей благодаря практическому духу, который необходимо будетъ въ ней все болѣе и болѣе преобладать и который дѣлаетъ ее болѣе склонной открыто отказаться отъ всякаго притязанія на духовное главенство. Собраніе, представляющее мѣстную власть, вслѣдствіе своего двусмысленнаго характера часто, напротивъ, уклоняется въ сторону теоретическаго господства, между тѣмъ какъ оно не удовлетворяетъ ни одному изъ главныхъ условій, требуемыхъ послѣднимъ. Преобладаніе мѣстной власти было бы, такимъ образомъ, губительнымъ для истинной свободы изслѣдованія, въ которой она должна инстинктивно усматривать естественный источникъ духовнаго авторитета, призваннаго ограничить ея собственный авторитетъ.

Только позитивизмъ, который въ настоящее время одинъ только можетъ оцѣнить эти различныя стремленія, смѣетъ также безповоротно провозгласить, что они систематически ведутъ къ предпочтенію центральной власти въ большинствѣ ея споровъ съ мѣстной властью. Философы, стоящіе выше всякаго подозрѣнія въ ретроградности или угодливости, отказывающіеся отъ всякаго служенія политикѣ и посвящающіе себя теперь духовному преобразованію, не побоятся энергично проповѣдывать прямое господство центральной власти и сведеніе мѣстной власти къ ея необходимымъ функціямъ. Нашъ республиканскій режимъ, несмотря на противорѣчащіе внѣшніе признаки, вскорѣ станетъ благопріятнымъ для этого спасительнаго преобразованія нашихъ первоначальныхъ революціонныхъ обычаевъ, такъ какъ оно разсѣетъ справедливое недовѣріе, внушенное ретрограднымъ духомъ королевской власти, а также облегчитъ на будущее время возможность подавлять всякое искаженіе, при чемъ мирное теченіе нашей обычной политики не будетъ нарушаться боязнью передъ случайностями, не могущими отнынѣ стать страшными.

Когда центральная власть обнаружитъ истинно прогрессивный характеръ, она найдетъ французское общество готовымъ къ сильному ограниченію мѣстной власти, путемъ сокращенія на три четверти чрезмѣрнаго числа членовъ представительнаго собранія, или же сведенія ея существенныхъ правъ къ періодическому вотированію налоговъ. Послѣдняя ретроградная фаза и продолжительный застой при парламентарномъ режимѣ вызвали въ этомъ отношеніи въ цѣломъ поколѣніи исключительныя настроенія, которыя легко могутъ измѣнить мудрое направленіе правительства и доказательство здравой философіи. Противорѣча всему нашему прошлому, они увлекаютъ насъ къ подражанію переходному политическому строю Англіи. Благодаря тому только, что въ послѣднее время представительная система сильно распространилась, она вскорѣ будетъ дискредитирована во Франціи, именно этотъ чрезвычайный подъемъ и обнаружитъ ея совершенную недостаточность и безпокойный характеръ, въ которыхъ ее упрекаетъ истинная философія.

Кромѣ этого существеннаго совершенствованія каждаго изъ двухъ важныхъ условій, присущихъ нашему временному режиму, позитивизмъ систематизируетъ и укрѣпляетъ ихъ внутреннюю естественную связь. Съ одной стороны, онъ даетъ понять, что истинная свобода требуетъ теперь сильнаго преобладанія центральной истинно прогрессивной власти, надлежащимъ образомъ сведенной къ практическому назначенію путемъ мудраго отреченія отъ духовнаго первенства. Ибо эта обычная

власть теперь необходима для обузданія стремленій къ притѣсненію различныхъ современныхъ доктринъ, которыя, будучи всё болѣе или менѣе несомвѣстими съ раздѣленіемъ двухъ социальныхъ властей, побуждаютъ обосновывать умственное согласіе на матеріальномъ угнетеніи. Сверхъ того, безъ этой охранительной власти полной философской свободѣ, соотвѣтствующей нашимъ современнымъ нравамъ, угрожала бы опасность также со стороны анархическихъ наклонностей, присущихъ духовному междуцарствію. Съ другой стороны, только увеличеніе этой свободы и можетъ позволить центральной власти достигнуть постоянного преобладанія надъ мѣстной властью, что является необходимымъ для дѣйствительнаго укрѣпленія общественнаго порядка, ибо искреннее уваженіе къ свободѣ немедленно разсѣиваетъ всё опасенія, какъ бы ни началось попятное движеніе, опасенія, препятствующія благотворному расширенію этой власти.

Какъ бы эмпирически ни были эти до сихъ поръ вполне естественныя безпокойства, они, безъ сомнѣнія, прекратятся тотчасъ послѣ оффиціального провозглашенія свободы обученія и ассоціацій, ибо тогда свѣтская власть не можетъ надѣяться и даже мыслить о томъ, чтобы дать первенство какой-нибудь доктринѣ въ окончательномъ строѣ нашего республиканскаго общества.

ГЛАВА XXVIII.

Способность позитивизма преобразовывать, не опираясь ни на Бога, ни на короля.

Указанія, данныя въ этой второй части, характеризуютъ уже особую способность позитивизма не только опредѣлять и готовить будущее, но также исправлять и улучшать настоящее всегда на основаніи точной систематической оцѣнки прошлаго, на основаніи здоровой теоріи человѣческой эволюціи. Ни одна другая философія не можетъ приступить къ рѣшенію вопроса, который передовая часть человечества отнынѣ ставитъ всѣмъ своимъ духовнымъ вождямъ: преобразовать общество, не опираясь ни на Бога, ни на короля, благодаря только нормальному преобладанію, одновременно частному и общественному, социальнаго чувства, которому надлежащимъ образомъ помогаютъ позитивный разумъ и реальная дѣятельность.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV ВЫПУСКА.

	СТР.
I. Курсъ позитивной философіи Огюста Конта.	1—46
ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.	
Изложеніе цѣли этого курса или общія соображенія о природѣ и значеніи позитивной философіи	1
ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.	
Изложеніе плана этого курса или общія соображенія объ іерархіи позитивныхъ наукъ	23
II. Синоптическая таблица курса позитивной философіи Огюста Конта.	46
III. Общій обзоръ позитивизма Огюста Конта	47—136
Предисловіе	49
Общее введеніе	50
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
Основной духъ позитивизма.	
Гл. I. Цѣль философіи заключается въ систематизаціи человѣческой жизни	54
Гл. II. Теологическая система не сумѣла охватить практическую сторону человѣческой жизни	55
Гл. III. Позитивный духъ имѣетъ своимъ источникомъ активную жизнь	56
Гл. IV. Какъ въ позитивномъ синтезѣ, такъ и въ человѣческой природѣ чувство играетъ преобладающую роль	58
Гл. V. Назначеніе ума состоитъ въ служеніи социальнымъ чувствамъ	59
Гл. VI. Теологическая философія считала умъ рабомъ сердца; въ позитивной системѣ онъ разсматривается, какъ слуга послѣдняго	61
Гл. VII. Субъективный принципъ позитивизма: умъ долженъ служить сердцу	62
Гл. VIII. Внѣшній міръ, объясняемый наукой, образуетъ объективное основаніе позитивизма	63

Гл. IX.	Внѣшній порядокъ сдерживаетъ наши эгоистическіе инстинкты и возбуждаетъ наши альтруистическія чувства	65
Гл. X.	Наши понятія о внѣшнемъ мірѣ непрерывно расширялись, но лишь недавно они стали удовлетворительными	66
Гл. XI.	Даже если внѣшній міръ неизмѣняемъ, онъ оказываетъ на характеръ человѣка благотворное вліяніе	67
Гл. XII.	Внѣшній міръ чаще всего видоизмѣняемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ	69
Гл. XIII.	Чтобы создать позитивный синтезъ, нужно было преодолѣть огромное теоретическое затрудненіе: дополнить понятіе объ естественномъ законѣ и распространить его на социальныя и моральныя явленія	74
Гл. XIV.	Открытіе социологическихъ законовъ придаетъ социальнымъ вопросамъ большое значеніе. Субъективный принципъ позитивизма не представляетъ опасности для свободной мысли	74
Гл. XV.	Естественные законы бываютъ двухъ родовъ: абстрактные и конкретные. Званіе и систематизація абстрактныхъ законовъ обосновываютъ позитивный синтезъ	75
Гл. XVI.	Синтезъ абстрактныхъ законовъ вытекаетъ изъ теоріи человѣческой эволюціи	77
Гл. XVII.	Возможность приступить къ социальному преобразованію	80
Гл. XVIII.	Не нужно смѣшивать позитивизмъ съ атеизмомъ, матеріализмомъ, фатализмомъ или оптимизмомъ. Какъ атеизмъ, такъ и теологія стремятся разрѣшать неразрѣшимые вопросы	80
Гл. XIX.	Матеріализмъ стремится подчинить высшія науки низшимъ. Позитивизмъ исправляетъ эту ошибку	83
Гл. XX.	Позитивизмъ не вѣритъ въ неизбежность судьбы: онъ поддерживаетъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ и долженъ видоизмѣнять внѣшній порядокъ	86
Гл. XXI.	Позитивизмъ не говоритъ, что все къ лучшему въ этомъ мірѣ: историческіе факты онъ разсматриваетъ относительно, но не оправдываетъ всѣхъ	87
Гл. XXII.	Различныя значенія слова «позитивное»: относительное, органическое, точное, достовѣрное, полезное, дѣйствительное. Позже оно получитъ также моральное значеніе	88

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соціальное назначеніе позитивизма, вытекающее изъ необходимой связи его со всей великой западной революціей

Гл. I.	Связь между французской революціей и позитивизмомъ	90
Гл. II.	Отрицательная или разрушительная фаза революціи благоприятствовала идеѣ прогресса, и слѣдовательно, изученію социальныхъ явленій	91
Гл. III.	Доказательства безсилія метафизической или критической доктрины	94
Гл. IV.	Періодъ реакціи (отъ 1794 до 1830 г.)	95
Гл. V.	Стационарное состояніе (отъ 1830 до 1848 г.)	96

Гл. VI. Уничтоженіе королевской власти. Республиканскій духъ предполагаетъ подчиненіе политики морали	97
Гл. VII. Необходимое согласованіе между порядкомъ и прогрессомъ. Порядокъ останется регрессивнымъ, пока прогрессъ будетъ анархическимъ	98
Гл. VIII. Неудовлетворительность различныхъ политическихъ партій	100
Гл. IX. Необходимость новой общей доктрины	101
Гл. X. Реформа должна быть сначала интеллектуальной; она должна распространиться на весь западъ	104
Гл. XI. Западная республика обнимаетъ Францію, Италію, Испанію, Англию и Германію.	106
Гл. XII. Первая попытка отдѣлить духовную власть отъ свѣтской имѣла мѣсто въ католическомъ средневѣковѣ	108
Гл. XIII. Отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Учрежденіе духовной власти, какъ органа Западной Республики	110
Гл. XIV. Нравственное ученіе позитивизма. Оно состоитъ въ возвышеніи альтруизма надъ эгоизмомъ, общественныхъ интересовъ надъ личными	112
Гл. XV. Нравственная прогрессія чувствъ: личныя, семейныя, общественныя. Человѣческое сердце можетъ перейти отъ перваго члена къ третьему только подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ	114
Гл. XVI. Альтруизмъ есть истинное основаніе личной морали	116
Гл. XVII. Нравственное воспитаніе должно быть основано на разсудкѣ и на чувствѣ	117
Гл. XVIII. Моральное воздѣйствіе духовной власти на общественное мнѣніе: распредѣленіе похвалъ и порицаній, прославленіе великихъ людей, осужденіе главныхъ ретроградовъ	119
Гл. XIX. Девизъ позитивизма: порядокъ и прогрессъ	121
Гл. XX. Прогрессъ есть только развитіе порядка	122
Гл. XXI. Теорія прогресса: матеріальнаго, физическаго, интеллектуальнаго и моральнаго	122
Гл. XXII. Политическія указанія. Переходной режимъ. Временное правительство	125
Гл. XXIII. Духовное преобразование должно предшествовать свѣтской реформѣ	127
Гл. XXIV. Задача правительства (въ теченіе духовнаго междуцарствія: обезпечить матеріальный порядокъ, гарантировать свободу слова и преній	129
Гл. XXV. Девизъ 1830 года соотвѣтствовалъ политическому состоянію	132
Гл. XXVI. Свобода обученія. Упраздненіе бюджета исповѣданій и бюджета университета	133
Гл. XXVII. Преобладаніе центральной власти необходимо для обезпеченія общественнаго порядка	134
Гл. XXVIII. Способность позитивизма преобразовывать, не опираясь ни на Бога, ни на короля	136

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОЗНАНІЯ „СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ Г. М. БИКЕРМАНА.

Предполагается около 30-ти томовъ.

До настоящаго времени вышли изъ печати:

1) ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ,

Литература, религія и культъ, проф. В. Грубе.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Книга нѣмецкаго ученаго содержитъ въ первой части очеркъ китайской литературы съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго времени. Лирика, драма, повѣствовательная литература и философія древнѣйшаго изъ современныхъ культурныхъ народовъ очерчены и въ ихъ взаимодѣйствіи и въ ихъ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ народа и укладомъ его жизни; приведены образцы древнѣйшей и болѣе поздней китайской поэзіи. Вторая часть говоритъ о древнѣйшей народной религіи, конфуціанствѣ, даосизмѣ, буддизмѣ и современной народной религіи; о храмовомъ служеніи, жертвоприношеніяхъ, о похоронныхъ и другихъ обычаяхъ, о повѣрьяхъ и обрядахъ. Въ цѣломъ книга даетъ полную картину духовной культуры Китая.

Съ 6 рисунками въ текстъ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ.

2) ЛЕКЦИИ ОБЪ ИСЛАМѢ,

проф. въ Будапештѣ І. Гольдцигера.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Исламъ не религія только, а своеобразная культура, въ формахъ которой живутъ до 300 милл. людей. Будапештскій ученый знакомитъ насъ въ своихъ лекціяхъ съ развитіемъ Ислама на протяженіи столѣтій отъ пророчества Магомета до открытія турецкаго и персидскаго парламентовъ и позже до нашихъ дней. Законъ Ислама, его философія, общественныя воззрѣнія мусульманскаго міра, существующія въ немъ направленія, школы и секты—въ этотъ сложный и малознакомый европейцамъ міръ вводитъ насъ книга Гольдцигера. Къ книгѣ приложена статья извѣстнаго ориенталиста Г. Вамбери: Культурное движеніе среди русскихъ татаръ.

3) СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ, Жана Роде.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Книга французскаго изслѣдователя знакомитъ насъ съ общественно-политической жизнью современнаго Китая. Первая часть рисуеъ политической строй стараго Китая, его бюрократическій и придворные нравы, личность знаменитой, нынѣ умершей, вдовствующей Императрицы, Юаньшикая и другихъ. Вторая часть знакомитъ насъ съ реформами послѣднихъ лѣтъ—военной, административной, политической, школьной и т. д. Послѣдняя часть рисуеъ переворотъ, произошедшій въ послѣдніе годы въ сознаниі китайскаго народа, знакомитъ насъ съ китайской прессой, партіями, тайными обществами и т. д.

4) ПЕРСІЯ и ПЕРСИДСКАЯ СМУТА, В. Берага.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Своеобразная природа страны и положеніе ея въ современном мѣрѣ; разнообразіе населяющихъ ее племенъ и ихъ бытъ, уровни и формы культуры; политическій строй и экономическія отношенія, многобразныя, пестрыя наслоенія духовной культуры страны; наконецъ, бурныя движенія, переживаемыя Персіей въ послѣдніе годы,—таково содержаніе книги французскаго изслѣдователя странъ Ближняго Востока.

5) ТРЕСТЫ и СИНДИКАТЫ, проф. І. Шастена.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Авторъ въ первой части своей книги даетъ обстоятельный очеркъ развитія предпринимательскихъ коалицій и теперешняго состоянія ихъ въ Западной Европѣ, Россіи и Соединенныхъ Штатахъ. Вторая часть разсматриваетъ синдикаты съ экономической точки зрѣнія—ихъ отношеніе къ конкуренціи, вліяніе на цѣны продуктовъ, на заработную плату и т. д. Третья часть говоритъ о синдикатахъ съ социальной точки зрѣнія—о вліяніи синдиката на личную инициативу, о соотношеніи между синдикатами и государствами и т. д.

6) КООПЕРАЦІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ, Ч. Р. Фэй.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Изслѣдованіе Фэй обнимаетъ Соединенное королевство, Германию, Данію, Швейцарію, Францію, Бельгію и Италію. Во всѣхъ этихъ странахъ авторъ изучаетъ кооперацію во всѣхъ ея проявленіяхъ: кредитныя товарищества въ городахъ и селахъ, національные кооперативные банки, сельско-хозяйственныя товарищества, въ частности—кооперативныя молочныя, производительныя товарищества, потребительныя товарищества. Весь этотъ обширный и разнообразный мѣръ авторъ изучилъ не по литературнымъ источникамъ только, а также непосредственнымъ наблюденіемъ. Мѣстнымъ особенностямъ разныхъ странъ въ книгѣ удѣлено меньше вниманія, чѣмъ явленіямъ, свойственнымъ кооперативному дѣлу вообще; но и изучая особенности той или другой страны, авторъ не въ случайномъ останавливался, а на такихъ лишь явленіяхъ, которыя, объясняя успѣхъ однѣхъ отраслей коопераціи и неуспѣхъ другихъ, вскрываютъ природу кооперативнаго дѣла вообще и становятся поучительными для всѣхъ. Настойчивый въ анализѣ и осторожный въ выводахъ, авторъ написалъ изслѣдованіе, одинаково далекое и отъ необоснованной восторженности и отъ чрезмѣрной недовѣрчивости: несправедливыя нападки на кооперацію и легковѣсныя возраженія авторъ отклоняетъ съ той же силой убѣжденія и съ тѣмъ же знаніемъ дѣла, что и неразумныя чары. Авторъ далъ многостороннее, вдумчивое изслѣдованіе, проникнутое любовью къ труждающемуся и глубокой вѣрой въ творческую силу самостоятельности.

Печатаются:

- 1) БИРЖА и ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, О. Штиллиха. Перев. съ нѣмецкаго.
- 2) СОВРЕМЕННАЯ АНГЛІЯ, Луи Казаміана. Перев. съ французскаго.

Готовится къ печати:

ИНДІЯ, Шайзэ.